

Диана Шмелева

ДЕВЯТЬ ЖИЗНЕЙ

В прекрасном портовом городе хозяйничает молодой инквизитор, предмет мечтаний множества женщин, даром что он собирается принять обет безбрачия. В город из нашего мира попадает и становится волшебным чёрный кот, которому из-за суеверий здесь бы не выжить, но его не побоится приютить благородная бедная девушка, а он найдёт, что сказать о героях и тогда, когда в городе мир, и когда нападут пираты. Романтически-приключенческая повесть с элементами сказки в антураже Испании XVI–XVII веков.

Диана Шмелева

Девять жизней

— Как вы могли передать дело в суд с такими ничтожными доказательствами!

— Святой суд посчитал их достаточными.

— Конечно, вы написали обвинительный вывод, как будто нет ни малейших сомнений, и не позволили несчастным ни слова защиты!

— Судья присутствовал при допросах.

— В половине случаев отговариваясь нездоровьем.

— В Сегилье давно не жгли ведьм.

— Мало вам отравительницы? Да ещё травница, если она и заслуживала наказания, то не такого!

— С ней обошлись милостиво — перед костром задушили.

— Хорошенькая милость для виновной в пустяке, если вообще в чём-то виновной!

— Дон Себастьян, я обязан передать вам дела, а не отчитываться перед вами! — нестарый, но выглядящий солидно следователь инквизиции сердито посмотрел на молодого коллегу, приехавшего в прекрасную Сегилью, чтобы сменить его.

Новый следователь, для которого должность стала первым назначением, взял себя в руки и подавил гнев. Отдышался и его предшественник, решив продолжить разговор примирительным тоном.

— Я рассчитываю на приём у великого инквизитора сразу по приезде в столицу. Уверен, он благословит меня принять сан и занять должность председателя святого суда где-нибудь в другой провинции.

— А я намерен просить дона Рикардо изменить процедуру и сделать обязательным согласие высших инстанций на казнь через сожжение на костре, — холодно ответил молодой следователь.

Его собеседник вновь стал закипать:

— Эдак ведьмы будут раз за разом избегать казни!

— Провинцию терзают разбойники, укрепления города обветшали, контрабандисты торгуют с пиратами, а вы занимались здесь ерундой!

— Разбойники точно не дело святой инквизиции! Им хватает благочестия не трогать ни храмы, ни клир.

— Подумать только, благочестивые разбойники! — хмыкнул молодой человек. — Возможности святого суда, сеньор Франсиско, вы могли бы использовать, чтобы помочь светским властям избавить жителей Сегильи от этой напасти.

— Я не лезу в чужие дела! — воскликнул потерявший самообладание предшественник, а потом прибавил спокойнее. — И вам не советую. Вы, похоже, решили заняться тем, что не следует, как будто у вас девять жизней.

— Заведу кота и одолжу у него парочку, — усмехнулся дон Себастьян.

— Вы... Вы... — старший инквизитор едва не потерял дар речи. — Вольнодумец!

— А вы отличаетесь усердием не по разуму! — не остался в долгу преемник.

Сеньор Франсиско недовольно засопел, втайне радуясь, что молодой наглец то ли не обратил внимания, то ли не добрался до документов о том, сколько старания инквизиция приложила для истребления в Сегилье чёрных котом и кошек. Похоже, дон Себастьян, как многие аристократы, считал вздором простонародные суеверия, дававшие святому суду

немало поводов для громких дел. Как бы то ни было, день отъезда бывшего следователя приближался.

— Всего наилучшего, дон Себастьян.

Молодой преемник успел остыть и задумался. Он пристально посмотрел на коллегу и негромко спросил:

— Неужели вам их не было жаль?

— Кого? Кошек? — брякнул озадаченный инквизитор.

— Женщин, которых вы отправили на костёр. Доказательства были бы смешны без вашего приговора.

Сеньор Франсиско приосанился.

— Святой суд выше обычных человеческих чувств!

О том, что жалость, которую он испытал, размышляя о приговоре для совсем юной, прехорошенькой и смертельно напуганной девушки, стала последней каплей, решившей судьбу обвиняемых, инквизитор предпочёл умолчать. Молодой вольнодумец едва ли сочтёт трогательный вид подтверждением колдовской натуры женщины.

Сеньор Франсиско пожелал дерзкому преемнику удачи и откланялся, надеясь никогда с ним больше не встретиться.

* * *

Вскоре бывший следователь покинул Сегилью и направился в столицу славной Испании. Уже виднелись башни городских стен, когда карета въехала в небольшой перелесок и неожиданно остановилась.

— Что там? — с неудовольствием спросил инквизитор, прервав размышления.

— Сеньор, проезд загорожен поваленным деревом. Странно, ветра сегодня нет, а долго ему бы не пролежать — эта дорога редко бывает пуста. Может, было гнилое?

— Брось болтать, убери, — происшествие вызвало досаду, но не тревогу — место считалось спокойным.

— Как прикажете... — кучер позвал лакея, и они вместе взялись за преграду.

Неожиданно с той стороны, откуда карета держала свой путь, появился одинокий всадник. Он не спешил, был хорошо одет и, хотя из-за солнца за спиной и широкополой шляпы его лица было не разглядеть, не вызывал опасений. Путник подъехал к карете и заглянул в окно.

— Здравствуйте, сеньор Франсиско.

Инквизитор кивнул. Встреча была ему неприятна, но из вежливости он спросил:

— У вас какое-то дело в столице?

— Нет, здесь, — путник неожиданно выхватил пистолет, выстрелил в грудь человека в карете и, прежде чем кровавое пятно расплзлось по камзолу убитого, а слуги опомнились, ускакал.

1. Новый житель прекрасной Сегильи

Я очнулся под солнцем, на большом тёплом камне. Встал, выгнулся, огляделся, вспомнил свою короткую жизнь и осознал, как сильно переменялся.

Моя первая кошачья жизнь, сытая и благополучная, закончилась в сильно пахнущей белой комнате. Меня крепко держали, надо мной склонилась женщина с чем-то страшным в руке. Я изо всех сил рванул в открытое окно и уцепился за ветку старого дерева. Сияние, и вот я далеко от моего прежнего мира, где был обычным домашним любимцем.

Увидел перед своими глазами простор, полный воздухом и водой, и сделал то, на что не был способен никогда раньше: назвал словами и огромный голубой купол над головой — небо, и плещущую под ним воду — море! Я осторожно дотронулся до песка и быстро одёрнул лапку. Горячо! Обернулся. В меня волшебной струёй, перебивая друг друга, вливались другие слова. Паруса. Рыбаки. Пристань. Город. Таких стен я не видел. Стены из камня. Белые. Настоящая крепость. И люди. Я понимаю каждое слово, хотя дома только улавливал смысл сказанного хозяевами обо мне.

Привлечённый запахом рыбы, я подкрался к одной из причаливших лодок. К сожалению, незаметно не удалось, однако рыбак попался мне добрый. Он подмигнул, улыбнулся, хотел бросить вниз небольшую рыбёшку, но так и замер, держа мелочь за хвост. Лицо человека исказилось от ужаса.

— Он чёрный! Совсем! Спаси, Господи! Кыш! Помогите! Здесь чёрный кот! — парень заорал во всю глотку.

Отовсюду сбегались люди, перепуганные и оттого очень злые. Широкополые шляпы падали с их голов, плащи развевались, когда мужчины бросали в меня чем попало: камнями, палками, прилетел даже грубый башмак. Я едва уворачивался и искал достойный путь к отступлению, да что уж там — к бегству. Повезло. Удалось нырнуть в щель на причале, пробежаться под досками и вынырнуть далеко, где никто не ожидал меня увидеть. Станный мир, где пугаются чёрных котов!

Путь назад мне всё равно неизвестен, значит, не стоит терять время на жалобы. Я извалялся в пыли и решил исследовать странный город. Нужно понять, где здесь спать, где охотиться, кормят ли горожане сереньких кошек. И дружелюбны ли местные четвероногие обитатели, которых я не смогу съесть.

Город был очень хорош. Залит солнцем, со светлыми стенами и яркими ставнями, красивыми балконами, изящными оградами. Мощные стены и башни делали его настоящей крепостью. По узким улицам, стекаясь к огромной площади, важно ступали лошади и ослы, громыхали кареты. Откуда мне, коту, всё это понимать? Не всё ли равно. Главное, я понимал, что говорят люди. Слышал их крики:

— Дорогу! Посторонись!

— Сеньор, не угодно ли отдохнуть и выпить вина?

— Рыба, свежая рыба!

— В моей лавке — лучшие ткани!

— Ах ты, старый чёрт, снова напился?! Люди добрые, посмотрите, с утра — и напился!

— Слышали, по пристани чёрный кот бегал! Кошмар, быть беде! Где инквизиция? Эспания в опасности! Бедная наша Сегилья...

— А слышали, в Талоссо, ужас какой?! Не того ли колдуна этот кот, или ведьмы...

Тааак... мне придётся несладко.

Пробираясь тихонько вдоль стен, в центре города я набрёл на прекрасный дворец, окружённый плодовыми деревьями за вычурной высокой решёткой. Для людей преграда серьёзная, для кота — пустяки. Подумал, вдруг жители этого чудесного дома не страшатся чёрных котов? Но на всякий случай решил идти осторожно, не попадаясь на глаза неизвестным пока обитателям.

Первой целью стал, разумеется, аромат кухни. Какая она оказалась большая, сколько людей мыли, варили, жарили, разделявали на досках мясо и птицу! Вот где было бы поселиться совсем неплохо. Может, и мышки найдутся... Хотя зачем мышки при таком изобилии? Разве что поиграть.

Все были так заняты, что меня не заметили внимания. Об меня чуть не споткнулся слуга.

— Скорей соберите корзину! Её светлость собралась навестить супруга в тюрьме! Не станет же сеньор губернатор есть такой же обед, как другие преступники!

Вот это поворот! Кто у нас светлость?

На парня зашикали.

— Наш сеньор не преступник! Клевета! Как могла инквизиция арестовать самого герцога!

— Святой суд может всё! Полномочия подписаны королём!

— Этот наглец де Суэда! Всего-навсего следователь инквизиции, а какой обыск у нас учинил, настоящий разгром!

— Молод совсем, а ему уже хоть герцог, хоть губернатор, хоть чёрт! Прости, Господи!

— Молод... и так красив... — вздохнула тихонько служанка, на миг перестав что-то резать ножом.

— Вот глупые женщины! — ворвался в беседу пожилой степенный слуга. — Инквизитор кого захочет, на костёр может отправить, а они раскудахтались — красивый, красивый!

— Дон Себастьян в Сегилье несколько месяцев, а ни одного костра не зажёт! — возразила толстая повариха.

— На виселицу отправил разбойников, так им туда и дорога! — похоже, загадочный инквизитор женщин не очень пугал.

— Где это видано — инквизитор ловит разбойников! — не сдавался старик.

— Ну хоть кто-то взялся за них, в окрестностях города от грабителей житья не стало, стражники совсем обленились, не ловят мышей!

Мррр... у меня конкуренты?

А на кухне стучали, резали, жарили, мололи мясо и языками.

— Надо же, арестовал губернатора! И ещё важного кабальеро, тот, дескать, связался с разбойниками.

— Да ну, благородных господ арестовывают за измену королю, колдовство, ересь. Они и так хуже разбойников!

— Колдунью, представь себе, отпустил!

— Вдовушку? Так графиня она!

— И красавица! Говорят, молодой инквизитор её лично допрашивал, наедине... Хи-хи.

Дальше разговоры пошли чересчур прямолинейные для моей юной и деликатной

кошачьей натуры. Мужчины так же охотно, как женщины, болтали о взаимовыгодном и приятном согласии инквизитора и знатной колдуньи, спорили, кто получил большее удовольствие. Я, наконец, отправился на поиски, что ещё интересного можно найти в этом доме.

Я осторожно пробрался наверх, по скромной лестнице, наверное, для слуг. Потолки на втором этаже оказались значительно выше, стены обиты тканью, двери резные, то там, то тут — позолота. Вскоре до моего острого слуха донеслись высокие голоса. Тихонько, где прыжками, а где ползком, я достиг большой комнаты. В центре среди вороха тряпок стояла высокая почти голая женщина, а вокруг неё суетились служанки. Голос женщины, должно быть, был приятен и нежен, когда она не прикрикивала.

— Ленора, Марсела, бестолочи такие, я сказала — чулки антианского шёлка! Ленора, подвязки подбери чуть темнее! С кружевами! Тебе по сто раз объяснять? Вот наказание! Марсела, сорочку натяни по фигуре, чтобы сидела, как мокрая!

Обе служанки выглядели утомлёнными капризами госпожи, а я боялся представить, сколько времени займёт её туалет, если даже исподнее она выбирает с причудами. Для кого столько старания? Неужели в тюрьме разрешат не только накормить мужа, но и подольше составить ему компанию? Я удобно устроился на подоконнике и, выглядывая из-за занавески, подслушивал дальше.

Надо сказать, губернаторша была отборной человеческой кошкой и отлично знала об этом. Оттенок сорочки она подбирала точно под цвет своей кожи — цвет нежных сливок, чуть заправленных карамелью. Дальше дело пошло немного быстрее. Корсет стянул и без того тонкую талию, приподнял великолепную грудь. Здесь опять случилась задержка — женщина долго прикладывала к груди разные кружева, слегка морщилась, улыбалась, явно решая задачу так же серьёзно, как бывшая моя маленькая хозяйка, выбирая одежду для куклы. Наконец, платье надето. Да... человечьи кошки умеют усложнить жизнь себе и своим котам. Но ещё не финал. Покрутившись всего четверть часа перед зеркалом, женщина повелела:

— Теперь драгоценности!

— Да, конечно, донья Мария, извольте! — к губернаторше подошла третья служанка, постарше и одетая хотя и строго, но дороже двух первых.

— Ленора, Марсела, вон обе!

— Да, ваша светлость!

Девушки прошелестели своими юбками, присев в реверансе, и — мне было заметно их облегчение — поспешили из комнаты прочь.

— Кончита, сегодня я возьму изумруды.

— О да, великолепнейшее кольцо! Супруг будет рад снова видеть его на вашей прекрасной шее.

— Супруг... да, конечно.

Мррр... мне показалось, или дама скривилась? Для кого она наряжается? Или тряпки и побрякушки нравятся ей, чтобы похвастаться перед другими человеческими кошками? Женщина быстро продолжила:

— В причёску вплети мне незаметные ленты, а лоб я украшу фероньерой, той, с изумрудом.

— Под цвет ваших глаз? Замечательный выбор!

Донья Мария села на стул перед зеркалом, а Кончита стала проворно укладывать золотистые локоны своей госпожи, мимоходом промолвив.

— Герцог будет в восторге, но, может быть, поспешим доставить ему обед?

Чуть не забыл, губернатор здесь и герцог ещё. Эта любительница нарядов, стало быть — герцогиня. Только что-то мне кажется, в муже ей нравятся только титул и возможность наряжать благоверную. Дама негромко заговорила, не то с камеристкой, не то сама с собой.

— В тюрьме дон Армандо едва ли способен приглядываться к платьям и драгоценностям, корзина моя, я уверена, заинтересует его гораздо больше, — потом она бросила острый взгляд на прислугу. — Но это не значит, что я могу являться в тюрьму инквизиции, одетая кое-как.

— Конечно, конечно, донья Мария.

— Что за тон? — красавица рассердилась. — Уж не намекаешь ли ты...

— Что вы, что вы, да разве я смею... — и совсем тихо: — Я проверяла, в этой комнате нас невозможно подслушать.

Улыбочка герцогини мне подсказала — конечно, она старается держать язык за зубами, но иногда очень-очень хочет откровенно поговорить с понимающим человеком.

— Кончита, я прощаю тебе твою дерзость... — голос, взгляд, поза женщины преобразились. — Это неслыханная, невероятная наглость... Устроить стремительный обыск в нашем дворце и арестовать герцога, губернатора, обвинив его в обмане доверия короля на основании сомнительных писем.

— Увы, донья Мария, как раз неосторожные письма могут привести...

— Не говори ерунды. Герцог — преданный слуга Его Величества, он наверняка оправдается, а в инквизиции прекрасно знают об этом.

— Тогда зачем дон Себастьян пошёл на такой риск? Головой ведь рискует, не говоря уж о своём положении. Болтают, он воспользовался предложением убрать губернатора хоть ненадолго, а зачем — разное говорят.

Красавица стала быстро дышать.

— Конечно... он добивается... Ах, невозможно! Но какова дерзость! Я слышала, он и на военной службе три года назад был бесстрашен.

— Не удивляюсь. Все де Суэда — отчаянные храбрецы.

— Всё равно, ведь должна быть причина... — донья Мария почти замурлыкала. — Наглец...

— И красавец, — поддакнула Кончита со вздохом. — Неужели действительно примет обеты?

— Кому и когда эти обеты мешали? — донья Мария отставила благородную важность и запросто фыркнула, затем протянула негромко и томно: — Дон Себастьян де Суэда... следовательно инквизиции. Способен на всё что угодно.

— Страшный человек. Как посмотрит — до костей пробирает.

— Да... — губернаторшу-герцогиню явно пробрало.

— Но до чего же хорош...

Герцогиня вновь превратилась в обычную двуногую кошку.

— Красавцев в Сегилье сколько угодно, на любой вкус... Но только старуха-монашка не почувствует, как в нём мужская сила играет... Пустяки, что он выглядит сдержанным и спокойным, пусть глаза ледяные — в теле его не кровь, а огонь.

Камеристка тоже томно вздохнула. Она была совершенно согласна со своей госпожой, а

та опять приняла высокомерный и добродетельный вид.

— Чего же он добивается? — женщины переглянулись.

— Может быть... — приосанилась донья Мария, с удовольствием поглядев на своё отражение. — Он поставит какое-нибудь условие, чтобы выпустить моего мужа и снять с него обвинения?

— Кто знает... — Кончита умела держать при себе свои мысли.

— Я готова многим пожертвовать, право же, очень многим, чтобы спасти донна Армандо... — по лицу её было видно, какую именно жертву преданная жена жаждет принести ради супруга и чем украсить его заодно.

— Говорят, дон Себастьян именно так снял обвинение с доньи Эстреллы...

— Гнусные сплетни! — прекрасное лицо герцогини пошло красными пятнами и подурнело. — Рыжая ведьма глупа и несносна! Я так надеялась надеть рубиновый гарнитур на её аутодафе! Скоро год уж прошёл, как сожгли последнюю ведьму. Двух, кажется, сразу.

— Да, какую-то лавочницу с её девчонкой. И с тех пор ни одного нового обвинения в колдовстве — даже по кошмару в Талоссо. Но графиня на костре... Я о таком и не слышала.

— Знатных дам жечь, конечно, нельзя, но эту мерзавку надо бы непременно. Хотя бы простое аутодафе, без костра, у позорного бы столба стояла... Я давно приготовила новое платье для этого случая, оно уже вышло из моды! Дон Себастьян бессовестно обманул ожидания высшего общества нашей Сегильи, но всё равно я не верю, что он польстился на прелести этой ханжи!

Кончита хотела что-то сказать, но прикусила язык. Если она думала похвалить внешность соперницы герцогини, то, действительно, лучше помалкивать.

Я не удержался и фыркнул. Женщины одновременно ко мне повернулись и вскрикнули.

— Что это? Откуда он здесь? Он чёрный! Ловите! Гоните! — визгу то, крику...

Разумный кот никогда не пойдёт против превосходящей силы противника. Высшая доблесть порой — отступить. Здесь всё равно не накормят, и нового не узнаешь. Кто первый в городе человеческий кот — я узнал.

По городу я бродил до позднего вечера и очень устал. Было грустно понять, что придётся прятаться от людей, как какой-нибудь крысе. Пытался заговорить с другими котами и кошками — безуспешно. Они в новом для меня мире оказались такими же обыкновенными, каким я был в своём. Конечно, я с ними общался и по-кошачьи, но коты гнали меня со своей территории, а кошки предпочитали сильнейших. Я ведь так ещё молод! Никакого опыта в драке. Хоть мышей ловить получается, смог поесть. Нужно на ночь устроиться, подальше от людей и собак. Я выскользнул из города через ворота, к маленьким домикам между морем и крепостью, брёл по узкой неровной дороге, когда за мной увязались очередные преследователи. Пришлось убегать изо всех сил, которых оставалось у меня совсем мало.

Мысленно я простился уже со своей второй жизнью, но удалось свернуть за угол, и там случилось настоящее чудо.

2. Новые друзья

Маленькая дверца в белой стене приоткрылась, девушка, быстрая, как порыв ветра, схватила меня и успела обратно нырнуть прежде, чем глупые люди со свистом и улюлюканьем промчались мимо. Моя спасительница прижала меня к тёплой груди, и каждой шерстинкой своей чёрной шкурки я чувствовал умиротворение. Я не знал ещё, успела ли заметить добрая девушка, что ни одного белого пятнышка на мне нет, но проникся к ней полным доверием. Чудесное создание со мной на руках поднялось на увитое виноградом крыльцо и впорхнуло в чистенькую комнату скромного домика, где навстречу ей поднялась пожилая сеньора.

— Что там, Инес? Что за крики? И что у тебя на руках?

— Бабушка, там ловили кота. Чёрный, наверное.

Мрр... Какая умная девушка!

— Действительно, чёрный, — бабушка, вздохнув, подтвердила. — Наверное, это его сегодня гоняли по пристани, и о нём говорили на рынке.

— Бедняжка! Почему чёрных котиков считают приносящими зло?

— И кошек, Инес. Верят, что в них превращаются тёмные ведьмы и колдуны, которые насылают болезни и неурожай.

— Но ведь это не так!

— Тише, деточка! Настоящих злых чародеев сотни лет назад уничтожили, но это ничуть не мешает сваливать беды на тех, кто не нравится, или кому хотят отомстить, или чья приглянулась корова, жена, деньги, накопленные на старость...

— Инквизиция год назад лютовала, — Инес вздрогнула, не выпуская меня из рук.

— Да, я тогда не хотела, чтобы ты приезжала в Сегилью, хотя твой отец и пытался меня так утешить после известия... — старушка быстро вытерла набежавшую слезу, а девушка тихонько погладила её по руке и перевела разговор на другое.

— В Хетафе тоже случается — ловят ведьм. Отец еле-еле сумел убедить наших односельчан, что сеньора Хасинта в падеже скота нисколько не виновата. А потом настоял, чтобы я к тебе переехала. Но давай покормим скорее нашего котика!

— Боюсь его здесь оставлять... За тебя боюсь. Я-то уж пожила.

— Бабушка, нельзя бояться всего и всегда. Отец говорит: будешь прятаться от тысячи бед, тысяча первая настигнет там, где не спрячешься.

— Храбрый он малый, твоя покойная мать его за это и полюбила. Посмотри, от обеда немного рыбы осталось.

Не успел я отведать ни хвостика, как послышался стук в калитку. Грубым голосом кто-то позвал:

— Сеньора Фелисия!

Бабушка поспешила открыть, а Инес замерла, мне шепнув:

— Прячься!

Я забился под лавку, но, к счастью, ночной гость ограничился короткой беседой со старой хозяйкой:

— Поберегитесь, уважаемая сеньора! На соседней улице нынче вечером ловили и не поймали, — он запнулся и продолжил шёпотом и с придыханием: — Чёрного кота!

— А если его поймут, отнесут в инквизицию? — надеюсь, глупец не расслышал

насмешки в словах сеньоры Фелисии, во всяком случае, очень серьёзно ответил:

— Вы правы. Мы думали сжечь его сразу, но, боюсь, он обернётся ещё худшей тварью! У кошек ведь девять жизней! А если он тот самый колдун, что в Талоссо семью Гонсалесов принёс в жертву дьяволу? Его инквизиция никак не может найти, вдруг за kota награду дадут? А вы берегитесь!

— Благодарю за заботу, сосед! Доброй ночи!

— Доброй ночи вам и сеньорите Инес!

Сеньора Фелисия, закрыв дверь, подошла ко мне и погладила.

— Тебе придётся быть осторожным, малыш, — она пригляделась и уверенно подтвердила: — Будешь, конечно! Как мы тебя назовём? Негрито тебе подойдёт!

Я был перепуган, но счастлив. У меня замечательные хозяйки! Они не выдадут меня суеверным глупцам!

И рыба вкуснее мышей. Сытый, довольный, я мурчал у очага рядом с Инес, глядя, как её вооружённые иглой пальчики быстро мелькают над белым полотном чьей-то рубашки. Из кратких фраз, которыми обменивались между собой бабушка с внучкой, я понял: сеньора Фелисия печёт пирожки на продажу, а Инес зарабатывает шитьём. Нелёгкий хлеб. Бабушка снова спросила внучку:

— Ты уверена, что не лучше вернуться? В Хетафе ты всё-таки дочь известного среди соседей идальго.

— Который пашет землю, как обычный крестьянин, и с каждым годом нам всё тяжелее концы с концами сводить. Здесь хоть подработаю и смогу отцу деньги на лекарства отправить.

Несколько дней прошли мирно. Бабушка с внучкой трудились, я старался, чтоб их припасы были защищены от мышей, а маленький огород — от кротов. Здесь меня ожидал сюрприз, который я поначалу не понял, как оценить.

Поймал в нашей кладовке маленького нахального мышонка, только хотел им поужинать, как вдруг из норки вылезла мышка постарше и запищала:

— Сеньор, я прошу вас, помилуйте моего сыночка!

Я вздрогнул и чуть не выпустил из когтей нахалёнка, но быстро взял себя в лапы.

— Сеньора, у меня разговор короткий с ворами.

— Вы — необыкновенный! Во всём городе единицы котов, собак, птиц и мышей могут говорить между собой, как говорят люди. С тех давних пор, как прогнали, кого не убили, колдунов и колдуний, говорящих животных почти не осталось, а с людьми даже мы разговаривать неспособны.

Любопытство во мне оказалось гораздо сильнее, чем голод.

— Сеньора, я готов к дружбе со всеми необыкновенными, буду рад, если вы меня им представите и расскажете, на что мы способны, но не могу подводить своих славных хозяек.

— Клянусь, ни я, ни мой сын, никто из нашей родни ни зёрнышка больше не украдёт у сеньоры Фелисии и сеньориты Инес! Отныне вы — покровитель их дома.

— Что ж... — Я разжал когти, и мышенок, пища, бросился к матери.

— Благодарю вас, сеньор Негрито! В знак признательности расскажу о главном свойстве необыкновенных котов. Вы можете становиться невидимы.

— Неужели? Какая удача! — вся моя шерсть распушилась от радости.

— При одном условии — не более часа, и ни один человек не должен видеть ни как вы

исчезаете, ни как появляетесь вновь.

— Благодарю!

— Прошу не забыть — невидимость отнимет у вас много сил. Советую не прибегать к ней без крайней нужды.

Мы раскланялись. Мышь, представившаяся сеньорой Пепитой, оказалась весьма приятной и благовоспитанной особой, только сына своего совершенно избаловала.

Хозяйки моей службой были довольны, но я не мог ни предъявить им свою добычу, ни насытиться ей. Птиц и кротов не хватало, и мне приходилось, соблюдая крайнюю осторожность, охотиться за пределами дома и сада. Я старался выходить по ночам, когда любая кошка под небом Испании покажется чёрной. Наша часть города была бедной и не очень спокойной. То здесь, то там слышались крики пьяных компаний, а припозднившийся прохожий не на шутку рисковал не только остаться без кошелька, но и лишиться жизни.

Поэтому я был весьма удивлён, увидев однажды в жаркую лунную ночь одинокого путника в широкополой шляпе и длинном плаще. Он был высок, строен, на дороге хорошо виден, шёл решительным быстрым шагом. Дальше события развивались стремительно. Путника поджидали, и совсем не друзья. Навстречу ему из засады выскочили трое людей, на ходу выхватывающие шпаги. Незнакомец как будто ждал их, в его руку мгновенно скользнул пистолет, и выстрел поразил грудь первого из разбойников. Нападавшие на секунду замешкались, но двое уцелевших не оставили своих злых намерений, а сзади к ним спешил четвёртый негодяй.

Жертва попала им непростая. Шпага сверкала в руке храбреца, легко отражая удары двоих. Не оборачиваясь, мужчина пропустил удар сзади — я услышал стук клинка о металл скрытого под плащом панциря, а потом — крик падающего разбойника. К счастью, пистолетами эти злодеи вооружены не были — должно быть, рассчитывали тихо разделаться с намеченной жертвой, да и дорого стоило это оружие. Выстрел, я понял, был не только защитой, но и сигналом. Мои чуткие уши уловили приближение ещё нескольких человек, которым отважный путник дополнительно свистнул. Зажглись факелы.

Казалось, сейчас захлопнется ловушка для тех, кто устроил засаду, но дело опять повернулось. Я услышал шаги новой группы, кравшейся с той стороны, где нападавшие затаились в самом начале. Путник и его люди заняты были своими пленными и убитым, и поздно заметили новую большую опасность. Внезапность могла переломить исход схватки. Моё кошачье сердце забилося сильнее. Я был уверен — те, кто напал на храброго путника, кто не зажжёт факелы и боится шуметь, должны быть повержены. Не раздумывая, по наитию, бросился я наперерез вторым нападавшим, и в свете луны они отлично увидели мой чёрный мех.

Злодеи будто споткнулись. Это нелепо, но меня, безобидного чёрного котика, они испугались сильнее, чем пистолетов, и не смогли переступить невидимую черту, по которой я пробежал. Секундного замешательства было довольно, чтобы путник оценил обстановку, вновь выхватил шпагу и крикнул:

— Трое за мной! Остальные — глаз не спускать! — и кинулся на разбойников, не обращая внимания, что перед ним пробежал чёрный кот.

Его безразличие к моему придуманному колдовскому дару окончательно перепугало мерзавцев. Они бросились наутёк, в беспорядке, не разбирая дороги. Кто-то сумел удрать, кто-то спрятаться, но остальные погибли жалкой смертью трусливых существ. Убедившись,

что дальнейшая погоня заведёт далеко и заставит его людей разделить, путник скомандовал:

— Довольно. Назад.

Они быстро вернулись, по дороге перебросившись короткими фразами.

— Вы очень рисковали, сеньор.

— Оно того стоило.

Голос сеньора звучал чётко, мужчина, конечно, привык командовать и знал, чего должен добиться. Низкий мужской голос — в нём вызов, приказ. Голос, который способен заморозить и заставить слепо повиноваться. Не спутать с другим.

Я смотрел, как мужчины связывают попавшихся негодяев, готовят носилки для живых, но не способных идти, властно стучат в ворота и требуют помощи обывателей, чтобы перевезти убитых и раненых. Пленных конвоируют сами. Я забыл осторожность и вышел из тени. Ошибка стала для меня роковой. Один из соседей сеньоры Фелисии разглядел меня, сумел сдержать крик, и пока я, глупенький котик, с губительным для моего племени любопытством наблюдал за итогом схватки, набросил мне на шею петлю.

Темнота.

3. В допросной святого суда

В пыточном каземате святой инквизиции члены суда проводили допрос. Палач, огромного роста и силы угрюмый мужчина лет сорока, сидел на скамье возле дыбы, прислонившись к стене. За столом расположились пожилой грузный священник в чёрной сутане с белым воротником, подобострастный писарь и средних лет офицер, одетый в мундир с перевязью для шпаги. Одно кресло за столом оставалось свободно.

Арестованный выглядел зрелым, но далеко не старым ещё человеком, сидел перед следствием на простом табурете. Несмотря на усталость, держался самоуверенно, порой поглядывал на пустое кресло, находя в нём источник для поддержания сил. Щегольские усы и борода свидетельствовали — к арестанту пускают цирюльника. Рядом с ним стоял крепкий стражник.

— Итак, дон Стефано, — вяло начал грузный священник, — вы по-прежнему отрицаете, что нападение на откупщика два месяца назад у деревни Аинса совершено по вашему наущению, именно вы руководили разбойничьей шайкой, разделом добычи, и что большая часть награбленного осела в ваших карманах?

— Разумеется, отрицаю! Что за вздор!

— Вы были рядом с Аинсой в то время...

— Навещал кума.

— В ваших вещах найдены меченые монеты.

— Они через десяток рук могли ко мне перейти.

— Ваши люди, едва их схватили — двоих взяли на большой дороге с поличным, сначала стали грозить вашей мезьей, а когда арестовали и вас — божиться, что они ваших приказов не смели послушаться.

— Вот негодяи! Их свидетельство — вздор против слов благородного кабальеро.

— Дон Стефано...

— Послушайте, отец Николас, ну сколько же можно повторять допрос за допросом? — арестованный подался вперёд. — Аинса, Альберка, Тревиза. Откупщики, крестьяне, купцы. Одинаковые, с позволения сказать, доказательства. Я скоро месяц под следствием! Благородные сеньоры Сегильи полны возмущения...

— Наглец! — не сдержался мужчина в мундире. — Давно пора дать работу нашему палачу. Готовьте дыбу, мастер Антонио!

Палач встал, но был остановлен.

— Дон Бернардо, не надо спешить! — торопливо прервал рассерженного сеньора священник. — За дона Стефано уже просили высокопоставленные господа.

— Отец Николас, благодарю! И ценю ваше благоразумие! — арестант с каждой минутой чувствовал себя всё свободнее. — Даже сеньор де Суэда не посмел отправить меня на дыбу, — в голосе кабальеро зазвучали ненависть и злобное торжество, когда он прибавил: — Теперь уже не посмеет.

— Отчего же вдруг не посмею? — дверь открылась стремительно, обвиняемый вздрогнул и воззрился на вошедшего инквизитора, как на выходца с того света, а новое действующее лицо жутковатой сцены не давало опомниться. — Напротив, вы с каждым допросом увязаете глубже, путаетесь в показаниях, ваши слова расходятся со словами сообщников.

— Я устал, могу и напутать! — дон Стефано пытался взять себя в руки, пока самый молодой член суда, сняв шпагу, занял свободное кресло и продолжил своё обвинение.

— Не настолько устали, чтобы случайно назвать деревню, в нападении на которую вас не обвиняли, но где действительно ограбили храм и похитили драгоценную чашу для причастия.

— Ложь! Я к храму не приближался! И своим людям велел! — арестованный поперхнулся и побледнел, вмиг осознав, как дорого обойдётся ему проговорка.

— Верно, дон Стефано. Вы избегаете дел, по которым могут обвинить в кощунстве. Чашу служка украл. Воспользовался нападением вашей шайки на дом управляющего, где хранились, помимо имущества состоятельного хозяина, только что собранные налоги. Жители не хотели повторно платить в казну, подняли шум, а вор в храме им вздумал прикрыться. Из-за кражи церковной утвари следствие по Тревизе велось отдельно, и вам по ней ничего не вменялось.

— Я... — обвиняемый боялся новой ошибки и замолчал, с ужасом глядя в глаза, которые считал навеки закрытыми.

— Не ожидали увидеть меня? — в голосе звучала насмешка, но лицо инквизитора осталось бесстрастным, а взгляд — ледяным.

Все молчали, и обвинитель продолжил, чеканя каждое слово:

— Ваши люди попались в ловушку и поют, как райские птицы. Подкупленный вами тюремщик по моему приказу вам доложил, что нападение на меня увенчалось успехом, и этим спас свою шкуру. А вы расслабились и проболтались.

Разбойник угрюмо смотрел на решительного и безжалостного молодого человека. Темноглазый и темноволосый, при этом светлее лицом, чем большинство жителей южной Сегильи, чисто выбритый, как священник, чертами напоминающий статую античного бога, инквизитор казался ангелом мести.

Но дон Стефано ещё сопротивлялся.

— Кто мне что доложил? Я не знаю ни о каком нападении! Я в тюрьме уже месяц, а вы забываетесь, дон Себастьян!

— Пустое, сеньор, — скривил твёрдо очерченный рот обвинитель. — Заметить слезку нетрудно. Догадаться, что ваши сообщники попытаются меня убить, когда я один пойду через бедняцкое предместье Сегильи — тем более. Несколько слов невзначай человеку, которого заподозрил в сообщничестве с вами — и нападение неизбежно. А дон Бернардо обеспечил мне помощь надёжных людей, — инквизитор впервые смягчился, кивнув офицеру, и снова сосредоточился.

— Теперь о Тревизе. Эта деревня как раз замыкает круг, в центре которого — ваше логово.

— Что за чушь, мой родовой замок тоже ограблен!

Дон Себастьян откинулся на спинку своего кресла и несколько раз хлопнул в ладоши.

— Отличный способ отвести от себя подозрения! Но я о таверне сеньоры Паскуалы. Милая якобы вдовушка быстро заговорила, когда дону Бернардо попался её муж — дезертир.

— Я приезжал к ней по личным причинам, если хотите это понять! Какое логово? Мало ли, что она прятала, кроме мужа!

— Она прятала или нет, но найденные у неё записи сделаны вашей рукой! Как кстати прислали с утра...

Дон Себастьян бросил на стол большую тетрадь, а обвиняемый нервно слотнул. В

глазах кабальеро всё помутилось, и из последних сил он прохрипел:

— Рука... не моя...

— Хоть бы посмотрели сначала, прежде чем отрицать. Учёт нужен даже разбойникам. Вещи, деньги вы записывали, чтобы делить, — инквизитор с видимым интересом полистал шуршащие страницы. — На досуге я погадаю, кого из сообщников вы прячете за инициалами. Кому дарили самые ценные из подарков. Или подскажите?

Последние слова, которые могли бы добить упрямство разбойника, неожиданно для обвинителя дали арестанту надежду. Дон Стефано подумал о своих связях, о том, сколько выгоды приносил его разбой влиятельным людям, не задававшим вопросов, откуда у сына разорившегося отца деньги на дорогие подарки или умелый проигрыш в карты. Главное — выскользнуть из смертельной хватки аристократических лап де Суэда... Новые силы позволили арестованному изобразить праведный гнев и выкрикнуть:

— Какого чёрта! Инквизиция должна заниматься ересью, колдовством, изменой! Передайте меня светским властям!

— Здесь дон Бернардо, — инквизитор понял, что бой ещё не закончен, перевёл дыхание и запасся терпением, хотя офицер уже не раз порывался завершить обычный допрос и применить, наконец, пытки.

— Полковник — комендант крепости, ему лишь временно поручили заведовать городской стражей! Я требую, я настаиваю на рассмотрении моей жалобы герцогом!

— Пока губернатор в тюрьме, ему не до вас.

— Когда выйдет, будет на вас очень зол.

Последнюю часть разговора, собираясь с мыслями и думая, довольно ли доказательств, чтобы пренебречь упорством преступника и передать дело светскому суду, молодой инквизитор листал найденную тетрадь. Вдруг его внимание привлекла одна запись: несколько малоразборчивых прописных букв, примерное время занесения которых в тетрадь дон Себастьян определил по соседним строчкам, указывающим на уже раскрытые преступления. Не было полной уверенности, но понимая, что враг измотан, что именно здесь и сейчас есть шанс окончательно его сокрушить, не дав передышки, по наитию больше, чем разумом, дон Себастьян снова атаковал.

— МС — АМ. Маэстро Селлини — Армандо Медина. Ловко, дерзко... — пробормотал инквизитор как будто себе, потом быстро поднял глаза на чуть успокоившегося разбойника и низким, негромким голосом, но внятно и обманчиво спокойно сказал: — Вы хотели обвинения по делу, которое полностью в компетенции инквизиции? Где подозревается колдовство? — затем громче, не обращая внимания, как сильно поражены другие участники заседания: — Я обвиняю вас, дон Стефано Аседо дель Соль, в убийстве семьи Гонсалес в Талоссо.

Обвиняемый чуть не вскочил, но его удержали, а через миг он обмяк, только бормоча: «Я не колдун». Выстрел наугад попал в цель, и обвинение громыхало дальше, через сначала вкрадчивое:

— Я и не обвиняю вас в колдовстве. На пожарище обнаружена обычная горючая смесь. Корявая пентаграмма нарисована явно для отвода глаз. Но... — голос инквизитора набрал силу, зазвенел, обрушив на обвиняемого всё возмущение и презрение к гнусному убийце. — Вы проникли в дом, подкупив кого-то из слуг. Замок был не взломан, собаки — отравлены. Застали хозяев в постели. Принудили сеньора Гонсалеса открыть тайник с его главным сокровищем, — обвинитель быстро достал из стола изящную серебряную солонку,

украшенную обнажённой женской фигурой Кибелы напротив римского бога морей Посейдона. Но вам было мало...

— Я не колдун... Вы сами сказали... — дон Стефано оказался уже не способен сдержать истеричного визга.

— Зря, пожалуй, сказал... — задумчиво протянул инквизитор.

Повисла пауза. Отец Николас втянул голову в плечи, комендант молча недоумевал, писарь выдохнул и вытер шею платком, а обвиняемый в ужасе замер, не представляя, к чему повернул его враг. Невозмутим остался только палач.

Дон Себастьян не спешил. Осторожно он провёл пальцем по серебряной женской фигуре. Руки той формы, которую художники рисуют на портретах аристократов, порой приглашая позировать натурщиков-простолюдинов, молодому сеньору де Суэда были даны от природы. Он держал драгоценное произведение ювелирного искусства и негромко говорил, ни к кому определённо не обращаясь. От его рук никто не мог отвести глаз.

— Маэстро Селлини... Его гений воистину облагородил непристойный сюжет. Подлинник, в золоте, хранится в сокровищнице франкского короля. Авторских повторений в серебре — единицы. Ходили слухи, что первоначально эта вещь и замыслена была в серебре. Перепродать краденую опасно, каждая такая солонка известна. Переплавить — на небольшой кусок серебра и клячи не купишь. А вот подарить влиятельному человеку, которого никто не посмеет спросить... и который оценит подарок, проникнется дружбой к дарителю... Безупречный план. Ценнейшая вещь. Сеньор Гонсалес купил её честно, точнее, взял за долги, и хотел так же честно перепродать, а может, оставить в семье, — взмах ресниц, и холодные глаза вновь в упор глядели на дону Стефано. — Вы как-то узнали об этой солонке. И ваша вражда с сеньором Гонсалесом, не отрицайте, я знаю и это, соединилась с надеждой приобрести благосклонность герцога Армандо Медины. Он страстный коллекционер. Вы успели перед арестом передать ему драгоценный подарок. Детали узнаю, но даты я уже сопоставил. Ваши сообщники разговорятся сразу, как только я прямо обвиню вас в убийстве в Талоссо.

— Это не колдовство... Вы — колдун! — только и смог ответить разбойник.

— Пентаграммы достаточно, чтоб обвинить в колдовстве вас! — вновь возвысил голос молодой инквизитор. — Вы сами выбрали способ, я не стану его оспаривать! Кровь на этой роскошной безделице вопиёт к небу! Вас сожгут заживо, как вы сожгли младшего из Гонсалесов!

— Я... Я не хотел... так полу...

— Мне всё равно, чего вы хотели.

— Нет, нет... — обвиняемый захлёбывался в слезах. — Не колдун... я всё подпишу...

— Пишите! — дон Себастьян швырнул перед ним его же тетрадь. — Расшифруйте оставшиеся инициалы. Сейчас! — и, спокойнее: — Тогда в суд уйдёт обвинение в обычном убийстве. Ваших деяний достаточно, чтобы колесовать вас, но к вашему роду может быть проявлено снисхождение, и отделаетесь отсечением головы.

Куда подевалась за какой-то лишь час самоуверенность кабальеро? Сломленный, дрожащей рукой он выводил имена. Поначалу дон Себастьян не спускал с него глаз, потом ему стало слишком противно. Он взял посмотреть другие дела, и пролистав первое же, попавшее в руки, изумлённо шепнул священнику и коменданту:

— С чего это убийство прежнего следователя инквизиции пытаются передать нам? Его застрелили грабители по дороге в столицу, чуть ли не у ворот.

— Может, ищут причины для мести? — предположил отец Николас. — Хотя действительно странно. Покойный не нажил здесь серьёзных врагов. Он был крайне предупредителен с лучшими людьми нашего славного города... — про себя священник добавил: «Не то, что вы, мой юный друг». — Занимался больше всего своими прямыми обязанностями: колдовством, ведьмами...

Дон Себастьян помрачнел, но в его планы не входило обсуждать дела при преступнике. Коротко бросив:

— Дописали? Убрать его! — он встал, быстро подошёл к архивному шкафу и выхватил том закрытого дела.

— Вот этими ведьмами?! Здесь — ничего, кроме оговора соседей!

— Ну... я не знаю... — священник вздохнул, предчувствуя взбучку.

— Здесь ваша подпись!

— Я был только членом суда! Материалы, как обычно, собирал следователь! Они признались!

— Конечно, признались! Мать и дочь пытали на глазах друг у друга, ещё бы они не признались! — молодой человек не забыл, как при разборе бумаг по приезду в Сегилью его поразило страшное, бессмысленное обвинение, ужасная кара, назначенная несчастным женщинам, и не мог вспоминать равнодушно об их приговоре и казни.

— В Сегилье решили, что нужно построже... — тоскливо протянул отец Николас. — Аутодафе...

— Могли ограничиться покаянием, отправить их в монастырь!

— Но это было крупное дело!

— Да, следователь получил повышение, за которым и ехал в столицу, — инквизитор помолчал, потом с удивлением посмотрел на болезненно поморщившегося офицера. — Что с вами, дон Бернардо?

Тот вздохнул.

— Мне ведьм передали для исполнения приговора. Не смог настоять даже, чтобы их задушили перед костром. Прежний следователь требовал зрелища в назидание всему городу, — и, тихим голосом: — Дочь была совсем девочкой, только шестнадцать.

Дон Себастьян задумчиво смотрел на свечу. В его руках оказалась огромная власть, и мало свободных минут, чтобы почувствовать её тяжесть. Но он не привык долго бездействовать.

— Ничего уже не исправить. Убийством этого человека я займусь позже, слишком много всего накопилось.

— Да, дел очень много! — с готовностью согласился священник.

Оправдываться перед решительным следователем было всегда неприятно, и всякий раз отец Николас забывал напрочь — он не должен оправдываться! Его сан, его должность значительнее, чем у молодого наглеца, что ж такое, почему, стоит де Суэда посмотреть на человека в упор, начинают поджилки трястись? Он знатен, конечно, семья знаменита — но не наследник, третий сын, и при всей своей доблести де Суэда были только бароны.

Отошёл от тяжёлых воспоминаний и комендант.

— Я, конечно, дон Себастьян, вам благодарен, но почему вы так упорно избегаете применять пытки? Мы бы потратили на этого мерзавца куда меньше времени.

— И узнали бы гораздо меньше о его связях... Я вас тоже должен поблагодарить. Без ваших людей я бы не справился. Да и изловили Аседо ваши стражники.

— Негодяй от безнаказанности потерял осторожность. Мне повезло, но без вашей помощи я бы не смог его удержать. Вы сейчас займётесь делом его светлости? Дон Армандо бесконечно возмущён: и арестом, и тем, как мало внимания вы ему уделяете.

— Позже. Его устроили достаточно комфортабельно: кормят из дома, пускают жену. Спешка в деле важного узника неуместна, — дон Себастьян ответил негромко и почти равнодушно, лишь чуть поморщившись при упоминании герцогини.

— С огнём вы играете... Хотя великий инквизитор очень к вам расположен, и вы здесь по его назначению и протекции...

— Благодарю за предупреждение, дон Бернардо, но губернатор пока побудет в тюрьме.

Комендант замолчал, зная, что спор бесполезен. Отец Николас вздохнул, беспокоясь только о том, чтобы самому не попасть под гнев губернатора. Он предпочитал со всеми ладить, однако подозревал: если поладить с молодым протеже великого инквизитора, то поссоришься с остальным светом.

Пройдясь по каземату, инквизитор, не торопясь, переложил на столе несколько дел. Вдруг замер, изумился, протёр и снова открыл глаза, покачал головой. Отражение свечей заиграло в его зрачках, рот слегка приоткрылся, тень от ресниц встрепенулась, придав молодому человеку вид совсем юного.

— Что это? — он ошарашенно посмотрел на членов суда, не выпуская из рук захватившего его внимание документа.

— Не знаю... Что? — отец Николас ни разу не видел грозного инквизитора таким озадаченным и про себя засмеялся: «Обычно не скажешь, но вот расслабился — и красив, как девица. Зря он в священники собрался, ох, зря...».

— Дичь какая-то... — потом обернулся и сказал стражнику у дверей: — Мастер Антонио сегодня свободен, а этого обвиняемого в мою комнату принесите.

Ничего больше не объясняя, молодой человек вышел из каземата, оставив священника и офицера в полном недоумении.

4. Новый друг

Я вернулся на свет, когда меня почесали за ушком. Человечьи пальцы, очень ласковые, добрые, нежные, как у моей чудесной Инес, только сильнее. Гораздо сильнее. Это мужчина. Я открыл один глаз и услышал:

— Очнулся, дружок?

Голос... Я не мог не узнать этот голос! Храбрый путник, отважный сеньор, я сразу ведь догадался — он достоин удачи! Я потянулся и муркнул, вызвав его улыбку. Сеньор почесал моё пузико, приговаривая:

— Славный котиче! Что за глупость обзывать тебя колдуном! А, гроза окрестных мышей? Я так рад, что ты выжил! Можешь справлять второй день рождения.

Строго говоря — третий, но об этом никто не знает.

Я постарался хорошо рассмотреть доброго человека. Улыбчивый, молодой, взгляд его карих глаз удивительно светел.

И понимающий.

— Хочешь есть? Кот в нашем замке любил колбасу. Рыжий негодник, ворчливый, но мы были друзьями.

Кто б сомневался. Колбаса — очень неплохо.

В дверь постучали.

— Дон Себастьян! Там пожилая сеньора, клянётся: её кот безобиден, хотя и чёрный.

Меня нашла сеньора Фелисия!

— Вот как? Отважная женщина, — мой новый друг всерьёз выказал ей уважение. — Она в приёмной?

Слуга подтвердил и со страхом добавил:

— Там герцогиня ещё...

— Ей-то что нужно? — сердито буркнул дон Себастьян.

Я мог бы ему рассказать, если б люди меня понимали.

— Ладно, иду, — посмотрел на меня. — Жди, скоро тебя хозяйке верну.

Так вот он какой, инквизитор Себастьян де Суэда... Местные человечьи кошки бывают противные, но вкус у них есть — не отнять.

Мой новый друг чуть задержался, надевая шпагу, а я решил — сейчас как раз время испробовать дар, о котором поведала сеньора Пепита. Мягко спрыгнул на пол так, чтобы уйти из поля зрения благороднейшего из сеньоров, подумал — а как это делается? — но не успел поразмыслить, как шерсть наэлектризовалась. Ага, значит так! Я — сообразительный и волшебный колдовской кот! Осторожно выскользнул в дверь вместе с сеньором и последовал за ним на небольшом отдалении. Меня действительно никто не видел. Прекрасно.

Дон Себастьян дошёл до приёмной, где его, нетерпеливо топая ножкой, ожидала прекрасная дама, которую ему ничуть не хотелось видеть. Приёмная, частично и канцелярия, была большой комнатой с громадным камином, на полке которого хватило бы места для медведя, не то что для изящного благовоспитанного любопытного котика. Стражники и секретарь делали вид, что их не касается разговор её светлости герцогини де Медина и непреклонного следователя, но тихонько подглядывали, ожидая для себя развлечения.

Донья Мария нарядилась в блестящую разноцветную шкурку. Человечьи кошки почти лишены меха, им приходится кутаться в тряпки, но свою голую кожу они считают привлекательной для человеческих котов. Шея, грудь и руки по локоть были слегка прикрыты серебряным кружевом, еле державшимся, стоило потянуть сквозняку. И стоило ей чуть энергичнее двигаться, а энергии у неё было хоть отбавляй.

— Вы бессовестный, наглый, отвратительный негодяй! — она без «здравствуйте» набросилась на моего друга.

— Ваше мнение обо мне очень важно, донья Мария, но я уже имел честь его выслушать неделю назад, — невозмутимо ответил ей дон Себастьян.

— Как вы посмели арестовать герцога?! — дама слегка повернулась, и пышный золотой локон шаловливо выбился из-под мантильи.

— Три недели назад.

— Я отправила письма всем нашим родственникам!

— Жду их визита.

— И королю!

— Буду счастлив, если он уделит время моей скромной персоне.

— Время? Вас под суд отдадут за вашу дерзость! — герцогиня так волновалась, что кружева соскользнули на талию. Драгоценные камни в изящной оправе сверкали на светло-карамельной груди, как на витрине.

Дон Себастьян её не удостоил ответом, равнодушно пожав плечами. Герцогиня сделала шаг в его сторону, но он не сдвинулся с места, остановив женщину ледяным взглядом. Неясно, как бы продолжилась эта комедия, но в комнату без доклада вошла ещё одна дама, на которую молодой человек посмотрел так же сурово. Зато стражники оживились.

Не инквизиция, а проходной двор. Или эти усатые негодяи, прислонив алебарды к стене, нарочно пускают человеческих кошек навестить лучшего из человеческих котов?

Новая кошка была в чёрной шкурке, как я, а вот её волосы отливали сверкающей медью. Шкурка уложена так, что молочная кожа казалась белой как снег. Очень и очень ничего себе кошка. К благородному моему другу она подошла с другой стороны и завлекала его иначе.

— Ах, дон Себастьян! — мёд, восторг, патока. — У меня никогда не хватит слов отблагодарить вас!

— Поверьте, донья Эстрелья, мне достаточно слов, которые я от вас уже слышал.

— Донья Эстрелья! — герцогиню рассердило появление второй кошки, претендующей на того же кота, что она. — Вы, кажется, в трауре? Мудрено догадаться. Покойный граф де Гарофа для вас остыл куда раньше, чем умер.

— Ах, донья Мария! До чего же я рада вас видеть! Ни за что не подумала бы, что навещая супруга, вы зайдёте в приёмную и, конечно, случайно, встретите благородного сеньора де Суэда.

— Этот благородный сеньор устроил в нашем дворце такой обыск, что до сих пор всё вверх дном! Дон Себастьян, вы обязаны вновь навестить наш дворец в ближайшее время и посмотреть, что натворили.

Инквизитор не успел ответить донье Марии, как вдовушка, взмахнув ресницами, нежно пропела:

— Дон Себастьян, вы, конечно, так заняты, но если у вас выпадет время досуга, я постараюсь сделать ваш визит ко мне как можно приятнее.

Не знаю, как мой друг осадил бы приблизившихся к нему вплотную соперниц, но взгляд

его привлекло что-то за спиной стражника, стоявшего у дверей. Как я мог не заметить! У стенок робко жалась сеньора Фелисия! Она испугалась сурового вида следователя и его надменности со знатными дамами, но не ушла! Я горжусь ею.

Приветливая улыбка озарила прекрасное лицо благородного инквизитора. Обе доньи смолкли на полуслове, сразу не догадавшись о причине преобразования, поняв только: дон Себастьян ни одну из них не предпочитает другой. Стоило графине и герцогине увидеть, что предмет их вожделения всего лишь по какому-то делу разговаривает со старушкой, как они вернулись к шипению друг на друга.

Дон Себастьян обратился к сеньоре Фелисии чрезвычайно учтиво:

— Вы хозяйка чёрного кота?

— Да, и клянусь — он самый обыкновенный, не колдовской. Прекрасный охотник, спасибо ему, у меня ни зёрнышка в кладовке не пропадает с тех пор, как я пустила Негрито в свой дом, — сеньора Фелисия, ободрённая теплотой в голосе инквизитора, осмелилась поднять на него глаза.

— Не сомневаюсь, сеньора. Ваш малыш гостит у меня, сейчас принесу. Передайте соседям от моего имени, что им не нужно бояться Негрито.

Я побежал скорее вперёд, чтобы стать видимым прежде, чем дон Себастьян вернётся за мной, решив судьбу всё-таки не искушать и держаться от наших соседей подальше, но я недооценил своего друга. Вручив меня моей доброй хозяйке, сеньор сделал ей знак чуть обождать, отмахнулся от дам, сел за стол, написал несколько строчек и велел секретарю поставить печать.

Секретарь вытаращил глаза.

— Сеньор, я на этом должен поставить печать инквизиции?!

— Я сказал недостаточно громко, вы не расслышали?

— Что вы, что вы, дон Себастьян, как прикажете...

Я наблюдал с рук хозяйки, как всё ещё ошеломлённый человек прикладывает к небольшому листку внушительную печать, как вытянули шеи любопытные доньи и стражники, и как сеньора Фелисия потрясённо прочла вслух:

— Свидетельство инквизиции... Выдано в том, что чёрный кот по кличке Негрито не оборотившийся колдун или ведьма, и не сообщник... Сеньор!

— Да, сеньора?

— Я вам так благодарна!

— Не стоит. Думаю, ваши соседи не усомнятся в выводе инквизиции.

Голос инквизитора стал жёстким, опасным, я бы на месте соседей не усомнился. Сеньора Фелисия тоже была уверена на их счет и заулыбалась:

— Мой зять не раз говорил: де Суэда — справедливые люди. Я бы не посмела прийти к инквизитору с другим именем.

— Вот как? — дон Себастьян приподнял брови.

— Он служил в полку дона Эстебана, вашего отца. Лейтенант Алонсо Рамирес.

— Что ж, синьора, не имел чести быть с ним знаком, но рад оказать небольшую услугу его семье. До свидания, — дон Себастьян учтиво наклонил голову, повернулся и направился к двери, отделавшись от остальных общим поклоном.

Дамы попытались ему ещё что-то сказать, но он яростно сверкнул глазами на них, они враз вздохнули, а секретарь уронил под стол что-то важное и бросился поднимать это. Уже из-за двери до нас донеслось:

— Я хочу пофехтовать перед обедом. Пойдёте со мной?

— Конечно, дон Себастьян! Мы в прошлый раз отработывали удар... — голоса в отдалении скоро стихли.

Я надеялся, что на сегодня закончились представления для меня и служащих инквизиции. Зря. Сеньора Фелисия не посмела выйти из приёмной раньше, чем знатные дамы, и мы с ней застали очередную ссору из-за нашего доброго друга. На сей раз не между женщинами.

Герцогиня, как выше титулом, задрала нос и первой проследовала к своему экипажу. Графиня, сделав вид, что замешкалась, глядя в окно, выждала несколько минут и тоже направилась было к двери, но столкнулась с очередным посетителем популярнейшего в городе заведения — святой инквизиции.

Мужчина лет тридцати, богато одетый, но с неприятным лицом и нескладный, радостно бросился к донье Эстрелье.

— Я только что из столицы, дорогая кузина. Как удачно застал вас здесь! В моей власти — снять с вас все обвинения. Надеюсь, теперь...

Графиня без жалости будто вылила на любезного родственника ушат ледяной воды.

— Дон Диего, вы опоздали. Следователь инквизиции уже полностью меня оправдал. Вам я ничем не обязана.

Она проплыла мимо кузена, а мужчина с горечью провожал её взглядом. Одно плечо у него было выше другого.

5. Поздние посетители

Домой мы вернулись с триумфом. Сеньора Фелисия обошла всех соседей, показав им свидетельство с подписью «Себастьян де Суэда» и печатью святого суда. Моя дорогая Инес гладила меня, обнимала, кормила, шептала мне, какой я хороший. В доме устроили маленький праздник, с лучшими пирожками для хозяев и немногих гостей, с угощением для меня. Поверив свидетельству инквизиции, вчерашние враги наперебой искали моего расположения, молодые при этом поглядывали на Инес, она ведь чудесная юная кошечка — пушистая, шустрая, лёгкая. Конечно, пушистая у неё только шерсть, положенная человеческим кошкам — мягкие волнистые волосы цвета кофейных зёрен, ресницы — длинные, как у моего друга из инквизиции, брови — ровные, тонкие, пожалуй, они не пушистые, но красивые всё равно. А уж эти блестящие глазки! Красивее только мои!

Наконец, соседи ушли по домам. В Сегилье не принято засиживаться за полночь — на рассвете простолюдины начинают добывать себе хлеб.

Убирая со стола, Инес спросила сеньору Фелисию:

— Бабушка, ты говорила, что не осмелилась бы пойти выручать нашего малыша, будь следователь не де Суэда.

— Отец тебе не рассказывал о своём полковом командире?

— Только что он благороднейший человек, очень смел и сведущ в военном искусстве. И всегда добавлял — от войны женщинам нужно держаться подальше.

— Нужно, но не всегда убежишь. Ты уже не ребёнок. Должна понимать, что с женщинами случается, если город берёт неприятель.

— Не только с женщинами... — прошептала Инес, наклонив голову.

— Да, не щадят ни стариков, ни детей. Всех убивают, кто мешает солдатам пограбить.

— Старший сеньор де Суэда...

— Не задерживал жалованье, не позволял воровать интенданту, лекарей нанимал самых лучших. Следил, чтобы и в тяжком походе солдаты могли отдохнуть. В полку его слушались беспрекословно, а он не позволял грабить, даже... — сеньора Фелисия запнулась и замолчала.

— Даже что?

— Даже в нарушение прямого приказа командующего.

— Быть не может! Командующий приказывал грабить и... убивать? Не может быть, ведь эспанцы — не мовры!

— Дитя... так принято на войне. При подавлении бунта — подавно.

Мы с Инес напряглись. Её исколотая иголкой нежная ручка вцепилась в мою шерсть на загривке. Мы не могли отвести глаз от сеньоры Фелисии, а она, вздохнув, продолжала:

— Герцог Альда объявил: солдаты полка, который возьмёт мятежную крепость, могут в ней освежиться. Значит — грабить сколько угодно и не миловать никого. Крепость взял полк, где служил твой отец под началом дона Эстебана де Суэда, но тот велел повесить только зачинщиков бунта, а трогать простых горожан запретил. Ещё после боя распорядился всем солдатам и офицерам искупаться в реке или хотя бы облиться водой.

— Освежились... — Инес улыбнулась и погладила меня, а я замурчал. Отец нашего друга отлично придумал, сын, конечно, в него.

— Герцог был в ярости.

— Неужели? Его рассердило великодушие?

— Награбленное можно зачесть за счёт жалования, а тем, кто отличился, когда не разрешается или нечего грабить, жалование даже задерживать невозможно — возмутится вся армия.

Ай да дон Эстебан! Что дальше?

— Герцог не вправе был наказать лучшего из полковников своей армии, но ни повышения, ни награды дон Эстебан не получил. Вскоре он унаследовал титул и вышел в отставку. Ладно, милая моя, засиделись.

Мои хозяйки собрались умыться и спать, но зря понадеялись отдохнуть. В калитку тихонечко постучали. Сеньора Фелисия испугалась:

— Добрые люди так поздно не ходят! — но подошла и спросила: — Кто здесь?

— Откройте, не бойтесь. Не открыть для вас хуже.

Этот голос я узнал без труда. Кто бы подумать мог, сама герцогиня!

Донья Мария, оставив охрану перед крыльцом, бесцеремонно прошла через дверь и брезгливо поморщилась. Инес на всякий случай спряталась в комнату, а меня герцогиня потребовала принести.

— Ваша светлость, чем я обязана высокой чести?

Знатная дама сначала невежливо отмахнулась, старательно рассматривая меня. Я важно прикрыл глаза и махнул хвостом. Я не просто какой-нибудь кот, а кот со свидетельством инквизиции! Именно это во мне и было ей интересно.

— А ты ведь колдунья, пирожница!

— Господь с вами, сеньора! Боже меня упаси!

— Вздор! Не пытайся меня обмануть! — Герцогиня щёлкнула тонкими пальцами, и вдруг перед ней возникло из воздуха тонкое серебристое зеркало.

Дама с удовольствием в него посмотрелась, усмехнулась, глядя на ошеломлённую сеньору Фелисию, сверкнула глазами, поняв, что и на меня произвела впечатление. Зеркало вспыхнуло и исчезло прозрачным туманом.

— Не смей мне перечить и помни, кто я! — добавила герцогиня высокомерно. — Будешь болтать, даже сеньор де Суэда не спасёт тебя от костра.

Сеньоре Фелисии пришлось смиренно спросить:

— Чем же я могу быть полезна такой важной даме?

— Не ты, а твой кот, — она вновь наклонилась ко мне. — Дон Себастьян привязал к себе это животное свидетельством со своей подписью, не догадываясь, что и сам теперь привязан к нему.

Что за вздор? А она продолжала, смотря на меня:

— Я проведу ритуал и доберусь до твоего господина.

Он мой друг, а не мой господин!

— Я это сделаю и... — зелёные глаза герцогини слегка затуманились, руки взметнулись вверх, женщина заложила их за голову и выгнулась в предвкушении. — Приворожу к себе красавчика инквизитора.

Мррр... мерзкая гадина! Не буду впредь её называть славным именем нашего племени.

Моей хозяйке намерение незваной гостьи совсем не понравилось, но она не посмела попросту выгнать похотливую жену губернатора.

— Такой прекрасной сеньоре разве нужна ворожба, чтобы заполучить понравившегося

мужчину?

Герцогиня польстилась на комплимент и соблаговолила ответить:

— Бесстыжая, глупая, толстая ведьма Эстрелья всё время путается у меня под ногами!

Сегодня, — герцогиня вытянулась струной. — Я почувствовала, я не могла ошибиться... он откликнулся на призыв, но я не смогла понять чей — мой или её, пакостной головешки инквизиторского костра!

Я не понял, кто тут бесстыжая ведьма?

На моё счастье, сеньора Фелисия отличалась сметливостью. Она быстро произнесла:

— Вы разве не знаете, что семья де Суэда заговорённая? Их не пронять ворожбой!

— Что?! Врёшь! — полная разочарования герцогиня прикрикнула на мою достойную и уважаемую хозяйку.

— Вы, наверное, слышали в свете истории об этой семье.

— Муж что-то бубнил о прабабке... — женщина сникла, вспоминая и веря.

— Вот видите, прабабка герцога де Медина не сумела приворожить прадеда де Суэда.

Донья Мария вскочила, фыркнула и ушла, не прощаясь, к великому облегчению сеньоры Фелисии и подбежавшей к ней внучки.

— Губернаторша, её светлость, колдунья... слишком много её для нашего скромного домика. Надеюсь, она забудет дорогу к нему.

— Бабушка, а что там было с прабабкой?

— Откуда мне знать, дорогая? Главное, эта надменная женщина что-то знает и истолковала удачно для нас.

Вскоре, однако, Инес снова пришлось спрятаться в комнату. Почему я не удивлён, увидев под нашей крышей донью Эстрелью?

Должен её похвалить — графиня держалась скромнее, даже робела.

— Добрый вечер, сеньора Фелисия. Можно погладить вашего котика?

— Извольте, ваше сиятельство. Не бойтесь, он ласков с теми, кто держится с ним дружелюбно.

Донья Эстрелья осторожно провела рукой по моему меху. Я снисходительно муркнул. Женщина очень обрадовалась, оживилась и осмелела настолько, что спросила хозяйку:

— Погадаете мне?

— Господь с вами, донья Эстрелья, я ведь простая пирожница!

— Я прошу вас...

Надо же, знатные дамы бывают учтивы!

— Вы не простая! Вы хозяйка кота... — она засмушалась... — Со свидетельством... — зарделась совсем... — Инквизиции!

— На кого же вам погадать? — обречённо вздохнула сеньора Фелисия.

Мрр... Станный вопрос. Ответ очевиден.

Застенчивая графиня прошелестела:

— На инквизитора... — в глазах её загорелся восторг: — Конечно, на благороднейшего сеньора, моего спасителя, дона Себастьяна де Суэда.

В ней что-то вспыхнуло, робость исчезла, лицо засияло, слова полились, как полноводный ручей:

— Чего мне стыдиться? Он не принял обеты! Я свободна и могу выйти за него замуж! — наверное, влюблённая женщина раньше не смела об этом подумать, а теперь с каждым

мгновением охватившая её душу мысль нравилась ей всё больше и больше. — Я была такой глупой! Бросалась на блестящее, как сорока! Уговорила отца выдать меня за красавца!

Почему она говорит, что глупой была?

Сеньора Фелисия тоже была озадачена, а донья Эстрелья запнулась, но упрямо нахмурилась и продолжила:

— Дон Себастьян ещё красивее, конечно, но это совершенно неважно! Даже если его лицо перечеркнёт шрам, он останется самым лучшим, благородным и храбрым мужчиной!

Тут не поспоришь. Может быть, она всё-таки поумнела?

Графиня распелась:

— Пусть отец говорит, что захочет, я могу выбирать, кого захочу! Довольно моего приданого и вдовьей доли, которую кузен покойного мужа, дон Диего, так не хотел отдавать! Мне не нужно, чтобы мой муж был наследником, отец не может лишить меня ни приданого, ни наследства! Я не донья Мария, которую герцог взял нищей из семьи всего-навсего кабальеро!

Что на это могла сказать добрая сеньора Фелисия? Только руками развести:

— Если дон Себастьян ответит на ваши чувства...

— Как же иначе? — графиня хитро прищурилась. — О нас вся Сегилья болтает! Разговоры пустые, — пышной грудью женщина шумно вздохнула. — Но он человек благородный. Если сплетен немного добавить, то сеньор де Суэда будет обязан жениться на мне.

Что-то мне разонравилась и эта охотница. А она разболталась:

— Этот урод, дон Диего, подстроил все обвинения, чтобы заставить меня за него выйти! Мечтает стать графом Теворой!

Я опять чего-то не понял. Неважно, что красив, но что урод — важно? У меня скоро заболит голова.

— Дон Себастьян был очень занят, но изловил всех разбойников и теперь сможет бывать там, где я постараюсь встретить его, даже если он не захочет сам нанести мне визит.

Ммммя! Уймите кто-нибудь эту женщину!

Моя дорогая хозяйка спасла меня:

— Донья Эстрелья, поздно уже, вам нужно выспаться, иначе с утра цвет вашего лица будет не таким свежим.

— Ах да, конечно! Вдруг дон Себастьян решит меня навестить! Я столько раз его приглашала! Или, как я забыла, мне надо ещё что-то подписать в инквизиции! Доброй ночи, сеньора!

Одно преимущество у графини точно было — она оставила нам золотую монету.

Инес вышла из комнаты медленно, с круглыми, как эта монета, глазами.

— Бабушка, что это было?!

— Неважно, надеюсь, что всё на сегодня.

— Она тоже влюблена в инквизитора?

— Да, и хочет купить его.

— Мне иногда кажется, в него влюблена вся Сегилья.

— Только ты не влюбись.

Моя дорогая Инес засмеялась:

— Влюбляться в героя романа? Где мы, а где дон Себастьян! Поверь, бабушка, я выросла из книжек с картинками!

Эх, дон Себастьян! Живёт и не знает, где искать лучшую кошечку из всех человеческих кошек!

6. Герцог де Медина

Крепкий старик, злой, как сто тысяч чертей, в который раз мерил шагами большую комнату, устроенную ему в тюрьме под кабинет. Надо сказать, в огромном здании инквизиции, размером не многим уступающем губернаторскому дворцу, достойному принять короля, герцогу выделили не роскошные, но комфортабельные покои. Его содержали скорее как почётного пленника, чем арестанта, и в этом дон Армандо да Сильва герцог де Медина видел утончённое издевательство своего ныне главного врага — следователя инквизиции.

Мальчишка, наглец! Нельзя спустить беспардонное самоуправство молокососа, хотя он из знатной семьи, многие поколения сочетающей доблесть и воинские таланты с умением обеспечивать головную боль другим аристократам Испании. Кой чёрт, прости, Господи, надумил великого инквизитора заманить на службу юного де Суэда? Герцог ждал от него неприятностей с первого дня, как услышал фамилию нового следователя инквизиции в Сегилье, но дон Себастьян превзошёл наихудшие ожидания.

Инквизиция давно занималась заговорами против короля — это понятно. Гранды и аристократы помельче плели интриги, добывая лучшие должности для себя и отесняя других — дело обыкновенное. Заигрывались порой, пугаясь с иностранцами — с кем не бывает. Доносы, аресты, иногда штрафы и конфискации, в высших столичных кругах, к которым причисляли и губернаторов, считали делом семейным. Де Суэда — провинциалы, быть может, поэтому дон Себастьян, не понимая тонкостей отношений между знатнейшими из семейств и королевской семьёй, всерьёз занялся проверкой доноса о продаже оружия моврам? Затем обнаружил, что при ремонте городских башен воруют — экая невидаль, счёл, что подобное воровство сойдёт за измену и даёт инквизиции право обыскивать дворец губернатора!

Что-то ещё нашёл в переписке. Конфисковал новое приобретение — гордость коллекции, солонку Селлини! — под нелепым предлогом, что эта драгоценная вещь — улика по делу о колдовстве. Никто другой не посмел бы нанести подобное оскорбление герцогу, относившемуся к своему собранию ювелирных шедевров ревностнее, чем к прекрасной супруге. Наконец, де Суэда арестовал его! К вящему ужасу других инквизиторов и несказанному удивлению исполнившего приказ коменданта. Главное, дон Армандо не мог понять, почему, зачем приняты настолько крутые меры? Мальчишка сорвался, голова закружилась от власти? Нет, он приходит со своими не то допросами, не то докладами, собранный и спокойный, безупречно учтивый, выслушивает брань и угрозы, а потом продолжает гнуть свою линию — разобрать бы куда. Вот и сегодня...

Дверь отворилась. Молодой де Суэда, одетый, как всегда, в строгий чёрный костюм, вошёл, легко поклонился и предложил герцогу поговорить, удобно устроившись в креслах с небольшим столиком между ними. На столик он положил папку, переданную герцогу неделю назад, и добавил к ней несколько принесённых с собой документов. Его светлость решил сегодня не повторяться и пропустил обычное между ними приветствие в виде напоминаний, что арест губернатора король может счесть государственным преступлением. Следователь начал без предисловия:

— Ваша светлость, надеюсь, теперь вы не станете отрицать, что дон Стефано Аседо

дель Соль — опаснейший из разбойников, которых помнит Сегилья, гнусный убийца, которому место на плахе?

Герцог хмыкнул.

— С чего это вдруг? Инквизиция залезла не в своё дело, но это не значит, что я полезу в дела, точнее сказать, в протоколы святого суда. Ваши бумаги я и не думал читать.

— Комендант крепости, исполняющий обязанности начальника городской стражи, присутствовал на допросах и подписал все протоколы.

— Дону Бернардо ещё достанется от меня.

— Вам безразлично, что в окрестностях вверенного вашему попечению города несколько лет действовала крупная разбойничья банда?

— Не такая уж крупная, не преувеличивайте. Разбойники, кто бы ни был их главарь, нападали на купцов, откупщиков, крестьянские дома, мелких идальго... Дома и поместья людей познатнее они грабили только при отсутствии хозяев, — губернатор с удовольствием заметил, что слишком много возомнивший о себе инквизитор начинает выходить из себя.

— Вы слишком легкомысленно относитесь к благополучию подданных короля, — голос следователя звучал пока ровно.

— Не вам читать мне нотации, молокосос! — широко улыбнулся его светлость, подумав, что сегодняшней день может стать веселее обычного, если, — и тут старик мысленно помрачнел, — у этого негодника в запасе не найдётся сюрпризов. — С тех пор как Его Величество снизил налоги, простолюдины Сегильи стали гораздо зажиточнее, им не составит труда восполнить ущерб себе и казне.

— На руках банды немало убийств.

— Они убивали лишь тех, кто имел глупость сопротивляться.

— Похищений, насилия...

— Бросьте, о простых девках никогда не скажешь наверняка — похищены или сбежали, — в первый момент герцога позабавило, как дон Себастьян стиснул длинные пальцы на подлокотнике кресла, но потом старик понял — в стремлении задеть наглеца зашёл дальше, чем позволено благородному человеку, тем более наделённому властью. Поэтому дон Армандо продолжил относительно миролюбиво: — Разумеется, стража по моему поручению занималась этими делами, со временем на виселице оказались бы многие негодяи, я, пожалуй, вас благодарю за содействие, но... Впутывать в заурядные дела о разбое благородного кабальеро? Как вы могли подумать такое?

— Если бы вы соизволили посмотреть...

— Повторяю — не в моих правилах лезть в чужие дела, тем более, в дела инквизиции.

Следователь чуть подался вперёд и стал медленно перечислять:

— Что ж... инквизиция, конечно, не проводит ревизии... но и не вправе закрыть глаза, если при расследовании дел в своей компетенции обнаруживает деяния, которые могут повредить королевству. Контрабандная продажа оружия моврам... Понятно, купцы ищут прибыль, думая только о собственном интересе. Разбойники, по вашим словам — вовсе мелочь. Всё вместе — не многовато ли?

— Вы упустили воровство при строительстве, — надменно дополнил губернатор.

— Не стал глубоко вникать, но направил в столицу просьбу прислать специально уполномоченную комиссию.

— Да чтоб вас... Вас, случайно, не пытались убить?

— Случайно — не знаю, не случайно — два раза. Во второй удалось схватить

нескольких нападавших, они дали показания против Аседо.

— Пытки?

— Нет. Дон Стефано тоже во всём признался без пыток.

— Признался? Без пыток? — Герцог был искренне удивлён. — Не верю. Дон Стефано — благовоспитанный, не в пример вам, приятный и очень любезный кабальеро, из прекрасной семьи и ценитель искусства. Какой разбой, как вам в голову пришёл этот вздор? Наверняка совпадения, клевета, подлоги, помноженные на вашу неуместную прыть.

— Этот ценитель искусства подарил вам солонку Селлини?

— Не подарил, а проиг... то есть с чего вы взяли, что он?

— Ваша светлость, чёрт вас побери, — выругался дон Себастьян совершенно бесстрастно. — Сколько времени у меня отнял ваш отказ сообщить, откуда у вас солонка, похищенная при убийстве Гонсалесов!

— Я настаиваю, это другая солонка! — герцог бросился на защиту своего сокровища, пропустив мимо ушей, что его высокую персону только что выбрали без тени почтения.

— Хватит, дон Армандо, нам с вами ломать эту комедию! Хотите — отправьте Аседо на плаху, доказательств достаточно. Аннулируете его признание — я восстановлю обвинение в колдовстве и отправлю разбойника на костёр. А вы замазаете своё имя связью с этим мерзавцем.

Герцог нахмурился и нехотя пролистал присланный ему неделю назад отчёт о последнем допросе убийцы. Дон Себастьян велел принести вина и больше смотрел на рубиновую жидкость в своём бокале, чем на арестованного, делавшего глоток за глотком, пока глаза старика пробегали строчку за строчкой.

Дождавшись, когда губернатор закончил читать, инквизитор объявил ему:

— Вы свободны.

— То есть... в смысле?

— Освобождены от ареста.

— Сегодня?

— Можете возвращаться домой.

— Прямо сейчас? — ошеломлённый старик не мог ни понять, ни поверить.

— Разумеется, вас никто не торопит! Можете считать себя гостем святого суда и пригласить герцогиню, — потерявший терпение молодой инквизитор хватил через край и еле успел увернуться от герцогского кулака.

— Вы! Молодой негодяй! Я понял! Вы арестовали меня, чтобы я не препятствовал вам заниматься делом Аседо! Меня, герцога де Медина, отодвинули в сторону, как старую пыльную шляпу!

— Помилуйте, ваша светлость! Дело Аседо закончено неделю назад, — дон Себастьян, пытаясь вернуться к учтивому разговору, добавил: — Я запрашивал у ваших корреспондентов ваши ответы на письма, вызвавшие у меня подозрения, получил их вчера и понял — они совершенно невинны.

— Вы для отвода глаз возились с этими письмами!

— Все основания моих действий отражены в протоколах.

Герцог остановился и, отдышавшись, отметил:

— Вы, сеньор де Суэда, изрядный затейник даже по меркам вашей почтенной семьи. Отдайте солонку.

— Солонка — часть наследства Гонсалесов.

— Я выкуплю её по цене, по которой она досталась Гонсалесу.

Помедлив, дон Себастьян согласился:

— Пишите расписку.

В карете по дороге домой герцог, любуясь серебряным блеском шедевра, подумал: «Будь у меня такой сын, сам не знаю, уши бы ему оборвал или гордился бы. Что за чушь лезет в голову».

7. Прекрасный город Сегилья

Мои будни текли лениво и радостно. Я не боялся гулять по окрестностям, но немало времени проводил дома. Мои хозяйки никогда не сидели без дела. Передав лоточнику пирожки, сеньора Фелисия бралась за плетение рыбацких сетей. Инес шила и поддерживала чистоту в нашем домике, а иногда занималась цветами, растущими у порога. Вскоре я понял — дочь идальго не такая уж и простая девушка — она умеет и любит читать. По вечерам Инес перелистывала хранившиеся в домике толстые книги, делаясь впечатлениями то с бабушкой, то со мной.

— «Рыцарь Финнено пятьдесят лет добивался любви своей дамы, совершал подвиги и овладел колдовством. Но, одержав победу, бежал от старухи, которая подло ему отомстила». Бабушка, почему подло? Нельзя же быть таким глупым!

— Глупа та дама, которая требовала годами её добиваться.

— Здесь не сказано, может, её кто-то другой сразу добился, а об этом Финнено она и думать забыла. Жила в своё удовольствие, дети, внуки, а тут вдруг колдун.

— Тебе самой можно книжки писать.

— Нет, не смогу. Начну писать о возвышенных чувствах, рассмеюсь, разолью чернила и испачкаю нос.

— Всё шутишь, смеёшься.

— Бабушка, а ты старую книгу с травами хранишь ещё?

— Прячу. Лет пятнадцать назад, как инквизиция за ведьм принялась, перепугалась, бросила собирать травы и стала печь пирожки.

— Можно мне посмотреть? Меня папа учил немного латыни, попробую названия разобрать.

— Зачем? Сейчас, может, не страшно, только долго ли пробудет у нас дон Себастьян де Суэда?

— Я потихоньку. Времени всё равно мало.

— Я отыщу для тебя, только лучше подумай — где тебя мужа искать?

— Ба-буш-ка!

— Соседские парни для тебя простоваты, а сеньоры на тебя серьёзно не взглянут.

— Значит, не о чем говорить. Найди, пожалуйста, книгу. У отца такая была, и анатомия.

— Это-то тебе зачем?

— Всё интереснее глупых романов.

— Да... кровь не вода. Отец офицером был, а я, хоть из простых, не всю жизнь пекла пирожки...

— Травниц сейчас нет совсем, кто есть — прячутся. А, может, я за доктора выйду!

— Смеёшься... кстати, не так уж было бы плохо.

Немного выпадало хозяйкам свободных минут поболтать, почитать, помечтать, погладить мою чёрную шубку. Пока они были заняты своей работой, я, не прячась уже, исследовал окрестности нашего жилища в бедной части Сегильи вне городских стен. Простые белые домики построены были в лагуне, между морем и голыми отвесными скалами. Дорога посуху из предместья шла через городские ворота, другого выхода не было.

Крепость Сегильи расположена на большом мысе, вдающемся в море и завершавшем огромную гряду. Не обделённому фантазией наблюдателю могло показаться — огромный

шипастый дракон наклонился к воде выпить море, выгнул спину и растопырил лапы, на которых люди поставили башни, а на голове соорудили причал. Корабли каждый день приплывали и уходили. Прекрасные паруса сменяли друг друга. Выгружали ящики, бочки, тюки, и везли их — часть в город, а часть, погрузив на телеги — дальше, в Эспанию, по дороге, огибающей город с другой стороны.

Какое-то время я бродил по Сегилье самостоятельно, а потом решил обратиться к сеньоре Пепите с просьбой помочь мне найти необыкновенных друзей. Почтенная мышь, услышав моё пожелание, вздохнула:

— Нас всё меньше и меньше. Просто чудо, как вы к нам попали.

— Тем более нам следует свести знакомство поближе.

— Ближе всех живёт сеньор Гомер, в домике на отшибе, но он нелюдим, как и его хозяин.

— Кто же его хозяин?

— О! Сеньор! Раз вы не знаете, я боюсь вам рассказать, — мышь задрожала. — Люди шарахаются от этого человека, не заводят с ним разговоров, не позволяют ничего покупать в лавках. Ему приносят к порогу, что ему нужно, и там же забирают монеты.

— Вы меня заинтриговали, сеньора.

— Конечно, со временем, вы с ним познакомитесь. Но на днях прилетела сеньора Карлита. Она, может быть, ненадолго, и станет вашим проводником гораздо дальше, чем я. Советую не упускать столь удачный случай.

Сеньора Карлита оказалась вороной. Она очень любезно согласилась представить меня псу нашего губернатора по имени Бенито, уточнив заодно, что собаку столь высокородного человека следует величать «дон».

На сей раз во дворец губернатора я зашёл через парадный вход, точнее, проскользнул за каретой. Никто и не подумал меня прогонять, даже приветствовали:

— А, кот инквизитора! Говорят, ты приносишь удачу! — рассуждать о свидетельстве всем надоело, да и только наши соседи знали моих настоящих хозяек.

Надо сказать, дон Бенито оценил моё положение в свете очень серьёзно:

— Сеньор Негрито, я рад познакомиться, но называть вас «дон» не могу. Ваш хозяин — человек знатный, однако, до герцога ему далеко.

По моему кошачьему мнению, это герцогу далеко до моего друга, и герцогиня так же считает, но я счёл невежливым объяснять разные тонкости дону Бенито, который поведал мне, что даже неразумные псы служат людям куда вернее, чем кошки. Благородный дон оказался изрядным снобом и с презрением рассказал о бродячем сородиче, которого прикармливали на кухне. Я, впрочем, был не таков, и, распрощавшись с доном Бенито, дождался на кухне второго необыкновенного пса. Рыжего кобеля повариха звала запросто Чико, так он мне и представился:

— Можете звать меня без всяких сеньоров, я не спесив.

Хотя коты и собаки редко друг к другу искренне расположены, мне понравились весёлые умные глаза Чико и его забавные уши — одно висело, другое стояло торчком. Я предложил и ему со мной не чиниться. Знакомство оказалось не только приятным, но и очень полезным — Чико отлично знал город и его обитателей. Мы с ним прогулялись по рынку, где Чико с гордостью рассказал: в Сегилью привозят товары со всего света. Обошли огромный собор, а вот внутрь этого здания Чико нельзя было заходить.

— Тебе можно, Негрито, почему-то в свои храмы люди не пускают только собак.

— Подумать только! Даже дону Бенито сюда нельзя?

— Гав! Даже ему.

Чико был не завистлив и предложил мне зайти в храм одному, пока он подождёт меня у фонтана, но я был не настолько дурно воспитан. Мой новый друг старался не показать, но был тронут, что я предпочёл его общество прогулке в соборе. Мы хотели уже идти дальше, но рыжий пёс заметил знакомого — толстого пожилого священника, вышедшего из собора и быстрым шагом проследовавшего по узкой улице. Прохожие ему почтительно кланялись.

— Отец Николас де Руис, священник и инквизитор.

— Он служит вместе с доном Себастьяном, моим лучшим другом?

— Другом? Смешные вы, кошки. Или ты фамильяр? Не верю, что сеньор де Суэда колдун.

— Нет, конечно, я даже не знаю, что значит здесь — фамильяр.

— Лучше не знать. Ведьмам и колдунам приходится туго. Двух сожгли в прошлом году, хотя они были вовсе не ведьмы.

— Как жаль!

— Их жалел даже кот палача. Он необыкновенный, как мы, но мы его избегаем, как люди избегают его хозяина.

Разговор стал меня тяготить, и я предпочёл задать вопрос об отце Николасе:

— Этот сеньор, кажется, пришёл домой. Почему он его обошёл и заходит сзади, через маленькую калитку, да ещё озирается?

Чико зевнул.

— Ты прав, странно. Весь город знает, что донья Мартина — его жена, хотя считается женою другого.

Я несказанно удивился.

— Неужели? К чему это?

— Целибат. Обет не жениться. Подождём, отец Николас иногда мне выносит поесть, а я показываю его детям разные трюки.

Прогулку мы завершили на большой площади, в центре которой плотники соорудили помост, а по краям — несколько рядов скамеек один над другим. Я спросил нового приятеля, что за праздник здесь намечается? Он буркнул:

— Можно назвать это и праздником. Казнь. Твой инквизитор разбойников разоблачил, хотя их главарь — не простой человек.

— Горожане от них страдали, наверное? Я помню разную болтовню, которую слышал в первый день своего появления в Сегилье.

— Ещё бы! Хотя больше — в окрестностях.

Вскоре мы распрощались.

В тот вечер я слишком устал, но на следующий день решил побеспокоить необыкновенного кота, живущего на отшибе. Добрался к калитке по каменистой дорожке, ведущей вверх по пригорку у самого моря. За домом нелюдима был высокий обрыв, под которым шаловливые волны играли с камнями.

Я пришёл, когда суровый хозяин забирал корзину, оставленную ему у порога. Он посмотрел на меня и сказал:

— Ты к моему Гомеру? Что ж, проходи.

Можно подумать, он знал о необыкновенных животных и мог узнавать их.

Я воспользовался приглашением и нырнул в сад, оказавшийся очень красивым. Деревья аккуратно окопаны, цветы редкие — я таких не видел в Сегилье даже возле губернаторского дворца. Ни одного сорняка. Хозяин взял книгу и, лицом к морю, сел в плетёное кресло.

Мне навстречу поднялся всклокоченный злющий котяра.

— Что тебе нужно? — ни приветствия, ни приглашения.

Я попробовал держаться учтиво.

— Сеньор, я пришёл познакомиться...

— Ты, кот инквизитора, знаешь, кто мой хозяин?

— Не имею пока удовольствия...

— Удовольствия? Вздумал шутить? Вон убирайся!

— Но я...

Кот зарычал, клянусь, он зарычал, как собака! Я попятился, чуть присел, а хозяин моего несостоявшегося приятеля усмехнулся и бросил ему:

— Гомер, не по душе тебя гость? Пусть уходит, а я отдохну. Завтра много работы.

Я сбежал и вернулся домой.

8. Ловушка

К нам постучали ещё до рассвета.

— Сеньора Фелисия, собирайтесь скорее! Лучшие места все займут, — слышался звонкий голос соседки.

— Уже заняли с вечера, не сомневайтесь, сеньора Хуана! Мы с Инес не пойдём. Казнь — неподходящее зрелище для юной девицы. А я слишком стара.

— Но там будет и дон Себастьян!

— Тем более неподходящее зрелище. К чему бедной девушке глядеть на знатных сеньоров?

— Говорят, сеньорита не из простых...

— Пустое, сеньора Хуана. Приданого почти нет. До свидания.

Я боялся, но любопытство было сильнее. Пушистые чёрные ноги сами понесли меня к площади. Главное, чтобы люди не затоптали меня. Но я — хитрый и ловкий, забрался на дерево, с него — на крышу, потом — на навес, устроенный над покрытой коврами частью трибун. Слуги суетились, расставляя там кресла, а я сумел найти местечко на ограждении, с которого были хорошо видны и помост с виселицами, и кресла для важных зрителей. На меня никто не обращал внимания. Толпа ждала казни.

Вскоре я увидел, как люди расступились, но повозки с осуждёнными не было даже слышно. Горожане со страхом, смешанным с брезгливостью, пропустили того самого нелюдима, кот которого накануне не захотел свести со мною знакомство. Палач. По намёкам сеньоры Пепиты я должен был догадаться.

Стали потихоньку заполняться места, приготовленные для знати. Разряженные сеньоры скусающе поглядывали на толпу, на помост, друг на друга. Толстого отца Николаса принесли на крытых носилках. Донья Эстрелья, по-прежнему в чёрном платье, туго затянутом в талии и подчёркивающим прикрытую прозрачной мантильей грудь, заняла одно из почётных мест рядом с центром и смотрела по сторонам, избегая глядеть на кузена. Наконец, толпа — и нарядная, и простая — заволновалась. Люди стали смотреть в одну сторону. Я последовал взглядом за ними, догадываясь, кого ждут с таким нетерпением.

Дон Себастьян появился верхом, быстро спешил за трибуной и занял кресло рядом с отцом Николасом, не обращая внимания на обращённые к себе взгляды. Приезд герцогской четы в роскошной карете прошёл почти незамеченным — горожане заждались своего зрелища.

Наконец, раздался стук повозки, в которой привезли приговорённых — нескольких разбойников из крупной банды и их главаря, которого не спасло благородное происхождение и связи в высшем обществе города. Из толпы прозвучали проклятия и насмешки, перемежаемые улюлюканьем — были бы эти люди так храбры, встретить разбойников на большой дороге? Я посмотрел на своего друга — он старался держаться бесстрастно, сидел, скрестив на груди руки, и лишь иногда крылья его носа чуть подрагивали. В отличие от других знатных господ, ни любопытства, ни возбуждения не было в нём заметно. Многие дамы смотрели на него чаще, чем на помост, а мужчины косились, не смея, однако, выразить неудовольствие пронзительным интересом, проявлять который женщины почти не стеснялись.

Глашатай с эшафота потребовал тишины. Громко зачитал преступления разбойников и огласил приговор рядовым членам банды — повесить. Сеньоры, смолкшие ненадолго, вернулись к своей болтовне, дамы — к кокетству. Один дон Себастьян не участвовал в разговорах и сидел, почти не двигаясь. Дамы напрасно поигрывали веерами и принимали красивые позы, надеясь, что инквизитор обратит на них хоть каплю внимания. Их ничуть не смущало, что прямо перед их взором одного за другим повесили нескольких человек, которые дёргались на верёвках.

Вот остался лишь главный разбойник — дон Стефано Аседо дель Соль. Он был дворянином и перед смертью храбрился: выпрямил спину, скорчил гримасу, которая казалась ему улыбкой, жадно дышал, лицом ловил последние в его жизни лучики солнца. Пока глашатай громко зачитывал приговор и называл преступления, обречённый на казнь человек обвёл глазами толпу, встретился взором со своим обвинителем — и не смог от него оторваться. Это было ошибкой. Как раз прозвучали ужасающие подробности главного преступления дон Стефано — убийства целой семьи. Дон Себастьян, сначала встретив взгляд преступника равнодушно, сжал губы, нахмурился, глаза его потемнели — и бесконечное, обжигающее презрение придавило душу приговорённого. Разбойник ссутулился, опустил потухший взор и упал бы, не придерживая палач его за плечо. По толпе прокатился вздох разочарования — от благородного кабальеро ожидали большего мужества в его смертный час. Зрелище близилось к своему финалу. Преступника поставили на колени, заставили помолиться и положить голову на чурбан. Нелюдимый палач одним ударом снёс ему голову, поднял её за волосы и показал возликовавшей толпе. Меня чуть не стошнило. Я успел лишь увидеть, что дон Себастьян сразу встал и, не оборачиваясь, направился к своему коню, но не заметил, как чей-то слуга, притаившийся рядом со мной, быстро протянул ко мне руку. В мой закрик вцепились грубые пальцы. Я оказался в мешке, пытался кричать, вырывался, но на площади из-за шума никто не обратил никакого внимания на похищение чёрного кота со свидетельством инквизиции.

Темноты в моих глазах не было, меня просто в мешке принесли в незнакомый мне дом. Спеленали мне пасть, лапы, чтобы я не мог убежать и кусаться, и положили на стол у затянутого тонкой светлой тканью окна. Комната в результате была хорошо освещена, но никто бы не смог снаружи в неё заглянуть. Судя по лёгкому ветерку, само окно было открыто. Рядом стоял ещё один стол, стулья, на столе лежали несколько книг и большой металлический поднос. Я не знал, зачем меня сюда принесли, но был до смерти перепуган. Ждал больше часа, но прежде чем пришли похитители дождался дружеской помощи.

Бесценная сеньора Пепита сумела меня найти! Она быстренько пропищала, что о моём похищении и где меня искать ей рассказал Чико, доставил её к порогу, а она сумела прошмыгнуть в дом и обежать одну комнату за другой. Кто и зачем похитил меня, она понятия не имела и не стала терять времени на рассуждения — ей нужно было побыстрее перегрызть мои путы. К несчастью, она не успела полностью меня освободить, когда вошли два человека. Мышь спряталась, а я лежал неподвижно, надеясь — мои злодеи не обратят внимания, что я связан только наполовину.

Узнав вошедших, я так удивился, что чуть не выдал себя. Дон Диего и донья Мария! Что их связывает, главное — я им зачем? Оставалось лишь слушать. Первые же слова начали прояснять мне их замысел.

— Кузен, ты уверен? Пирожница меня обманула?

— Проверим. В таких делах ничего нельзя предвидеть наверняка.

Таааак... с моей помощью эта вредная женщина хочет приворожить моего инквизитора, а родственник ей помогает. Это не больно?

Дон Диего с ухмылкой ко мне подошёл, но не стал приглядываться к моим путам.

— Что, чёрная тварь? Испугался? Ну, ну... ты нам нужен жив и здоров, как твой господин нужен моей драгоценной кухне. Понимаешь? Должен понять, если ты — то, что я о тебе думаю.

Я мигнул, а донья Мария отрывисто выговорила:

— Начнём, наконец?

— Не спеши. Нужно время. Ты долго копалась.

— Думаешь, просто выскользнуть из герцогского дворца?

— Твоя камеристка не выдаст?

— Я ей щедро плачу и кое-что о ней знаю.

— С твоими планами скупиться нельзя. Зажги огонь и дай книгу.

Донья Мария исполнила приказание. Рука её немного дрожала. Герцогине захотелось заглушить страх разговором, и, пока её кузен сосредоточенно листал книгу, она начала тихонько рассказывать.

— Думаешь, это всё — моя блажь? Мой муж, старый пень, а туда же — хочет наследника, — глаза герцогини сверкнули. — Будет ему наследник! — женщина выдохнула и улыбнулась. — Красивый и смелый.

— До чего ж ты глупа! — бросил ей мимоходом кузен. — А ещё ругаешь Эстрелью. Сынка де Суэда будет видно за милю.

— Ну и пусть. Герцог сколько протянет? Лет пять, десять от силы, не разберёт. С его родней я поссорюсь, а когда они ребёнка увидят, будет поздно вспоминать старые сплетни. А может, ребёнок будет похож на меня.

— Лучше забеременей от лакея. От такого папаши и избавиться будет нетрудно, — посоветовал дон Диего, по-прежнему глядя в книгу.

— И не подумаю! В новом герцоге де Медина будет благородная кровь.

— Своему мужу морочь голову сколько угодно, мне-то зачем? Ты мастерица обманывать даже себя. Просто хочешь этого инквизитора, — и мрачнее: — Как вы все, похотливые глупые женщины.

— А ты хочешь Эстрелью в надежде стать графом Теворой или сохнешь по ней, как мы обе — по де Суэда?

Змеюка сумела его подколоть. Дон Диего оторвался от книги и со злостью ответил:

— У меня хоть бы вместе и желание, и расчёт, а у тебя — только желание.

— Мы родня, пусть и дальняя. Если ты не знаешь моих расчётов, это не значит, что их вовсе нет.

— Вот как? Поделись, дорогая кузина. На полпальца вырастешь в моём мнении.

— Позже.

— Я так и думал, — ухмыльнулся кузен. — Ты поглупела с тех пор, как сама зашивала свои чулки, — он вернулся к своей странной книге.

— У тебя, точно, расчёт в твоей помощи. Кто я буду со своей вдовьей долей? Так, из милости займу уголок во дворце. Мать же наследника — совсем другая персона. И тебе пригодится.

— Зря я, что ли, тебя нарядил хорошенько и представил старому герцогу? Но ты права,

без наследника счастье твоё ненадолго. Вот, нашёл!

Донья Мария глянула в книгу через плечо своего опасного родственника и испуганно спросила его:

— Что это? Мы договаривались не об этом!

— Твой приворот подождёт. Я не хочу потерять сокровище, которое сегодня добыл, — отмахнувшись от женщины, дон Диего достал из мешка окровавленную рубашку.

Запах недавно запёкшейся крови заставил меня плотней прижать уши, а донья Мария, с трудом подавив крик, побледнела как полотно.

— Рубашка с кровью Аседо! Что ты хочешь с ней сделать?

— Исследую, сохранию, как написано. Может быть, использую как оружие.

— Оружие?! — она завизжала. — Такое оружие можно использовать только против убийцы! Тебе ведь не палач нужен! Не смей!

— Не смей что? — издевался над ней дон Диего. — Что ты мне сделаешь, неумелая ведьма?

Женщина всхлипнула. Я бы её пожалел, если б не понял — уродливый негодяй что-то затеял против моего друга, а донья Мария не сможет ему помешать, даже если попробует.

— Ну, не хнычь... — колдун будто смягчился, всё-таки родственник. — Я никогда не трачу силы без цели. Дон Себастьян мешает моим планам, а лично против него я ничего не имею. Отвлечёшь его от Эстрельи — и мне будет незачем вредить ему ворожбой. Тебе — дополнительная причина стараться со своим приворотом и женскими чарами, если не подействует приворот.

Обессиленная герцогиня присела на стул в уголке и сквозь слёзы наблюдала за колдуном, охотно пояснявшим каждое открытие при исследовании рубашки, которую внимательно рассматривал над огнём, пахнувшим травами, посматривал в книгу, принохивался.

— Аседо наверняка в последний миг своей жизни испытывал ненависть к тому, кто отправил его на эшафот.

— Страх он испытывал. Ужас. Весь город видел, как он обмяк. Дрянное оружие, — приободрившись, ехидно встала герцогиня.

— Верно, — с досадой буркнул в ответ дон Диего. — Кто бы подумать мог, что он перетрусит!

— Зря посмотрел в глаза де Суэда.

— Этот наглец и без всякого колдовства умеет произвести впечатление.

А то я не знаю! Кажется, колдун понапрасну добывал сокровище, оказавшееся фальшивым. Ура.

Но негодяй не сдавался.

— Крови много. Посмотрим, что ещё она сохранила. Можно воспользоваться чувствами, бывшими раньше.

Мы с герцогиней снова заволновались. А колдун изучал свой трофей и с победой воскликнул:

— Вот оно! Две недели прошли, но я вижу! Нашёл!

— Что?

Я приподнял голову, забыв, что могу себя выдать. В ухо мне пискнула сеньора Пепита:

— Тихо лежите! Я скоро закончу!

Храбрая мудрая мышь воспользовалась тем, что заговорщики отвлеклись от меня, и

грызла мои пути так ловко, что даже я не заметил. А дон Диего захлёбывался от восторга:

— Пока у Аседо была капля надежды вырваться из рук обвинения, он ненавидел! Ненавидел страстно, отчаянно, пытался убить! Умный и ловкий был человек. Столько лет не попался! Опутал сетями Сегилью, знал подход к важным людям, завёл много нужных знакомств. Вызнавал, где можно ударить и не встретить сильного сопротивления.

— Но попался.

— Сначала случайно, но выпутался бы обязательно, если бы не...

— Дон Себастьян.

— Да, везенье Аседо закончилось, когда в Сегилью приехал новый следователь инквизиции. Ненависть была бешеной.

— И ни капли раскаяния?

Дон Диего посмотрел на кузину, будто счёл её сумасшедшей.

— Ну ты и скажешь. Нет, я клянусь — поглупела. Сотворил бы такое с Гонсалесами человек, способный на покаяние?

— Откуда мне знать?

— Довольно, я нашёл то, что нужно. Страх убил ненависть, когда у Аседо не осталось надежды, но остатков мне хватит.

Колдун достал стеклянную колбу и бросил в неё кусок рубашки с выбранной кровью.

— Может быть, пригодится. Не знаю, насколько заговорены де Суэда, попробую только в крайнем случае. Опасная вещь. Если не выгорит, достанется мне самому. А может, ударю по кому-нибудь, кто ему дорог.

— Чёрный кот, что ли? — фыркнула герцогиня. — Или я, если получится с ворожбой?

— Не бойся, на привороживших не действует. Говорю же, на крайний случай. Пока не могу и представить. Теперь займёмся твоими делами.

— Ну наконец-то, я думала, ты позабыл.

— Забыл, что ты дура? И не надейся.

— Негодяй, подлец, злобный колдун! — вышла из себя герцогиня. — Ты хотел знать, почему я хочу в любовники де Суэда? Почему именно от него мне нужен ребёнок?

— Сколько страсти! — вставил кузен.

— Мне претит колдовство!

— Да ну? — несмотря на насмешку, дон Диего был удивлён.

— Этот дар, эти книги, вечный страх разоблачения, меня душит и давит то тёмное, что всё время со мной! Быть может, моё дитя будет избавлено от морока, кровь де Суэда способна сжечь моё колдовство, — женщина выдохлась и стала очень несчастной. — Мне это так надоело...

— Будь осторожна, — пожал дон Диего плечами. — Кровь де Суэда непредсказуема, как и они сами.

— Я готова попробовать, будь что будет.

— Ладно, займёмся.

— А почему ты не приворожил свою ненаглядную донью Эстрелью?

— Простовата и влюблена, — угрюмо и кратко ответил кузен. — Не вышло бы, даже будь у неё фамильяр. Хотя, где ей — точно не ведьма. Начнём.

Я напрягся, прикидывая, куда здесь сподручнее убежать. Дон Диего ко мне подошёл, улыбнулся.

— Ну, не бойся, малыш. Мы чуть-чуть поколдуем, и ты отправишься восвояси. Не забудет

от твоего господина, если он позабавится с моей дорогой родственницей. Вон какая красавица, хотя что ты понимаешь! Заодно мне любопытно проверить, точно ли де Суэда не проймёшь ворожбой.

Не хочу, чтобы он проверял! Не хочу, чтобы моего друга приворожила эта мерзкая гадина! Мои путы распались, я изо всех сил полоснул когтями по руке дона Диего и рванул к двери, по счастью, закрытой неплотно. Лёгкий сквозняк помог мне найти другое окно, не закрытое даже тканью, и я, не взирая на грозное: «Стой!», прыгнул на волю. В последний миг я услышал, как колдун в меня что-то бросил. Стало до ужаса больно, я упал.

Темнота.

9. Великий инквизитор

Через день после казни Аседо в Сегилью прибыл важный гость. Сам дон Рикардо де Суниго, великий инквизитор Испании, оказал городу честь своим посещением. Прямо с дороги он заехал во дворец губернатора, и, разумеется, был немедленно принят.

— Дон Армандо, я очень рад видеть вас.

— Для меня — огромная честь ваш визит.

Быстро покончив с формальным приветствием, два хорошо знакомых пожилых человека уселись за стол. Лакей раскупорил для них бутылку изысканного вина и поставил закуски. Затем герцог знаком велел ему выйти — важные разговоры он привык вести без ушей даже доверенных слуг.

— Надеюсь, дон Рикардо, вы не очень устали в дороге.

— Не настолько, чтобы не мог поговорить, сидя в кресле в вашем дворце.

— Я думал, вы приедете на казнь донна Стефано.

— Напротив, предпочёл задержаться. Не люблю подобные зрелища.

— Могли бы гордиться своим протеже.

— Дон Себастьян регулярно мне пишет отчёты. Надеюсь, вы не слишком обиделись на него.

— Обиделся? — герцог фыркнул. — Конечно, при случае проучу наглеца, чтобы было впредь неповадно, но обижаться, сердиться на де Суэда? Надо мной будут смеяться, и только. Злорадно смеяться. Особенно герцог Альда, у которого служил дон Эстебан. Я на вас скорее обижусь за то, что вы отправили это чудо в Сегилью, будто мало мне хлопот на мою голову.

— Аристократы Испании — одна большая семья. Не сердитесь.

— Да уж... на днях одну паршивую овцу обезглавили стараниями вашего юного друга.

— И поделом. Хотя лучше бы на костёр.

— Да, это дело будет засчитано светским властям, а не инквизиции, — съехидничал губернатор.

— Сочтёмся как-нибудь между собой.

Старики поговорили о новостях из столицы, припомнили прошлое и расстались, довольные друг другом.

Дон Рикардо направился в здание инквизиции, где для него были всегда наготове комфортабельные апартаменты, и сразу попросил пригласить к себе следователя. Разговор со своим протеже предстоял гораздо длиннее, чем с губернатором, великий инквизитор планировал уделить ему целый вечер на ясную голову, потребовал кофе и сладости, которые очень любил. А ещё старик был несказанно рад видеть своего молодого друга. Едва дверь отворилась, дон Рикардо протянул ему руку, которую дон Себастьян почтительно поцеловал.

— Садитесь, сын мой, рассказывайте, что успели перевернуть вверх дном в прекрасной Сегилье.

— Вы шутник, дон Рикардо, — молодой человек тепло улыбнулся. — Я всё важное вам написал.

— Наверняка остались детали, которые не надо спешить доверить бумаге.

— От вас, святой отец, ничего не укроется! Больше всего меня беспокоит дело,

переданное в столицу. Конечно, в Сегилье — только агенты купцов, продающих оружие моврам, но я не могу понять легкомысленного отношения к подобным проделкам. Ведь прямая измена!

— С моврами мир лет двадцать, и о пиратах не слышно. Вы позволили взять это дело из ваших рук?

— Все нити — в столице. Вам нужно настаивать, чтобы король изменил взгляды на торговлю подобного рода. Я пока сосредоточился на местных разбойниках — простолюдинам совсем житья не стало от них.

— Здесь могу вас поздравить с успехом. Или остались вопросы?

Дон Себастьян посмотрел на собеседника с восхищением.

— Вы, как всегда, правы. Не до конца прояснены связи Аседо. Он расшифровал инициалы из своих записей, но я не успел допросить всех, кому он тем или иным путём давал взятки. К тому же негодяй добрался и до столицы.

— Столицу беру на себя. Не беспокойтесь, мне довольно было намёка, что в случае отпирательства я поручу лично вам расследовать грешки человека, на которого указал дон Стефано, и все с готовностью признались в получении взятки. Разумеется, с приговорками — не знали, не ведали, думали, что по дружбе, честный выигрыш в карты... Кто бы мог подумать дурное на такого любезного благородного кабальеро!

— Нужно истребовать суммы взяток в пользу жертв банды.

Великий инквизитор, продолжая улыбаться, подумал: «Отличный инструмент, при надобности воспользуюсь, для острастки с кого-нибудь действительно возьму штраф», но ничего не сказал и слушал дальше.

— Свои дела негодяй вёл с размахом. Я занимался только Сегильей с провинцией, не удивлюсь, если банда порой грабила и наших соседей. Может быть, даже возле столицы. Не поэтому ли мне прислали записи об убийстве предыдущего следователя?

— Думаете?

— Пока ничего не нашёл. Ни в отчётах, ни в черновиках — ничего, что подтвердило бы подозрения против Аседо.

— Другие дела покойного сеньора Франсиско?

— Простолюдины, обвинённые в колдовстве. Кому за них мстить? Можно подозревать слишком многих так же, как никого. Дон Рикардо, подобные дела нельзя оставлять на откуп местным судам. Двух женщин сожгли ни за что, чистый оговор.

— Сожалею, но об этом попозже. Я хотел о другом вас спросить. Вы готовы принять обеты?

— Нет.

Краткий и твёрдый ответ удивил великого инквизитора. До сих пор дон Себастьян, хотя не называл срок, но готовился стать священником. Дон Рикардо, не задавая вопросов, ждал объяснения. Глотнув кофе и немного подумав, его протеже тихо, даже смущённо признался:

— Я недостаточно смирил свою плоть.

— В прекрасной Сегилье множество искушений... — промолвил старик, про себя подумав: «Любовница? Или влюблён?», и не стал настаивать на деталях, сосредоточившись на пирожном.

Молодому человеку было о чём подумать при слове «обеты». Он был одарён редкостной притягательностью для женщин, потому слишком рано познал плотские утехи любви и получил их с избытком. В семье едва успели обучить его предосторожностям, необходимым

при близком общении с представительницами прекрасного пола. Потом, на военной службе, юноша отвечал домогательствам дам, с семьями которых его не связывали родство или дружба, в остальном был не слишком разборчив. Женщины стали для него лишь средством утолить потребности здорового тела. Несколько поединков с ревнивцами закончились лёгкими ранами для противников — достойных соперников в фехтовании дон Себастьян в те годы не встретил и считал неуместным наносить вред мужчинам из-за недостойного поведения дам.

К тому дню, когда дон Рикардо пригласил юношу на службу в святой инквизиции, где достигнуть высоких чинов было возможно лишь для священников, дон Себастьян был пресыщен и посчитал отказ от утех пустячной потерей. Два года учёбы — пришлось прослушать курс права, практика в инквизиции под руководством опытных следователей и лично дон Рикардо. На мысли о женщинах всё равно не было времени. Однако будущий следователь не считал нужным отказываться от физических упражнений — глупо доводить тело до состояния, когда духу придётся бороться с усталостью и болезнью. В роскошный, обольстительный город красивый молодой человек приехал, полон сил, среди них и мужской силы, о которой не думал первое время, погрузившись в расследования.

В один день стремление смирить плоть пошло прахом. Дон Себастьян чуть расслабился, закончив дело Аседо, чуть смягчился, погладив чёрного котика, и первые же подвернувшиеся красивые женщины пробили брешь в старательно выстроенной броне.

Две знатные дамы, непристойно назойливые, сияли рядом с ним молодостью и красотой. Желание поразило молодого мужчину неожиданно остро. Сквозь туман он заметил спасительный повод уклониться от продолжения разговора с похотливыми аристократками, и, вернув хозяйке её кота, бежал, в последний момент выдав себя пламенным взглядом. Прекрасные женщины ему привиделись голыми. Герцогиня — стройная, гибкая, жаждущая раскрыться навстречу желанию избранного мужчины, и графиня — пышная, гладкая, белокожая, сочетающая робость и жар без стыда. Проклятие! Молодой инквизитор хотел их обеих так же сильно, как презирал.

Стоит ли говорить, что его состояние не укрылось ни от кого в святой инквизиции? Офицер стражи, с которым дон Себастьян очередной раз упражнялся в фехтовальном искусстве, ухмыльнулся, когда партнёр вылил на себя второе ведро холодной воды. В следующей схватке насмешник пропустил чувствительный удар. Остолопу достался урок — даже в тренировочном поединке нужно думать о шпаге, а не о личных делах противника.

Вечером дон Себастьян решил поужинать с офицерами, собираясь поговорить с ними о лошадях, но молодой лейтенант завёл речь об отличных девчонках в ближайшем борделе, чего никто раньше не позволял себе в присутствии сурового следователя, притворившегося на сей раз, что ничего он не слышит.

В довершение, когда отец Николас перед уходом домой о чём-то спросил молодого коллегу, тот ответил ему неожиданно резко, а старый лицемер ничуть не обиделся, подмигнув:

— Эк вас штормит, мой юный друг!

При подобном конфузе, какие обеты?

Очнувшись от своих мыслей, дон Себастьян заметил: его старший друг и наставник, наевшись десерта, наблюдает за своим протеже. Не желая посвящать великого инквизитора в слишком личные подробности своих сомнений, молодой человек хотел сменить тему, но дон

Рикардо опередил его:

— Три года назад я был удивлён, как легко вы согласились поступить на службу святому суду.

— Вы помните, как я добился снятия обвинений с полковника де Мендоса?

— Конечно. Я приехал помочь старому другу и был рад, что моя помощь уже не нужна. Вы сумели вскрыть подлог интенданта и с блеском доказать невиновность полковника.

— Наши офицеры от меня ожидали иного — что я, как лучший в полку фехтовальщик, вызову обвинителя на дуэль. Я понял, что это ничуть не поможет, потребовал показать мне бумаги. Правда, пригрозив поединком, но об этом забыл рассказать — не считал важным.

— Но обвинение было снято!

— Способ показался моим друзьям странным. Конечно, они ничего не сказали, но бывшая сердечность между нами пропала. Я не хотел ничего им доказывать, не стал объяснять, что важнее помочь своему командиру, чем похвастаться мастерством в фехтовании. Никто не был удивлён, что с военной службы я перешёл на службу святому суду.

Дон Рикардо не стал делиться секретом, что он лично и долго убеждал полковника де Мендоса не отговаривать молодого офицера от необычного для человека его круга решения. Помолчав, великий инквизитор попросил рассказать о другом крупном деле — обвинении в колдовстве графини де Гарофа. Следователь задумался.

— Поначалу дело казалось мне крайне глупым. У графини нашли составляющие приготовления зелья. Какие-то травы, дохлую мышь...

— Неужели? И что при допросе?

— Ну показал я ей дохлую мышь, — дон Себастьян встряхнул головой и потёр лоб. — Графиня хлопнулась в обморок.

— Настоящий? — великий инквизитор слушал рассказ о допросе и улыбался, в красках представляя себе, что может устроить женщина, которая одновременно и боится обвинителя-инквизитора, и жаждет его мужского внимания.

— Конечно. Где стояла, там рухнула. Что такое притворный обморок? Женщина выберет позу, взмахнёт руками, жалобно вскрикнет... присмотрит, куда ей сподручней упасть — диван, кресло...

— Ваши объятия... — не удержался от шуточки дон Рикардо, тут же состроив серьёзную мину.

— Графиня действительно с перепугу потеряла сознание, пришлось выплеснуть стакан воды ей в лицо. Она очнулась, стала хватать меня за руки, нести какую-то чушь.

— Надеюсь, при этой занятой сцене были свидетели?

— Секретарь и дуэнья. В словесном потоке, который она обрушила на мою голову, рациональное зерно всё же было: она подозревала в навете кузена и наследника мужа — дона Диего де Мондего, нового графа де Гарофа.

— Вот как? Дон Диего хлопотал в столице за снятие обвинения. Вы опередили его.

— Всё было подстроено так топорно, что дон Диего легко заподозрить в попытке заставить вдову выйти за него замуж, не дожидаясь окончания траура, главное — раньше, чем в Сегилью приедет отец доньи Эстрельи. Для каких-нибудь лавочниц... — дон Себастьян помрачнел, но тут же взял себя в руки. — Для простолюдинок, таких, с позволения сказать, доказательств хватило бы, но не для дочери графа Теворы и вдовы графа Гарофы.

— Удивительно, что дело вообще возбудили.

— Возбудили на месте, где граф Гарофа всем заправляет, и потом передали в Сегилью.

— Получается дело о клевете. Хотя обвинить дона Диего...

— Я съездил в поместье графа и допросил прислугу... женскую. Разбойников легче допрашивать! — молодой следователь сделал большой глоток кофе, поморщился и пожалел, что на столе нет вина. — Слёз, визгу, клятв... Если хоть чуть разобрать это светопреставление, подозрительней всех камеристка. Но с ней случился припадок.

— Обморок, припадок. Сочувствую вам, сын мой.

— Дело куда хуже. Я не знал, вызывать лекаря или экзорциста.

— Неужели? — дон Рикардо от волнения подался вперёд, уронив на тарелку очередное пирожное. — Вы заподозрили, что женщина одержимая?

— Раньше никто не замечал за ней признаков эпилепсии. Я отправил её в монастырь, под присмотр матери Анхелики, и отложил пока это дело. Вы понимаете, если колдовство всё же найдут, девушку ждёт костёр, даже если она такая же жертва, как донья Эстрелья.

— Да, и первый подозреваемый — дон Диего.

— Какая-то чушь... С графини обвинения я, конечно же, снял. Обыкновенная глупая женщина. Если она ведьма, то я император Китая.

— Со смертью мужа графини всё чисто?

— У меня нет причин сомневаться в расследовании дона Бернардо. По его словам, дело вполне заурядное — картёжник и бабник нарвался на поединок из-за гулящей девки.

— Бедная донья Эстрелья.

— При подобном вдовстве никто её не осудит за новый брак в ближайшее время. У дона Диего вполне мог быть расчёт воспользоваться сложившимся положением. К тому же, граф Тевора не получил вовремя известия о том, что его дочь обвинена в колдовстве. Он ответил уже на моё письмо, и писал о полном неведении.

— Интересные дела творятся в Сегилье.

— Не бойтесь не уснуть после кофе?

— Не беспокойтесь, сын мой, почитаю немного, да и усну. Я очень рад видеть вас, дон Себастьян. Благодарю за беседу. И призываю вас быть осторожным.

— Благодарю. Я выхожу один очень редко, всегда вооружён, — молодой человек встал и поклонился, собираясь уйти. — Доброй ночи.

— Доброй ночи, сын мой. Увидимся перед моим, увы, скорым отъездом из прекрасной Сегильи.

Попрощавшись, дон Рикардо подумал — что дальше? Его юный друг не из тех, кто, принимая обеты, сразу думает полочнее их обойти. Сколько иначе он может оставаться следователем инквизиции? Год, два или три? Что потом? Впрочем, срок может оказаться достаточным для исполнения ближайших планов великого инквизитора.

10. Граф де Тевора

На другой день великого инквизитора попросил принять один из знатнейших вельмож — дон Мигель де Асуна, граф де Тевора. Гранд Испании, титул которого уступал герцогскому только формально. Земли графства были богаты и важны для благополучия королевства, хотя далеки от столицы, и ещё дальше — от прекрасной Сегилии. Дон Рикардо был с ним неплохо знаком, как и со всеми грандами, впрочем, не столь близко, как с доном Армандо. Граф был моложе его лет на десять, редко бывал в столице, поговаривали — из-за семейного несчастья, хилого сына, предсказать срок жизни которого не брались даже лучшие лекари. Как единственного наследника, юношу рано женили, но детей у него не было, вероятно, и не могло быть.

Великий инквизитор догадывался, что речь зайдёт о донье Эстрелье, дочери графа, но думал — дон Мигель хочет всего лишь поблагодарить за снятие с неё обвинения в колдовстве.

Всегда сдержанный граф, действительно, поблагодарил, но коротко и без улыбки. Затем, не позволив дону Рикардо ответных любезностей, произнёс:

— Мой сын умер.

— Я вам очень сочувствую.

— Этого ждали давно, но мы с супругой надеялись...

— Разумеется. Я должен...

— Прошу вас, давайте поговорим без околичностей. Вы понимаете, что это значит для моей единственной дочери? Теперь моя Эстрелья — наследница. Всего, титула и земель. Станет в будущем графиней де Тевора и передаст титул мужу.

— Да... Стать супругом вашей дочери захотят очень многие.

— Первый её брак оказался так неудачен! Я пошёл на поводу её чувств, точнее, не проявил достаточно осмотрительности. Слишком был занят здоровьем сына и пренебрёг дурными слухами о графе де Гарофа.

Великий инквизитор не догадывался, зачем граф рассказывает о семейных делах, потому молчал и предпочёл слушать.

— Я приехал внезапно для дочери, стал настаивать, чтобы она вернулась в Тевору. Она отказалась. Причину, конечно, я угадал.

— После оскорблений, которые она получила от первого мужа, донья Эстрелья вправе располагать рукой и сердцем, не дожидаясь обычного в таких случаях года после того, как осталась вдовой. Никто не обвинит её в нарушении приличий.

— К чёрту приличия! Извините, святой отец. Дочь назвала имя человека, за которого хочет пойти вторым браком.

— Вы полагаете, что он достоин её и графства Теворы не лучше, чем покойный супруг доньи Эстрельи? Что ж, инквизиция располагает возможностями вывести на чистую воду...

— Позвольте сказать! Дон Себастьян де Суэда.

— В смысле? Дон Себастьян снял обвинения и, конечно, поможет узнать...

— Да погодите вы! — знатный посетитель начал выходить из себя. — Моя дочь влюблена в дон Себастьяна.

— Вы серьёзно?

— Как кошка!

Моргнув, дон Рикардо подумал, что мог догадаться. Он знал, конечно, как сильно его протеже нравится женщинам, но — что значит старость! — начисто упустил это из виду. Теперь нужно удержать графа от необдуманных действий, которые могли бы повредить молодому де Суэда, поэтому хитрый старик постарался говорить мягко и деликатно.

— Вы можете не беспокоиться. Дон Себастьян — щепетильный молодой человек. Он не скомпрометирует вашу дочь. Она уедет и успокоится.

— Уже скомпрометировал. Дочь говорит, Сегилья полна слухов.

— Гнусные сплетни! — великий инквизитор возвысил голос, а потом с усмешкой прибавил: — Сплетники могут вызывать дону Себастьяна на поединок, если им надоело жить. Благо он ещё не принял обеты и вправе принять вызов. А приданое вашей дочери перевесит любые слухи.

— Эстрелья твёрдо настроена выйти за него замуж.

«Да уж, вдовая дочь — головная боль для семьи хуже молодой жены старого мужа», — подумал про себя великий инквизитор, продолжая приветливо улыбаться и придумывая, как успокоить разгневанного отца.

— Граф, понимаю ваше беспокойство...

— Дайте сказать!

— Не сомневайтесь в благоразумии дону Себастьяна. Если угодно, могу ненадолго отправить его в столицу...

— Послушайте!

— Он никогда не оскорбит вашу семью и будет молчать, даже если заметил...

— Дон Себастьян...

— Я уверен, нет серьёзного повода для тревоги...

Граф чуть не взвыл:

— Умоляю вас, помолчите!

Великий инквизитор опомнился и сообразил — в стремлении выгородить своего следователя изменил собственному правилу больше слушать, чем говорить. Молча кивнул, полагая, что сейчас услышит пересказ особенно вредного для репутации дамы слуха и требование помочь замять дело.

Вздохнув и расцепив пальцы сложенных на столе рук, дон Мигель устало, но без колебаний сказал:

— Я согласен на этот брак.

Дон Рикардо не думал, что в свои годы способен удивиться так сильно. Удивление — слабое слово. Старик был ошеломлён, смятён и ввергнут в полнейшее непонимание, что происходит на этом свете. Наследница графства Теворы — невеста для герцога, знатнейшего графа, её брак после смерти брата требует одобрения короля, её чувства — последнее, что может интересовать вельмож — отца или будущего супруга. И, разумеется, третий сын одного из баронов никак не может быть парой для такой дамы. Однако, великий инквизитор молчал, не в состоянии придумать, что он может сказать.

Понимая, как поражён его собеседник, граф стал объяснять:

— Я уверен в согласии короля. Корона не поощряет объединение крупных владений. Владетельный герцог, получив графство Тевору, окажется намного влиятельнее и богаче других вельмож. Младший сын старинного рода станет одним из грандов, но не первейшим. Конечно, знатные аристократы наперебой будут сватать Эстрелье своих сыновей, и я не вижу ни малейшего смысла выбирать из них самого родовитого, тем более что с

большинством мы в родстве. Молодой де Суэда меня устраивает как зять и наследник. Объяснять нужно? Вы его знаете лучше других.

— Думаю, разговор будет долгий... — вздохнул дон Рикардо. — Я прикажу накрыть стол.

— Благодарю и догадываюсь, что с другим молодым человеком я договорился бы быстро, но с меня и Эстрельи довольно ошибок.

— Скажу прямо — я не уверен, что дон Себастьян намерен жениться.

— Уже обнадёживает. Вы не сказали — уверен, он стремится к духовной карьере.

«С графом нужно ухо держать очень остро...», — с неудовольствием подумал опытный интриган, ещё не сделавший заключения, какой шаг его протеже лучше для собственных планов великого инквизитора.

Граф выпил немного вина и неожиданно спросил:

— Слышали о новой пьесе, премьеру которой король посетил неделю назад в столице?

Дон Рикардо решил, что его собеседник собирается с мыслями, заполняя паузу ничего не значащей болтовнёй. Не очень это было похоже на всегда сдержанного, даже сурового аристократа, но, быть может, смерть сына подкосила отца гораздо сильнее, чем граф хочет показать это. Поэтому инквизитор ответил неопределённо:

— Кто-то говорил мне, смешное название, кажется, «Овечий источник»?

— Вы явно не знаете. По слухам, подлинная история. Лет триста назад крестьяне одного из селений убили притеснявшего их сеньора, убийцу не выдали, и король их помиловал.

— Вот как? — великий инквизитор не следил за театром, но понял намёк. — Раз король почтил своим присутствием эту пьесу, то и грандам пришлось смотреть постановку на не самый приятный для них сюжет.

— Многие недовольны, что Его Величество снизил налоги, ограничил траты казны, не поощряет роскошь аристократов, главное — урезал их судебные полномочия в их же владениях. Недовольных, как водится, урезонивают, раскрывая их привычные шалости с государственными финансами, а порой попадается и что посерьёзнее — измены, связи с прямым грабежом...

— Вы о деле Аседо?

— И о нём тоже. Полагаю, способности вашего протеже вы и дальше намерены применять в своих целях?

— Цели святой инквизиции...

— Нет, я о ваших. Успехи, разоблачения, расширение влияния и полномочий...

— Всё — в интересах короны и королевства.

— А потом, когда простолюдинам покажут, кто их защитник, и как следует приструнят слишком много о себе возомнивших вельмож — компромисс. Ведь подлинная опора трона — дворянство.

— К чему вы клоните, граф? — великий инквизитор уже догадался, помрачнел, но не хотел озвучивать свою мысль.

— Не раз и не два инквизиция брала на службу талантливых простолюдинов, они добивались успехов в своих расследованиях, наживали врагов — и...

Дон Рикардо прервал его:

— Упивались властью над благородным сословием, стремились к обогащению, к тому же дон Себастьян...

— У меня были причины интересоваться такими делами. Их наказывали суровее, чем других.

— Расплата за власть и за то, что оказались недостойны доверия.

— А лично ваш протеже лет двадцать назад? Когда вы стремились занять должность великого инквизитора?

Дон Рикардо сглотнул. Он старался это забыть. Упрямо промолвил:

— Энрике Мартинес был помилован...

— Помилован... Невиновный.

— Превышение полномочий...

— И всё? Решился арестовать знатного казнокрада. Вы разве не это внушали ему? Вы мастер цветистых речей о благе Испании.

— Вы слишком увлеклись старыми сплетнями и, должно быть, устали.

— Отец Энрике служит в одном из приходов Теворы. Редкостной силы духа и безупречной праведности человек. Хромает слегка, его ведь пытали.

— Он вам рассказывал?

— Нет. Уклонился. Я сам узнавал. Не думайте, дон Рикардо, что прошлое не оставляет следа. Вы поддержали обвинения против Мартинеса, позволив его врагу утолить жажду мести, потом добились помилования и услали больше не нужного вам человека. Сбросили пешку с игровой доски и получили желанную должность.

— Дон Мигель, — возвысил голос старик, слегка потрянув головой, избавляясь от неприятных воспоминаний. — Ваши нотации неуместны. Кто вы, чтобы навязывать мне нелепые разговоры?

— Когда вам нужно, вы и не такое терпите от первых грандов Испании, — граф скрестил на груди руки и невозмутимо продолжил: — Зачем вы впутали в свою игру дворянина? Вам за шестьдесят, что вам нужно, зачем вы повысили ставки? Де Суэда не убрать втихаря.

— Кабальеро из этой семьи ничего серьёзного не грозит, — с облегчением отмахнулся от собеседника дон Рикардо. — В столице пошумят и забудут, все знают ведь де Суэда!

— Вам грозит.

— Мне? Что? — искренне удивился старик.

— Вы потеряете его уважение.

Дон Рикардо посмотрел на графа с изумлением, хотел усмехнуться — и не смог. Горло перехватило, руки вдруг затряслись, плечи ослабли, а старое сердце забилося сильнее. Годы вмиг придавили великого инквизитора, все годы, что он упивался властью, расширением полномочий, победами над соперниками, своим превосходством над людьми разного положения и ума. И на старости лет в жизни прожжённого интригана появился единственный человек, кто способен смотреть ему прямо в лицо с почтением, но без страха и лести.

Некстати вспомнился Энрике Мартинес, его растерянный взгляд при последней их встрече — когда скромный и честный простолюдин начал осознавать, что он предан, но ещё не сумел понять в полной мере — стал всего лишь орудием в ловких руках интригана. Де Суэда поймёт это сразу. Горячая кровь и прирождённая гордость аристократа не позволят промедлить с решением. Дон Рикардо, как наяву, представил своего молодого друга — его ясный взгляд и приветливую улыбку. Вспомнил, как три года назад его поразили присущие юноше живой ум, искренность, смелость и готовность служить тому, кому он поверил.

Потерять уважение... этим не обойдётся. Дон Себастьян способен и презирать, и даже не потрудится скрыть перемену своего отношения к самому великому инквизитору.

Старика из жара бросило в холод. Холод старости, близкой могилы, раньше не тяготившего одиночества. И странной, дикой, незнакомой боязни потерять привязанность друга. Пришлось тихо признаться:

— Он мне как сын. Я и не думал, что так сильно к нему привяжусь. Чего вы хотите? Ведь ваш разговор неспроста.

— Моё желание выдать за него дочь может противоречить вашим планам использовать способности дон Себастьяна. Я вас прошу не поддерживать его стремление остаться на службе в святой инквизиции, тем более — принять сан.

— Могу вас обрадовать — дон Себастьян вчера сообщил, что принимать обеты не станет.

— Вот как? — граф слегка оживился. — Я очень рад. Говоря откровенно, весьма сомневался, что надежды Эстрельи — не полная выдумка с её стороны.

— Дон Себастьян утверждает, что никогда не допрашивал её без свидетелей.

— Я так и думал, что она соврала. Умеют ведь женщины сочетать простодушие и нелепую хитрость.

— Простите, — дон Рикардо замялся. — Донья Эстрелья... не очень умна.

— Говоря попросту — круглая дура. Но она моя дочь, — граф вздохнул. — Ей нужен муж, к которому она будет относиться с почтением, и который не станет её обижать. И, конечно, она не способна управлять землями графства. Свадьба должна состояться как можно скорее... Я не уверен, что надолго переживу своего сына.

Признание графа расставило всё по своим местам. Его настойчивость, дерзость, догадливость: так случается, когда сильные духом умные люди знают о своей смертельной болезни и одного лишь желают — успеть позаботиться о своих близких. Опомнившийся дон Рикардо состроил скорбную мину.

— Понимаю. Дон Себастьян — лучший выбор. Только, боюсь...

— Я тоже боюсь. Эстрелья, конечно, красива, но красотой женщины вашего друга не удивить.

— Говорят, за него чуть не подрались две знатные дамы. Прямо в приёмной святого суда... — дон Рикардо с трудом удержался от смешка, но его собеседнику было совсем не до смеха.

— Мне придётся пока жить в Сегилье. Дочь одну оставить нельзя — она попадётся в любую ловушку. Тем более, когда к ней слетятся желающие стать графом де Тевора.

— Обвинение в колдовстве, вероятно, подстроено с той же целью. Дон Себастьян подозревает нового графа Гарофу.

— К счастью, её здравого смысла хватило снять особняк и переехать из дома Гарофы, как только её освободили из-под домашнего ареста.

— Может, она не так уж глупа?

— Ей просто не нравится дон Диего. Вам известно что-то ещё о намерениях вашего протеже?

— Я вчера вечером расспросил отца Николаса, инквизитора, с которым служит дон Себастьян. Старый хитрец захихикал, узнав с моих слов, что следователь не станет священником. Сказал, что имя дамы назвать затрудняется, но кабальеро лучше не отговаривать и поскорее женить.

Граф улыбнулся впервые за вечер.

— Может быть, его брак с Эстрельей — и не химера.

— Надеюсь, — дон Рикардо кивнул и почесал лоб. — Только дамы Сегильи...

— Поизобретательнее разбойников? Передайте отцу Николасу, чтоб он не вздумал кому-нибудь из них помогать. И, к делу. Прошу конфиденциально, но прямо сказать дону Себастьяну, что если он попросит руки моей дочери, предложение будет принято ею и мной.

— Прямо?

— Да. Не нужно устраивать глупости на женский манер. Мне с ним самому говорить будет трудно, мы незнакомы.

— А с его отцом?

— Давно не виделись, но уверен — он вмешиваться не станет.

— Хорошо. Прошу со мной отобедать. Завтра я с утра уезжаю, но вечером с доном Себастьяном обязательно поговорю. Этот брак я поначалу полагал невозможным, а теперь считаю благоразумным для обеих сторон.

— Дон Эстебан женился на девице без денег и связей. Его друзья считали, что будущий барон мог заключить брак гораздо выгоднее. Я женился, в интересах семьи, на кузине... Кто из нас оказался более благоразумен?

— Не всегда можно предвидеть...

— Не сомневаюсь, вы сумеете подчеркнуть, насколько возможности гранда Эспании послужить королевству значительнее, чем у следователя инквизиции.

Дон Рикардо важно кивнул и подумал — его нынешний заместитель пусть интригует. На ближайшее время дела Аседо достаточно, чтоб доказать королю — нынешний глава инквизиции полон сил и умеет выбирать исполнителей, а затем ему станет поддержкой дружба с молодым графом Теворой.

11. Разговор с другом

Я очнулся под сенью высокого дерева, рядом с друзьями. Чико подпрыгнул от радости, а сеньора Пепита всплакнула.

— Дорогой наш сеньор Негрито! Вы лежали два дня без движения и еле дышали.

— Мои друзья! Как я вам благодарен!

— Подумать только, в городе есть настоящий колдун!

— Увы! И он враг моего дона Себастьяна! Как же мне предупредить друга?

— Ах... — вздохнула благородная мышь. — Если бы мы могли разговаривать хотя бы с теми из людей, кого любим! Может быть, получится намекнуть?

— Увы... — выразил сомнение Чико. — Даже умнейшие из людей бестолковы. Ничего дурного не хочу сказать о твоём благородном сеньоре, но мне порой кажется — как ни странно, этот инквизитор в колдовство вовсе не верит и не поверит в необыкновенность животных.

— Я должен хотя бы попробовать!

Мои замечательные друзья согласились и проводили меня до ворот святого суда.

В парадную дверь здания инквизиции я вошёл степенным шагом, гордо задрал свой великолепный хвост. Стражники с улыбкой меня пропустили.

— Ты к веселью? Неплохо бы. Дон Себастьян у себя.

Я легко нашёл дорогу в комнату, где мой друг устроил себе кабинет. Поцарапал дверь и мякнул. Знакомый голос тотчас отозвался:

— Ты мой хороший! Помнишь про колбасу? Сейчас велю тебе принести. А я, вот, в бумагах. С утра искупался, и дела в порядок сейчас привожу. Уверен, ты мне не помешаешь, дружище.

Дон Себастьян взял у слуги колбасу и велел плотнее закрыть дверь. Я чуть перекусил, скорее из вежливости, и забрался к нему на колени. Мой друг перелистывал страницы, делал пометки, и порой задумчиво гладил меня, озвучивая свои мысли.

— Дело банды Аседо пора сдать в архив. Всё стоящее по его связям я выписал. Многое натворил этот мерзавец, но лишнего мы о нём не будем писать.

Я мякнул, положив лапы на руку моего друга, не представляя, как донести до него — разбойник, даже мёртвый, опасен, злой колдун сделает оружие из его крови! Но мой добрый дон Себастьян мягко переставил мои лапы обратно.

— Сиди смирно, Негрито! Посмотрим теперь другие дела. Вот, дело доньи Эстрельи.. Представляешь, меня вздумали на ней женить! — он усмехнулся. — Нелепость.

Я согласен! Эта кошка глупа и недостойна моего друга. Пусть достаётся дону Диего. Главное, если колдун узнает о будущей свадьбе, то попробует применить своё оружие. Я этого не хочу. Потёрся лбом о камзол моего инквизитора и стал слушать дальше.

— Её отец зачем-то потворствует дочкиной блажи. Или решил, что я гожусь в управляющие их владений, за титул как жалование? Я вовсе не собираюсь идти в управляющие к богатой жене.

Я муркнул довольно, а мой друг продолжал.

— Наверное, я резковато ответил дону Рикардо. Он мне, конечно, желает добра. Перед отъездом сказал, как важны для королевства земли Теворы... — дон Себастьян помолчал. —

Исключительный человек. Всю жизнь заботится о благе Испании. Его доверие — для меня огромная честь.

Почему моя шерсть стала дыбом, и даже ласковая рука не может пригладить её?

— Негрито, ты что, испугался? Дружок, нам не нужно бояться великого инквизитора. Он мне дорог, почти как отец.

Моя шерсть стала мягкой и шелковистой, едва дон Себастьян упомянул своего родного отца. Голос моего друга зазвучал нежностью и любовью, глаза затуманились — он вспомнил свой дом, далёкий замок Суэда. Потом потрянул головой.

— Я отвлёкся. Не надо бы закрывать дело графини, но её камеристка... Пришла в себя, ничего не помнит и смертельно боится костра. На допросах сама на себя наговаривает, не понимая. Мне приходится рвать протоколы и ругать ни в чём не повинного писаря, совсем запугал бедолагу.

Я поднялся на задние лапы и заглянул другу в глаза. Хотел объяснить — она заколдована, не виновата. Он понял, но имя виновника я был не в силах назвать.

— Что же нам делать, дружок? — инквизитор вздохнул, взял перо и продолжил: — Будет так: «Камеристка Хосефа Родригес в припадке падучей болезни рассыпала мусор, забыла убрать. Горничная увидела, не поняла, испугалась, наплела ерунды, подсказанной женской фантазией». Господи, ну и чушь я пишу! Что ж поделаться... — он покачал головой и добавил: — «Хосефу Родригес, когда лекарь позволит...», обещаю, Негрито, скоро позволит, «...отправить домой, в селенье...» здесь где-то было... да... вот... и в конце: «Дело закрыто».

Колдун всё подстроил и останется безнаказан. Но мой добрый дон Себастьян прав.

— Смотрим дальше, Негрито. На сегодня осталось немного... Тааак... Мне только с пьяницами не хватает возиться: «Мастеровые, напившись в таверне, ругали клир, короля, инквизицию...» — он усмехнулся, водя пером по бумаге: — «Выпороть и отпустить». И записка нужна палачу, чтобы не перестарался. За что, кстати, ругают нашу с тобой инквизицию? — мой друг начал смотреть с лёгкой улыбкой, но вдруг нахмурился: «Ведьмы ни одной не сожгли за несколько месяцев». Вот скоты! Зрелищ им не хватает... Довольно! Последнее дело сейчас, до обеда...

Точнее сказать, было несколько дел. Дон Себастьян переложил пару папок, придвинул к себе поближе одну, а рядом поставил небольшой ящик.

— Бедные женщины. Их сожгли без вины. Остались записи полного бреда и несколько дешёвых вещиц. Перстень, правда, не очень дешёвый, — дон Себастьян взял в руки небольшое кольцо с синим камнем. — Похоже на обручальное. Дворянин вряд ли, а средней руки или даже богатый торговец такое мог подарить. У девушки был жених? В бумагах нет имени, но есть прошения, составленные опытным адвокатом. Ему кто-то платил. Жаль, что не помогло.

Я никогда не видел своего друга таким задумчивым и печальным. Он снова погладил меня и продолжал:

— Нужно узнать имя этого человека. Но если он пытался спасти невесту от ложного обвинения, этого недостаточно, чтобы подозревать несчастного в убийстве следователя-обвинителя.

Я подтвердил всем своим видом и мявкнул — конечно!

Дон Себастьян отодвинул папку и ящик, взял меня на руки и с улыбкой сказал:

— Что, малыш? У вас, котов, проще — полюбил, позабыл и ушёл. А мужчина должен

заботиться о своей кошке, потом — о котятках. Такая уж наша судьба.

Мурр... Я никогда об этом не думал, я ведь совсем молодой ещё кот. Сил не набрался для драки за кошку, хотя симпатии уже есть. Что-то в моём мяуканье показалось дону Себастьяну очень забавным. Он чуть подбросил меня, засмеялся, шепнул мне прямо в ухо:

— Священник из меня не получится, вернусь на военную службу. Однажды, наверное, женюсь, но признаюсь только тебе — не довелось встретить женщину, с которой хотел бы не только делить постель.

Друг помолчал, погладил меня, усмехнулся:

— Придётся подумать ещё, хватит ли жалованья её содержать... Мне пора. Приходи когда хочешь. Вот дерево у окна. Ветка тонкая, но тебе хватит. Почему-то мне кажется — ты меня понимаешь. Смешно. У меня просто нет здесь близких людей.

12. Нападение

Я вернулся к своим необыкновенным друзьям. Вздохнул и признался — не удалось предупредить моего инквизитора. Развеять грусть мне помогли, представив чету говорящих чаек, недавно прилетевших в нашу Сегилью и решивших в ней обосноваться. Сеньор Гавьото и сеньора Гавьота рассыпались в похвалах городу и остались нашим обществом очень довольны. Они рассказали, что им очень нравятся приходящие в Сегилью корабли, а сейчас с юга плывёт целая флотилия сразу. Почему-то болтовня о кораблях с юга очень обеспокоила сеньору Карлиту. Она стала подробнее выznавать об их оснастке, форме, о том, как одеты матросы. С каждым ответом сеньора Гавьото ворона становилась всё озабоченнее.

— Друзья, эти корабли уже завтра доплывут до Сегильи. И что-то я сомневаюсь, будто они простые купцы.

Мы все взволновались, а Чико приподнял и второе ухо.

— Мовры? Пираты?

Мне быстренько объяснили, что на город порой нападали, правда, последний раз лет двадцать назад. С тех пор, конечно, крепость содержат в порядке, но никто о войне и не думает. Я спросил:

— Как же предместье, за стенами?

— Даже представить боюсь! — ответила мне сеньора Пепита. — Оно как ловушка. Всего лет десять назад бедняки здесь осмелились построить первые домики.

— Что нам делать? — я до смерти перепугался. — Может быть, дон Бенито подскажет?

Весь вечер мы пытались придумать, как предупредить наших друзей и хозяев. Дон Бенито не поверил вороне, пересказывающей слова каких-то там чаек. Его куда больше заботил отъезд герцогини в поместье.

— Что там затеет эта колдунья? Ещё её провожает коварный кузен! Оставьте, наконец, ваши глупости!

Я подумал — вдруг корабли приплывут раньше? Чико со мной согласился, сказав, что начать атаку пираты смогут и ночью. Мы с ним решили дежурить в башне, откуда хорошо видна гавань. Сеньора Карлита наш план одобрила и заявила:

— Увидите что-нибудь подозрительное — нужно поднять шум непременно. Вороны, даже обычные, меня прекрасно поймут. Ты, Чико, залаешь и разбудишь собак. Кошки здесь бесполезны, но сеньору Негрито следует разбудить инквизитора. Мои друзья о нём очень высокого мнения, говорят, он разбирается в военных делах, а оборонять крепости всех мужчин в семье де Суэда обучают с самого детства.

— Ваши друзья?

— Да. Я в дружбе с одной здешней семьёй. Мой друг служит в городском гарнизоне, а жена его — одна из немногих, кто знает о необыкновенных животных.

— Подумать только!

— Вчера она уехала в селение по соседству, навестить матушку, как вернётся, я вас познакомлю.

Поздно вечером мы пробрались на башню, откуда было отлично видно море, предместье и большую гору, из-за которой должны были появиться корабли с юга. Караульные спали. Я удивился, что в гавани меньше кораблей, чем обычно, и это стало ещё

одним поводом для тревоги сеньоры Карлиты.

— Нет военных судов... Почему-то несколько дней назад они отплыли из гавани.

— Может быть, на юг, навстречу тем кораблям?

— Хорошо бы, но сеньор Гавьото сказал, что на север.

Тревога не отпускала. Ночь была тёмной, но я видел отлично. Кораблей не было заметно, но задолго ещё до рассвета я разглядел движение возле горы. Мы стали присматриваться и прислушиваться. Плеск волн заглушил бы звук вёсел, если бы мы нарочно не старались понять, что происходит. Гору огибали несколько больших лодок. Они причалили рядом с предместьем, с них начали высаживаться люди и осторожно идти к боковым воротам.

— Пора! — закричала сеньора Карлита. — Если люди идут к тем воротам, им, значит, откроют!

— Измена! — Чико залаял. — Негрито, беги! Я — к тем воротам, предупредить караул.

— Сеньора Карлита, умоляю, разбудите моих хозяек!

— Сейчас мои подруги-вороны поднимут шум, а я — прямо к ним. Мой муж клюнет колокол.

Больше не было времени объясняться. Я помчался вперёд, благо здание инквизиции было совсем рядом с башней. Чико гавкнул в ухо спящего стражника и побежал в сторону дальних ворот, изо всех сил заливаясь лаем.

Вот стена. Караульный мне улыбнулся. Вот — знакомое дерево. В окне — щель, как раз для меня. Я проскользнул в комнату и с громким мяуканьем бросился в альков, где стояла кровать.

Мой друг почти сразу проснулся, я даже не успел запрыгнуть на одеяло.

— Негрито? Ты что? — Дон Себастьян прислушался. — Карканье, лай... — он вскочил, быстро обулся, схватил шпагу, пистолет и побежал вниз, на ходу натягивая камзол.

Дежурные стражники в инквизиции не спали и тоже прислушивались. Оба обернулись к дону Себастьяну, ожидая распоряжений, а он быстро сказал:

— Животные волнуются неспроста. Может быть, ложная тревога, но нужно проверить. Вы — на коня и со мной, вы — разбудите других и отправьте к главным воротам.

Я выскочил на улицу раньше. Ждал, пока инквизитор вскочил на коня, и помчался в сторону, откуда среди лая собак я различал голос Чико. Не знаю, поскакал он в ту же сторону, потому что понял мою подсказку, или считал малые ворота особенно уязвимыми, но и встреченному ночному дозору он приказал направляться туда же.

Я отстал, но дон Себастьян и стражник инквизиции успели, когда через открытые малые ворота начали проходить вооружённые люди. Рядом лежали убитые стражники крепости. Из окон соседних домов стали выглядывать разбуженные лаем и карканьем горожане. Мой друг направил коня к воротам, прострелил голову одному из врагов и воспользовался дымом и замешательством, чтобы захлопнуть массивную дверь. Наш стражник набросил засов, пока инквизитор отразил удар первого из опомнившихся врагов. К счастью, враги рассчитывали на тишину, наготове держали только ножи и боялись в темноте из пистолета попасть по своим. В крепость проникли не меньше десятка, двое против них бы не справились, но тут подоспел дозор, а из домов стали выбегать люди, вооружённые чем попало. Дон Себастьян громовым голосом приказал:

— Брать живыми! — потом первому подбежавшему горожанину: — В Сегилье измена. Взять под охрану колодцы! Бегите к ближайшему и передайте другим, — к стражникам: —

Вы — к главным воротам, вы — поднять гарнизон. Мой приказ — все караулы усилить, все выходы перекрыть, поставить караулы к стокам для нечистот. Особо усилить караулы у пороховых складов! И разбудите донна Бернардо!

Оставшихся в живых негодяев скрутили и повели к казарме, где был размещён гарнизон, а дон Себастьян, крикнув:

— Остатки отряда, проникшего в крепость, сейчас ловить по предместью нет смысла... — бегом поднялся на башню.

Я — за ним. Моё кошачье сердце забилося от страха — что будет с предместьем, вернее, с сеньорой Фелисией и Инес? Почему я им могу только мяукать? Одна надежда — на сеньору Карлиту...

Мы поднялись и увидели плывущие к пристани корабли. Ночь почти скрыла их, сонные караульные могли не заметить, но теперь обольщаться покоем мы не могли. Моему инквизитору одного взгляда хватило. Он крикнул вниз:

— Колокола! Людей из предместья срочно звать в крепость! Когда начнут подходить — открыть ворота, пускать без телег, больших тюков, животных, которых не поднять на руках!

Я успел разглядеть огни в той стороне, где наш домик, и понадеялся — мои хозяйки проснулись, бегут... Маленький колокол храма в предместье зазвонил — глухо, слабо. Я понял — стараниями супруга сеньоры Карлиты. Люди у ворот перепугались, застыли, в их глазах вспыхнул ужас. Только окрик моего друга смог их заставить очнуться, но для предместья этот звон стал сигналом беды. До моих ушей донеслись крики, я увидел, как зажигаются факелы, и не заметил, что мой друг оставил меня одного. Он ускакал, а я тихонько спустился, жался к стене, но слишком боялся за своих славных хозяек. Пошёл побыстрее. Потом побежал. Потеряв осторожность, осмелился выбежать на середину дороги. Быстрее, быстрее! Не углядел, как рядом оказалась толпа. Не успел увернуться. Почувствовал боль.

Темнота.

13. Люди предместья

Дон Себастьян примчался к центральным воротам, ожидая увидеть здесь коменданта. Спешился и заметил перепуганного капитана — заместителя дона Бернардо. Молодой кабальеро, занявший должность по протекции герцога, кажется, по родству, был бледен и сказал, заикаясь:

— Дон Бернардо убит!

— Как? Где?

— Дома, в своём кабинете.

— Проклятие! Измена глубже, чем даже я мог представить! Что стоите? Наверх, к пушкам! Сейчас к обоим воротам побегут люди предместья. Нужно опустить главный мост, а малый опущен. Канониры пусть нацелятся на причал и прикроют толпу. Стражники должны отгонять людей от ворот со стороны города во избежание давки. Паникёров на месте пристреливать.

— Как опустить мост? Пираты ворвутся вместе с толпой!

— Я сказал: канониры пусть нацелятся на причал! Должны успеть! Мы не можем оставить людей на растерзание моврам! — не слушая возражений, дон Себастьян сам приказал: — Мост опустить для людей из предместья! Капитан, на башню, за мной!

Молодой человек последовал за решительным инквизитором, втайне радуясь, что кто-то способен сейчас отдавать приказы и, наверное, знает, что делать.

Канониры все были на месте. Сосредоточены и смотрели на подплывающие корабли. Старик лейтенант, вытянувшись перед доном Себастьяном, доложил:

— Пушки пристрелены. Дон Бернардо всегда требовал содержать артиллерию в полном порядке.

— Светлая память дону Бернардо. Сейчас главное — прикрыть беглецов из предместья. Не дайте пиратам причалить. Хватит дальности до кораблей?

— Пока нет.

— В Сегилье измена. Посмотрим, как близко подплывут корабли, и узнаем, известно ли пиратам о дальности наших пушек.

Подошёл другой канонир:

— Что мы точно знаем — мовры сначала начнут грабить купеческие суда, бросившие якорь в нашей гавани. Там осталось мало людей, большинство матросов на берегу. Оставшиеся обречены, но нам это даст передышку.

— И если пираты рассчитывают на измену, то у них есть причина промедлить. Может, они ещё не догадались о неудаче отряда, пытавшегося проникнуть в крепость.

Не дожидаясь начала действий пиратов, дон Себастьян спустился, потребовал показать пленных и найти переводчика. Из пяти человек выбрал похрабрее на вид, может быть, главаря. Этот вряд ли что скажет. Быстро приставил шпагу к груди негодяя и спросил:

— Каков был ваш план?

— Собака, эспанское мясо, я... — он умолк, когда быстрым движением инквизитор пронзил его сердце, и не позволяя другим пленным опомниться, приставил к следующему окровавленное остриё.

Второй пленный стал клясться, что ничего он не знает, и миг спустя упал рядом с

первым.

В глазах у оставшихся дон Себастьян увидел страх, которого добивался, и у третьего спросил поточнее:

— Вы должны были снять караулы у главных ворот, захватить пушки?

— Да, господин! Нам открыли вторые ворота, охранники были уже убиты. Мы собирались подойти к главным, рассчитывали внезапно напасть. Сейчас новолуние, корабли подошли бы почти незаметно... Мы думали взять город очень легко.

— Что ещё знаешь?

— Клянусь, ничего!

— Довольно пока! Этого — в каземат, тех двух — повесить.

Оставшиеся пленные упали на колени и стали умолять о пощаде, крича, что знают много о кораблях и о пушках. Дон Себастьян пожал плечами.

— Отправьте их в инквизицию. Я послушаю позже, есть ли у них, чем оплатить свои жалкие жизни. Люди предместья подходят.

Молодой де Суэда хмуро посмотрел на ворота и потребовал стражников отчитаться о выполнении своих приказов по усилению караулов. Заместитель дона Бернардо, капитан Альфонсо Альварес, теперь должный исполнять обязанности коменданта, молча встал рядом.

Инес проснулась среди ночи от громкого карканья крупной вороны прямо перед окном. Выглянула наружу. Птица смолкла и чёрными бусинками своих глаз посмотрела на девушку очень внимательно. Потом каркнула, будто хотела что-то сказать. У Инес сжалось сердце. Она выбежала из домика и проследила взглядом за птицей, пересевшей на стену, ближнюю к морю. Вскочив на небольшой чурбачок, девушка посмотрела на море, прислушалась. Луны не было. Плеск волн заглушал звуки, но тревога не отпускала. Ворона опять каркнула, пролетела чуть вперёд и обратно. Инес стала смотреть в том направлении, и когда глаза её привыкли к темноте, разглядела большие лодки на берегу. Обычные рыбаки такими лодками не пользовались, и Инес помнила хорошо — только вчера, когда они с бабушкой относили рыбацкие сети, этих лодок здесь точно не было!

Ворона сделала ещё один круг, потом туда и сюда в сторону малых ворот. Дальше медлить было нельзя. Девушка побежала в дом, разбудила бабушку, быстро оделась, на ходу рассказывая, что она видела. Сеньора Фелисия поняла с полуслова.

— Пираты! Мы здесь в ловушке! Глупая я, думала, это в прошлом давно...

— Скорее, скорее! — Инес сунула в пояс все деньги, немного еды — в маленькую котомку, схватила бабушку за руку, и они вышли за ворота. — Надо будить соседей. Негрито сегодня не дома, надеюсь, он в крепости.

Они быстро шли к главным воротам Сегильи и по дороге стучали в каждую калитку. Как раз из города донёсся лай собак, карканье, потом тихо звякнул колокол. Люди предместья проснулись, заметались, на дороге собиралась толпа. Кто-то крикнул, что пираты уже в предместье, страх охватывал бедняков, спешивших к крепости — единственному спасению. Другие пытались взять с собой вещи, но скоро несколько стражников прибежали и объявили приказ — времени мало, ни тюков, ни выючных животных в город не пустят. Всем спасать жизнь и идти налегке!

Быстрее, быстрее! Люди бежали, полные страха. Сеньора Фелисия, задыхаясь, остановилась и привалилась к стене.

— Беги без меня!

— Бабушка, нет, никогда, лучше погибну!

— Беги!

К счастью, соседский парень, рослый мастеровой, подхватил сеньору Фелисию под руку и потащил за собой. Инес тянула бабушку с другой стороны, и так они вместе смогли добежать до ворот в числе первых. Толпа сзади них напирала. Пираты, решив, что в суматохе сумеют занять ворота, высадились на берег, но поверх голов беглецов грохнули пушки. Люди побежали быстрее. Тех, кто упал — затоптали, мало кто сумел встать или был поднят. Внутри крепости стражники кулаками и алебардами гнали дальше, вглубь улиц, не позволяя возникнуть здесь давке. Кричали: «На площадь!». Инес с еле дышавшей бабушкой сумели вскочить на ступени ближайшего дома, им открыли и позволили сесть у порога. Девушка поблагодарила мастерового, услышав в ответ: «Ради вас, сеньорита...», и через силу смогла улыбнуться, а парень побежал дальше, догоняя родню.

Какой-то здоровенный детина, почти обезумев, бросился к людям, державшим колесо опущенного моста, стал требовать повернуть его, закрыть ворота, сумел выхватить у стражника алебарду... Люди ускорили бег, сзади, услышав, что ворота закроют, напирали сильнее. Вот-вот началась было паника, и вдруг раздался выстрел. Детина упал, остальные стихли, очнулись и в предрассветных лучах увидели пистолет, дымящийся в руке инквизитора. Все пошло тише, боязливо оглядываясь на человека, в отчаянную минуту посмеявшегося взять на себя спасение жизни и приговор к смерти. Инес тоже смотрела, не в силах отвести глаз, пришла, как и все, в ужас, но страх, что Сегилья падёт, от неё отступил.

Дон Себастьян ушёл, а сеньора Фелисия, придя в себя, рассказала:

— Здесь рядом монастырь святой Клары. Я знаю мать Анхелику, она даст приют нам и, наверное, многим.

Женщины побрели по узкой улице старой крепости. По дороге Инес ахнула, услышав мяуканье и найдя у стены едва дышащего своего котика.

— Негрито, малыш! Тебя потоптали? Держись, мой хороший! Бабушка, мы все теперь вместе!

Уставшие, пережившие рядом тень смерти, покрытые пылью, две женщины шли, улыбаясь. Инес гладила своего котика, а он в её руках оживал и мурлыкал.

— Бабушка, его не сильно побили, скоро будет здоров, наш хороший!

В монастыре уже всю принимаем беглецов из предместья. Среди них было множество раненых в давке, перепуганных, потерявших родню. Монахини сбились с ног, пытаясь как-то пристроить неожиданно появившихся в святой обители несчастных людей. Инес с бабушкой присели с краю на лавке, потом девушка встала, подошла к одной из монахинь и помогла ей нести большой кувшин с водой. Оказалось, она опомнилась первой. Другие беглецы, подавленные произошедшим, ждали решения своей судьбы, жавшись в занятых как попало углах, многие плакали. Одна из монахинь постарше быстро дала Инес указание напоить беглецов, потом спросила — многих ли девушка знает, грамотна ли, и велела ей составлять списки.

14. Комендант

Большую часть людей из предместья успели спасти. На дороге к воротам остались погибшие в давке, а на дороге, огибавшей Сегилью, — те, кто пытался спасти свой скарб на телегах. Пираты, пока близко к крепости не подплывая, из пушек ударили по дороге и её перекрыли, а потом их десант добил переживших обстрел и замкнул кольцо осады вокруг Сегильи.

Сеньор де Суэда первым делом занялся колодцами и оценил наличие пороха.

Оказались отравленными два колодца, ближайšie к малым воротам. Стало понятно — рассчитывая на быстрый захват города, изменники не собирались портить воду и уничтожать припасы, и только когда план провалился, отравили то, что успели. Упорные твари. Поймать их пока что не удалось, но можно было надеяться — их немного. К каждому из оставшихся колодцев дон Себастьян приставил караулы из четырёх человек, велел строго — при смене уходящие караульные обязаны выпить по кружке воды из охраняемого колодца.

С порохом было похоже. Один из складов затоплен в ночь нападения. Открыта вода в отдалении. Изменник знает расположение скрытых каналов, но связей среди стражников, карауливших порох, у него скорей всего нет.

Как убит дон Бернардо? Он лично пустил в дом кого-то, не поставив в известность слугу. Или слуга — сообщник изменников? Пока инквизитор велел арестовать подозреваемого, но не был уверен в его вине.

Другие припасы. Нужно составить списки беглецов из предместья и обеспечить несчастных едой и ночлегом. Среди этих людей есть крепкие парни — их набрать в помощь стражникам, и они наверняка верны городу.

Может ли предатель связаться с пиратами прямо во время осады? Известные голубятни взять под контроль, хотя всех птиц невозможно, конечно.

Оружие, пушки, личный состав канониров... Что знают пираты? Не взяв город сразу, уйдут или продолжат осаду? Когда ждать подмоги? Почему военные корабли ушли все из гавани?

Много времени на размышления у инквизитора не было. Ему доложили: у ворот города появились трое парламентёров и хотят говорить с комендантом. Капитан Альварес с сомнением предложил отказаться от переговоров, но дон Себастьян возразил:

— Пиратам нельзя ни на грош верить, но стоит послушать, чем они будут грозить. Не забывайте, в Сегилье измена, и случайная проговорка парламентёров может помочь разоблачить предателей.

— Как мы их встретим?

— Спустим мост. Их возьмут на прицел аркебузиры. Я пойду с вами. Мы, не скрывая, будем вооружены.

Мост опустили. Первым прошёл капитан, инквизитор за ним — на полшага.

Главный из группы парламентёров, высокий пират, встретил пришедших из города откровенной насмешкой.

— Ваш разнеженный без войны город не может противостоять нашим доблестным воинам! Так и быть, мы позволим уйти вашей знати, из любезности к вашему королю.

Капитан вскинул голову и надменно ответил:

— Крепость вы не смогли взять даже изменой!

— Тем хуже для вас. Осада убьёт вас мучительней быстрого штурма. У нас достаточно времени, а ваши военные корабли далеко, войска — тоже.

— Верить пиратам — верная смерть.

— Не доверяешь, эспанское мясо? Знать передаст выкуп к причалу. Наши корабли отойдут, и у ваших людей будет час уйти из Сегильи по этой дороге.

— Прямо в засаду, — негромко отметил дон Себастьян.

— Кто ты, собака?

— На лай я не отвечаю.

— Я говорю с комендантом!

— Я комендант, — инквизитор шагнул вперёд, заслонив капитана, не давая моврам заметить, как тот поражён.

Пират нахмурился, взглядом впившись в решительное лицо необычайно красивого человека, догадываясь — это не тот, кого он ждал видеть в должности коменданта. Забыв про насмешку, хрипло спросил:

— Твоё имя?

— Себастьян де Суэда. Своё можешь не называть. Запомни одно — знать Сегильи пиратам не верит и не бросит простых подданных короля, как мы не бросили людей из предместья.

— Тысяча лишних ртов! Превосходно!

— Есть ещё что сказать?

— Скажут пушки.

— Ответим. Сойдите с моста.

Переговоры закончились. Парламентёры, выругавшись, ушли. Мост был поднят, а капитану дон Себастьян пояснил:

— Они, видимо, ожидали смерти дона Бернардо и знали, кто будет преемником. Я неожиданность. Пусть сомневаются в сведениях, полученных от своего соглядатая.

— Дон Себастьян, эта должность ваша по праву. Я лишь тень.

Спорить не было времени. Пираты могли пойти на штурм в любую минуту, тем более, если им донесли о недостатках ремонта крепостных башен.

Котлы со смолой, катапульты, смотр гарнизона, набор ополченцев. Проверка караулов, оружия, пороха. И неотступная мысль — кому можно здесь доверять? Необходимы помощники, нужно помнить о собственной смерти, выбрать людей, способных защитить город, если погибнет и второй комендант. Дон Альфонсо едва ли изменник, но он неспособен. Других офицеров инквизитор знал недостаточно. Первые дни придётся всё брать на себя. И не ходить без охраны.

Ночью, совершенно вымотанный, дон Себастьян добрался до здания инквизиции. К счастью, хоть для одной задачи ему удалось найти надёжного человека — старого архитектора, прекрасно знающего крепость и способного разобраться в документах на ремонт башен. Где-то в них есть уязвимость, которую нужно срочно исправить. А сейчас — спать, сколько получится. Пираты могут пойти на штурм ночью, хотя если изменник решил затаиться — едва ли.

Отдохнуть помешали. В приёмной следователя ждал губернатор. Старик стоял, был мрачен и начал речь с вызовом:

— Инквизиция занимается изменой, не так ли? И что? Упустили, гоняясь за простыми

грабителями?

— Могу напомнить дела, где я считал нужным искать измену, и ваше к ним отношение. Дон Армандо, сейчас препираться не время. Вам не хуже меня известно, что многие измены раскрываются случайно или слишком поздно, и отнюдь не по вине следствия.

— Ладно, я пришёл не за этим. Мой племянник должен исполнять обязанности коменданта. Я пристроил избалованного молокососа к дону Бернардо в надежде, что из юнца выйдет хоть какой-нибудь толк. Сегодня нашёл его, думал помочь и узнал: вы самовольно назвали себя комендантом и распоряжаетесь гарнизоном, крепостью, да что там — всем городом!

— Сядьте, пожалуйста, ваша светлость, — не дожидаясь герцога, дон Себастьян опустился в первое попавшееся кресло.

Старик хотел сказать что-то язвительное, но, глянув в лицо собеседника, передумал и тоже сел.

— Я искал вас, но вы петляли, как заяц!

— Я не уклонялся от встречи, — инквизитор потёр пальцами лоб и глаза.

— Знаю, чёрт вас побери, любитель лезть не в своё дело.

— Вряд ли защита Сегильи — не своё дело для любого из её жителей.

— Я лучше вас знаю возможности крепости. Главное — почему ушли военные корабли.

А, очнулись?

Несмотря на усталость, дон Себастьян оторвал руки от лица, затуманившийся было взгляд его стал внимательным и острым. Герцог продолжил:

— Война Ритании ещё не объявлена, но идёт к тому.

— Значит, и войска перебросят на север...

— Да. Неизвестно, как долго Сегилье ждать помощи. Мовры могут вести осаду гораздо дольше, чем город способен выдержать.

— И они это знают...

— Очевидно. Могут быть даже в сговоре с нашим главным врагом. Конечно, король скоро узнает об осаде Сегильи, но битва с Ританией потребует всех сил флота и армии.

Дон Себастьян вытянул вперёд по столу руки, сжатые в кулаки, а герцог рассуждал дальше:

— Теперь понимаете, что большинство ваших мер не имеет смысла? К счастью, удалось предотвратить быстрый захват города. Единственное, что можно сделать — вывести из осады людей.

— Мовры предлагали такую сделку. Неужели вы бы согласились?

— А вы взяли на себя наглость её отвергнуть. Нет, я вас не виню — эти мерзавцы наверняка попытались бы обмануть. Вы догадались, как именно. Но вывести людей можно той же дорогой иначе.

— Как?

— Прорыв, когда мовры будут его ждать меньше всего. В крепости достаточно ручной артиллерии: аркебузы, пищали. Засады не будет. В темноте с кораблей не посмеют палить — слишком велик риск положить своих больше, чем уходящих из Сегильи. Да они и не будут особо стараться преследовать уходящих, рассчитывая на куда более богатую добычу в городе. Уверен, вы организуете эту операцию с блеском.

— Чушь, так и десятой части людей не вывести.

— Если мовры возьмут Сегилью, а вы не обольщайтесь мыслью её удержать, и десятой

части людей не останется.

— Чушь и то, что не станут преследовать. Пираты отлично поймут, что при прорыве будут спасать знатных женщин и драгоценности.

— Согласен, это слабое место моего плана. Но внезапность, хорошие кони, сильный огонь арьергарда... Подумайте хорошенько, что ещё предпринять для спасения дам.

— Нет.

— Что значит — нет?

— Дон Армандо, вы не хуже меня понимаете, что на прорыв придётся бросить весь гарнизон. Я не оставлю Сегилью без защиты.

— Вы устали. С утра подумайте лучше.

— Нет. Ваша светлость, я понимаю ваше желание спасти супругу...

— Герцогиня два дня назад уехала в наше поместье. Ей осада не угрожает. А вот вашей невесте...

— У меня нет невесты. И город не сдам.

— Подумайте!

— Мне о многом придётся подумать, о вашем плане — не стану, — глаза молодого человека на миг сверкнули, но он тут же прикрыл их, почувствовав боль от света свечи.

— Вот как? Не забывайте, вы самозванец! Я губернатор, и добьюсь, чтобы ваших приказов не исполняли.

— Вот как? — дон Себастьян, собрав силы, встал и опёрся руками о стол. — Тогда я вас арестую как следователь инквизиции.

Губернатор опешил:

— Опять?!

— В Сегилье измена. Отъезд семьи накануне осады — достаточный повод для подозрений, — ничего более правдоподобного дон Себастьян был придумать не в состоянии.

— Вы обезумели!

— Быть может, но город не сдам. Стража!

Поняв, что молодой де Суэда не отступится от своих слов, а стража — и инквизиции, и городская — в военное время будет неукоснительно исполнять его приказы, дон Армандо даже без злости отметил:

— Вам, дон Себастьян, в вашей жизни одно не грозит — умереть своей смертью, — и позволил себя увести.

15. Начало осады

Ранним утром дон Себастьян вновь исполнял обязанности коменданта. Увидев, что враги пока не готовятся к штурму, задумался о причине. Может быть, ждут новой попытки изменников снять караулы? Или подкоп? Или в стенах заложены мины? Возможно, конечно, у них провианта довольно, и мовры готовы к долгой осаде. Ждут подкрепления? Хватит гадать! Караулы усилены. Теперь — проверять стены. Следовательно, с утра обойдя крепость и дав понять — за небрежность спуска не будет, встретился с архитектором.

— Сеньор Маттео, вы нашли уязвимость?

— Да, — старик на чертеже показал: — Под этой башней земля мягче, её дополнительно укрепляли, но со временем укрепления обветшали, их и должны были отремонтировать по требованию дона Бернардо.

— Осмотрим сейчас.

Осмотр привёл к ошеломительным результатам. Под стеной на плане обозначен был старый подвал, но он при ремонте был заложен со стороны крепости. Выяснилось, что стена скреплена слабым раствором, и оказалось возможно достаточно быстро вытащить несколько камней. По приказу самозваного коменданта стражники разобрали участок стены и застыли, увидев внутри несколько бочек. Порох! План изменников разработан с учётом пары неудач, а, может, взорвать башню должны были уничтоженные лазутчики.

Разумеется, комендант приказал установить в подвале и рядом усиленный караул, а архитектору велел изучить возможности подкопа со стороны моря.

Канониры и минёры тщательно осмотрели порох и объявили: он отличается от того, что поставляли для нужд крепости, и в лучшую сторону. Значит, нужно проверить склады сегильских купцов, заодно это повод оценить запас продовольствия.

Первым делом дон Себастьян вызвал в допросную инквизиции подрядчиков по ремонту крепостных стен. Они много кричали, сваливали друг на друга и на губернатора вину за срыв срока и полный беспорядок во время работ. Без сомнений, у изменников была возможность и проникнуть в нужную башню под предлогом строительства, обмануть караулы, и даже запутать дона Бернардо. Спустя два часа инквизитор резко прервал допрос:

— Писарь и секретарь инквизиции закончат снимать показания. Одно ясно — среди вас или вор, позволивший изменнику заминировать башню, или прямой изменник. Все ответят: кто за халатность, кто за измену.

Едва подрядчики услышали спокойное обвинение, высказанное негромким, но уверенным голосом, земля поплыла под их ногами. Бесстрастное лицо инквизитора перепугало их больше, чем будь оно гневным. В глазах молодого следователя увидели они свою смерть. Новый взрыв клятв, оправданий, мольбы дон Себастьян быстро остановил:

— Говорить всем по очереди. Менго, — он повернул голову к писарю, — запиши с их слов фамилии поставщиков и виды поставок, затем секретарь вызовет счетоводов и сверит. Начнём с этого.

Писарь поспешно кивнул и склонился к бумагам.

Продовольствие. Запаса для гарнизона хватит едва ли на месяц. Людей из предместья и с купеческих кораблей городу вовсе нечем кормить. Денег у людей мало, а цены на рынке уже поднялись. Есть частные склады богатых торговцев. Сколько и что там? Городской

казначей имел сведения, но примерные. Найденный порох — повод для обыска на складах.

Хирурги, лекарства. Разумней всего устроить госпиталь в монастыре святой Клары, а беглецов из предместья расквартировать в городе, договорившись с дворянами.

Дон Себастьян вернулся в гарнизон и рассказал о срочных делах дону Альфонсо.

У законного коменданта тоже были для него новости.

— Дон Себастьян, я навестил дядю. Вы арестовали его под странным предлогом!

— Да, арестовал. Выискивая измену, порой приходится действовать наугад.

— Что ж, я тоже арестовал несколько человек из должностных лиц и офицеров, чьи семьи покинули город перед осадой.

«Ничего себе! Ну и болван! — еле сдержался сеньор де Суэда. — Нелепая ситуация, хотя я сам стал причиной», вслух же промолвил:

— Назовите их имена и где их разместили.

— На гауптвахте! — кажется, молодой человек был собой очень доволен.

По дороге на гауптвахту инквизитору пришлось ещё раз закусить губу, чтоб не выругаться: он услышал имя молодого капитана, который казался ему довольно толковым, с которым хотел поговорить и присмотреться к нему — Фернандо Энрикес.

Арестованные возмущались, но дон Себастьян их не стал слушать.

— Сеньоры, не отрицаю, что основания для подозрений сомнительны, но измена в осаждённом городе слишком опасна. Прошу отнестись с пониманием. Надеюсь, в ближайшее время я получу новые сведения, а пока арестован даже герцог Медина.

— Вам был нужен предлог арестовать герцога? — присвистнул дон Фернандо Энрикес.

— Избавьте меня от ваших предположений, — дон Себастьян ответил хмуро, даже сурово.

Посерьёзней и капитан.

— Надеюсь, дон Себастьян, мера принята ненадолго. Затем я сочту за честь служить под вашим началом, — вытянулся и коротко, по-военному, поклонился.

Выходя с гауптвахты, инквизитор бросил шедшему за ним дону Альфонсо:

— Впредь прошу предупреждать меня о ваших планах. Прикажите найти хирурга, мы с ним отправимся в монастырь святой Клары. Нужно заранее устроить там госпиталь.

Настоятельница, конечно, согласилась подготовиться к приёму раненых и сразу стала обсуждать с комендантом и хирургом вопросы лекарств.

— Сеньор комендант, аптекари, наверное, нам что-то предоставят, но воспользуются случаем завянуть цены.

— Не хотелось бы угрожать им от имени инквизиции, но в крайнем случае...

— Должна сказать, лекарств для заживления ран у них и взаправду немного — войны не было двадцать лет. А раньше для раненых гораздо больше делали травницы, а не аптекари.

— Скверно, что в Сегилье распугали всех травниц. У нас рядом с замком Суэда спокойно живут, и никакой беды от них нет, только благо.

— Если вы не против, дон Себастьян, сейчас в монастыре оказалась бежавшая из предместья моя старая знакомая, Фелисия Ортис. Она была раньше опытной травницей, а нужные книги я в монастыре сохранила.

Хирург недоверчиво хмыкнул:

— Где взять в городе травы?

— Сеньора Фелисия что-то говорила о старых посадках... Не будем терять времени, её

сразу и спросим.

Старая травница быстро рассказала о заброшенных аптекарских огородах, часть из которых могли не прополоть, и, что уже интереснее, скрытых посадках в губернаторском парке и некоторых садах при домах знатных жителей города. Дон Себастьян узнал хозяйку Негрито, которая вызвала у него симпатию готовностью защищать своего питомца, внимательно её выслушал, поверил и обещал полное содействие.

— Вам понадобятся пропуск и сопровождение. Не думаю, что хозяева богатых домов станут препятствовать сбору трав, но на всякий случай пусть это будет от моего имени.

— Мне ещё внучка поможет, — старушка с гордостью посмотрела на Инес, сидевшую с шитьём на скамейке неподалёку.

Дон Себастьян проследил за её взглядом, заметил, что девушка очень красива, и, как всегда в таких случаях, сразу отвёл глаза, не позволяя себе без необходимости присматриваться к молодым женщинам, особенно привлекательным и выглядящим благородно. Впрочем, он вспомнил:

— Вы говорили, ваш зять...

— Да, моя Инес дочь служившего в полку вашего отца лейтенанта. Она немного знает латынь, её помощь мне очень нужна — я ослабла глазами и не всегда смогу разобрать названия в книгах матери Анхелики.

«Понятно, почему она даже в простой одежде выделяется среди других...», — инквизитор вновь посмотрел на юную сеньориту и слегка поклонился ей как дворянке. Девушка встала и ответила изящным неглубоким поклоном, а потом вернулась к своей работе.

— Здесь, кстати, Менго, писарь из инквизиции. Мать Анхелика, прошу вас предоставить ему перо и бумагу, всё сразу оформим.

Следующий разговор оказался ещё важнее. Приехал ли граф Тевора в это время случайно, или же он искал встречи с новоявленным комендантом, но старый вельможа без промедления подошёл к сеньору де Суэда и, поздоровавшись одним словом, спросил:

— Как в городе с продовольствием?

Дон Себастьян рассказал коротко, будто докладывал. Граф покачал головой.

— Масштабные обыски, даже под благовидным предлогом, тем более, конфискации сделают торговцев вашими врагами.

— Купцы должны понимать последствия сдачи города.

— Не забывайте, мы не знаем изменника. И даже верные люди среди торговцев могут рассчитывать на торговые связи, на выкуп, на тайники. Они согласятся, скрипя зубами, дать продовольствие гарнизону. Могут, под расписку и грабительские проценты, кормить моряков. Но беднота из предместья в их глазах лишь обуза.

— Я часть из бедняков взял в стражу. Часть пока при работе.

— Наверняка недостаточно, да и сегильская беднота вряд ли имеет большие припасы.

— Голодные бунты купцов не страшат?

— Дешевле кормить небольшую охрану.

— Где голод, там эпидемии.

— Если осада затянется.

— Сейчас можно взять продовольствия ненадолго.

— Второго раза не будет. Скорее испортят, чем выдадут.

Проблема была, очевидно, крайне серьёзной. Дон Себастьян нахмурился, стиснул зубы, подумал и произнёс:

— Поговорю с губернатором. Я дон Армандо, правда, арестовал, но, надеюсь, долг для него важнее обиды. Быть может, городская казна выделит средства, или герцог подпишет от имени города обязательство. Конечно, торговцы постараются завысить цену, но я, как инквизитор, смогу повлиять, чтобы они умерили жадность.

— Не уверен, что герцог сочтёт своим долгом при осаде кормить бедняков.

— Попытаюсь. Он, конечно, скажет всё, что обо мне думает, но без разговора не обойтись, выхода нет.

— Есть выход. Я подпишу личное обязательство, если сумеете договориться с торговцами о разумной цене и оформите документы, что припасы пойдут на нужды города при осаде. Тогда я смогу позже добиваться возмещения от короны.

Весь разговор граф почти не менялся в лице, и его голос звучал одинаково ровно. Дон Себастьян был изумлён, благодарен, обещал ускорить расчёты и в ближайшее время собрать всех купцов, торгующих продовольствием. Напоследок прибавил:

— На такое способен только благороднейший человек.

Впервые граф усмехнулся:

— Куда мои земли денутся из Эспании? Торговцы свои капиталы переведут, как только прижмёт, а богатым дворянам прямая выгода — служить государству.

— Не все так считают.

— Не все видят дальше своего носа.

Вскоре граф уехал из монастыря, напоследок заметив:

— Надеюсь, дочь теперь сможет хоть недолго остаться одна. Она очень напугана этой осадой, но, кажется, успокоилась.

Не желая быть неучтивым, дон Себастьян поклонился графине, про себя подумав: «Почему у достойнейшего аристократа такая жалкая дочь?», ему было неловко от её навязчивого внимания.

16. Начало осады глазами кота

Моя пятая жизнь началась на руках моей драгоценной Инес. Я увидел сеньору Фелисию и стал полностью счастлив. Огляделся. Хозяйки мои шли по городской улице и скоро оказались в большом каменном здании с небольшим двориком — в монастыре. Здесь уже получили прибежище несколько растерянных, перепуганных семей, а на тряпье лежали раненые, помятые в давке. Женщины в простых чёрных платьях и белых платках — монахини, суетились, метались, стараясь помочь, тоже были испуганы. Инес меня ласкала недолго. Помогла здесь, принесла там. Потом стала что-то писать, подходила к людям предместья, спрашивала, успокаивала. К пожилой женщине, здесь самой главной, Инес обратилась:

— Мать Анхелика, вот списки. Всего сто двадцать пять человек. Женщины, дети, раненые — я всех записала.

— Благодарю, дочь моя. Почерк хороший... Тебя отец обучал?

— Да, писать, считать, и немного латыни. Бабушка побоялась учить травам.

Настоятельница монастыря вздохнула и подошла к моей старой хозяйке.

— Здравствуйте, сеньора Фелисия! Давно мы не виделись.

— Ох, мать Анхелика, кто бы подумать мог, что встретимся так!

— Я постараюсь скорее узнать о припасах. На монастырских долго не продержимся. Колодец у нас, к счастью, свой.

— Чувствую, и раненых будет много, и больных, и уставших. Может быть, разрешите мне собрать трав по старинке и сделать отвары?

— Если что уцелело из старых посадок... Спрошу коменданта. С началом осады везде караулы, разговор об измене.

— Дон Бернардо — человек разумный. Я слышала, у него нет предубеждения против травниц.

— Вы не знаете, сеньора Фелисия — изменники убили дона Бернардо. Теперь комендант — дон Себастьян де Суэда.

— Господи, как же так?

— Дон Себастьян ночью поднял тревогу и приказал пустить людей из предместья, а теперь всем распоряжается, — мать Анхелика слегка улыбнулась. — Странный достался нам инквизитор — то разбойников ловит, то город спасает.

— Будем надеяться, что спасёт.

Всех как-то пристроили: кого в кельях, кого во дворе. Здоровым мужчинам стражники приказали подойти к площади на отбор ополченцев. Инес и сеньоре Фелисии разрешили разделить каморку с молодой женщиной, о которой мать Анхелика сказала:

— Хосефа здесь на моём попечении по приказу следователя инквизиции, у неё эпилепсия.

— Какое несчастье! Выглядит совершенно здоровой, только тени своей боится.

— Скажу откровенно, сеньора Фелисия, — настоятельница наклонилась прямо к уху моей старшей хозяйки и шепнула: — Эпилепсию дон Себастьян выдумал, чтобы бедняжку не отправлять на костёр. Город болтал, нельзя сжечь графиню, но дыма без огня не бывает, виновата служанка — её и сожгут.

Женщины тихонько поахали, а я вспомнил — камеристка Хосефа Родригес. Была бы

приятной, если бы не настолько пуглива.

Люди были в тревоге. Еды было мало. Моя дорогая Инес попросила соседа-мастерового проводить её на рынок, купила крупы, сушеного винограда, чуть-чуть солонины, ещё что-то, насколько хватило денег. Когда мы вернулись, мне тихонько сказала:

— Сразу всё вздорожало в два раза... Будем есть по чуть-чуть, а ты, Негрито, будь осторожен. При осаде и кошек едят, даже, наверное, котов со свидетельством инквизиции. Если осада затянется, я не знаю, что делать... — она тихо всхлипнула. — Мне очень страшно, Негрито... Только бабушке нельзя показать.

Мастеровой зашёл ещё раз и похвастался: его взяли в стражники. Искал взгляд Инес, а моя дорогая хозяйка, помня, что этот здоровяк спас её бабушку, опускала глаза и старалась быть с ним приветливой. Потом попросила её извинить и, с облегчением вздохнув, побежала исполнять поручение одной из монахинь. Нашу соседку, Хосефу, навестил нестарый мужчина, небогато одетый и очень любезный. Она звала его сеньор Менго и хоть чуть-чуть могла улыбаться. Мужчина старался распрямить сутулую спину и разговаривал с девушкой у колодца, когда в дверь монастыря постучали. Увидев вошедших, Хосефа изменилась в лице, в ужасе побледнела и, не слушая — «Что ты, не бойся», бросилась скорее в свою каморку. Я, взволнован её испугом, осторожно выглянул из своего убежища и несказанно удивился. Как можно бояться моего лучшего друга? Впрочем, я мудрый кот, сообразил: бедняжка не знает, что инквизитор — гроза окрестных разбойников, никогда не обидит ни в чём не повинную женщину, а Хосефу он спас от костра.

Дон Себастьян был так занят, что даже не наклонился погладить меня, только с улыбкой кивнул. Он и пришедший с ним пожилой человек разговаривали с матерью Анхеликой, затем с сеньорой Фелисией, а после мой друг скользнул взглядом по моей драгоценной Инес. Сразу отвернулся к сеньоре Фелисии, её выслушал — вновь посмотрел на Инес, немного внимательнее, без улыбки, кивнул. Она в ответ поклонилась ему, чуть присела, как принято у местных девиц, а он опять отвернулся. Неужели моя Инес ему не понравилась? Не верю, так не бывает, здесь есть загадка!

Люди приходили ещё и ещё. Важный старый сеньор пришёл с доньей Эстрельей, но оставил её на попечении одной из монахинь, а сам долго разговаривал с новым комендантом. Заплаканная перепуганная графиня только издали смела смотреть на мужчин, и потихоньку, глядя на любимого человека, забывала страхи и слёзы. Всего четверть часа, и вдовушка засияла улыбкой, а дон Себастьян ей лишь слегка поклонился, не подходя, так же сдержанно, как поклонился Инес. Мне вдовушку стало жаль, хоть она глуповата, и, конечно, сравниться не может с моей храброй хозяйкой. Я к ней подошёл, а бедняжка графиня, не смея приблизиться к дону Себастьяну, была счастлива коснуться меня. Увы, не догадалась снова оставить монету.

Вскоре отец женщины направился к выходу, обнял дочь, а она прошептала:

— Папа, что с нами будет?

— Посмотрим. Сегилью есть кому защитить.

— Дон Себастьян нас спасёт?

— Будем надеяться, дочка. Поедем домой.

Они ушли. Напоследок графиня посмотрела на моего друга с нежностью и надеждой, а он сделал вид, что не замечает её внимания.

17. Старая башня, припасы

Я решил проведать своих необыкновенных друзей, пока кошек не начали ловить на еду. Увы, сеньора Пепита едва ли смогла выбраться из предместья, но я надеялся — мовры не станут ловить мышей. Сеньора Карлита пожаловалась мне об аресте своего друга и улетела отнести записку его жене. Дон Бенито не пожелал меня слушать — был обижен на новый арест герцога, зато Чико охотно поведал о делах в городе.

— Изменники хотели взорвать обветшавшую башню, но дон Себастьян нашёл их тайник.

— Превосходно!

— Не так всё просто. Под старую башню могут устроить подкоп. Пойдём поближе, посмотрим.

Чико привёл меня к башне. Даже мне, простому чёрному котику, было видно — ей нужен ремонт. Я стал бояться, что на меня упадёт камень, был осторожен и слушал, как мой друг очень серьёзно разговаривал с пожилым человеком благородного вида.

— Сеньор Маттео, что о подкопе?

— Именно здесь его могут сделать. Под крепостью смыкаются два огромнейших валуна, между ними — щебень и грунт. За двадцать лет без войны ров оказался полузасыпан, а домики и сады предместья скроют минёров из вида.

— Контрподкоп?

— Срочно. Но при условии обязательно вывести его за пределы стены и укрепить свод. Непременно привезти сюда, что можно: камни и брёвна на случай, если придётся заделать пролом.

— И артиллерию. Мовры наверняка здесь предпримут атаку, даже если для маскировки начнут с другой стороны. Возможно, решат поджечь спрятанный порох своими пушками.

— Мовры, боюсь, подкоп уже начали.

— Пока мы не начали контрподкоп, на стены поставим чаны с водой. В подвале стражники дежурят круглые сутки. В контрподкопе будут дежурить аркебузиры.

— Советую привести сюда смышлёного пса. Он может заволноваться раньше людей. Помнится, у отца Николаса есть подходящий.

Я обернулся к своему рыжему другу:

— Чико, ведь он о тебе?

— Наверное. Я с людьми держу ухо востро, но не хочу, чтобы в крепость ворвались мовры.

— Пойдём, может, тебя узнает почтенный сеньор архитектор.

Мы подошли, и старик действительно узнал Чико. Обрадовался ему, потрепал за уши, а потом увидел меня и удивился.

— Смотрите-ка, дон Себастьян, Чико пришёл вместе с вашим котом. Где это видано — кошки в дружбе с собаками!

Серьёзность слетела с лица моего друга, он весело рассмеялся:

— Рыжий кот в нашем замке в своих проделках всегда верховодил собаками.

Присев, дон Себастьян меня почесал за ухом, а Чико погладил.

— Ну что, друзья мои, Рим спасли гуси, а Сегилью спасут кот и собака.

Если б я мог, я ему б рассказал о воронах и чайках.

Срочно требовалась бригада строителей. На вопрос, кого из подрядчиков лучше выбрать, сеньор Маттео махнул лишь рукой:

— Все одинаково воры.

— Все сейчас под арестом.

— Мой совет — бросьте жребий.

Лучший способ дон Себастьян не придумал, велел привести арестованных в допросную инквизиции и объявил им:

— Нужна бригада. У меня нет причин подозревать кого-то из вас больше или меньше других. Вас как раз шестеро. Встаньте в ряд. Я подброшу игральную кость. Кому выпадет — займётся срочным ремонтом башни, детали на месте. При хорошей работе я закрою глаза на воровство, если не было прямой измены.

Мастера все, как замороженные, следили за кубиком, решавшим судьбу. Победитель был счастлив и стал заверять инквизитора в своей готовности, преданности и благодарности. Тот остановил его жестом руки, приказал остальных продолжить держать под арестом, а подрядчику, которому повезло, сеньору Рамону Табере, велел через час привести своих людей с инструментом к обветшавшей башне, и добавил: кроме строителей, потребуются землекопы.

Штурм начался после полудня, когда в крепости его в этот день уже и не ожидали, хотя были всегда наготове. Пираты напали стремительно. Корабли маневрировали и обстреливали крепость, а мовры бежали в атаку, волокли катапульты, пушки, стенобойные орудия, лестницы. Защитники крепости приготовили достойный ответ и действовали слаженно. Изменники, того не желая, оказали крепости большую услугу: пороха стало достаточно, и канонирам удалось нанести урон кораблям. Стены Сегильи выдерживали удар артиллерии, а катапульты успешно отгоняли людей. Но комендант подозревал — главный удар придётся на башню, и он не ошибся.

Чико почувствовал дрожанье земли и залаял. К несчастью, хорошо укреплённый контрподкоп ещё не был готов. Башня могла обрушиться, и подрядчик в отчаянии приказал завалить начало туннеля и подвал камнями. Дрожащим голосом сеньор Табера стал объяснять коменданту своё решение — оно оказалось единственно верным. Башня осталась цела, а штурм захлебнулся.

18. Торговцы

Сразу после отступления нападавших дон Себастьян собрал совещание. Дона Альфонсо официально исполняющего обязанности коменданта, он вкратце ввёл в курс дела и попросил вопросы задавать позже. В первую очередь, инквизитора интересовали списки людей, которых нужно было кормить, запасы продовольствия в распоряжении гарнизона и оценки наличия продуктов в частных руках. Воды пока было достаточно, но на всякий случай настоящий комендант лично обошёл колодцы и убедился в бдительности караулов. Бедняков из предместья, сколько получится, старались привлечь к работам по защите города. Поимённые списки, конечно, было невозможно составить так скоро, но хотя бы число людей и места, где беглецы нашли приют, стали известны. На сей раз собрались казначей, главный городской счетовод, ведающий налогами чиновник, отец Николас — он занялся храмами, где разместилось немало людей, уважаемый лекарь, хозяин и управляющий рынка. Дон Себастьян пригласил и управляющего портом, который довольно точно знал, сколько в городе сейчас моряков. К огромному удивлению дона Альфонсо, разговор шёл исключительно о снабжении жителей Сегильи едой — ни слова о пушках, стратегии, тактике, доблести, ничего, о чём молодой дворянин грезил мальчишкой. Однако капитан заметил, что сеньор де Суэда, как будто, результатом удовлетворён — он очень внимательно перечитал итоговую бумагу и обвёл сумму, отпустил всех и поднял бесстрастный взгляд на дона Альфонсо.

— Завтра я встречусь с графом Теворой, затем, вместе с ним — с купцами из этого списка. Ваше присутствие, как должностного лица, также необходимо.

— Дон Себастьян, я понимаю, что совершенно неопытен... но неужели я совсем не могу вам помочь?

— Пока не стемнело, я обойду караулы у стоков для нечистот. Пойдёте со мной?

— Вы... издеваетесь?! Это вам не делает чести!

— Хотел бы надеяться, что неприятель так же брезглив.

— Вы серьёзно? — капитан выпучил глаза. — Считаете возможной атаку через эти стоки?!

— Такое бывало, хотя для Сегильи вряд ли, — инквизитор ответил совершенно спокойно, не изменившись в лице, но внимательно наблюдая за собеседником. — Ещё бывало, что стоки перегораживали. Можете себе представить, что станет с городом?

Капитан хотел что-то сказать, но поперхнулся. Потом тряхнул головой и ответил сквозь зубы:

— Я с вами! — глянул с вызовом и обомлел.

Никогда он не думал, что суровый сеньор де Суэда способен улыбаться так приветливо и тепло. С удивлением вспомнил — они одних лет, хотя рядом со следователем инквизиции дон Альфонсо чувствовал себя зелёным юнцом.

Обход занял не так уж много времени, после чего капитан уныло сказал:

— Я сегодня лучше не буду навещать невесту, хотя обещал.

— Я, знаете, тоже воздержусь от визитов.

Оба расхохотались.

Встреча с купцами состоялась на следующее утро, в доме главы гильдии. Граф де

Тевора прибыл, не опоздав ни на минуту. Его уже ждали торговцы и оба коменданта — подлинный и формальный. Дон Себастьян начал разговор учтиво, но строго:

— Неизвестно как долго продлится осада. Неизвестно, кто стал изменником. Вам, сеньоры, наверняка уже доложили, что большинство крупных складов сегодня перед рассветом были осмотрены с собаками, но едва ли смогли сообщить, что рыжий пёс на одном из них учуял порох, не значащийся в документах.

Купцы тоскливо переглянулись, а дон Себастьян поспешил их успокоить:

— Почтеннейшие сеньоры, я не тороплюсь с обвинениями и не сомневаюсь, что во время осады вы поведёте себя, как подобает преданным подданным короля.

Торговцам стало понятно — с них потребуют плату, и они выжидательно смотрели на инквизитора, надеясь на договор в пределах разумного.

— Здесь список необходимого жителям продовольствия. Цены указаны, как до осады. Время, места, куда нужно доставить продукты. Что-то потребуется уточнить. Граф обещал сейчас подписать общие обязательства. Каждая поставка должна будет быть сверена и записана в итоговый реестр, затем в пределах обозначенной суммы — полный расчёт.

Опомнившиеся торговцы снова переглянулись, и от их имени заговорил один из самых уважаемых и богатых.

— Сеньор, я не уверен, что сейчас уместно говорить о тех же ценах, что до осады.

— Я знаю, что на рынке уже тройная цена, но сколько вы сможете продать через рынок? К тому же, не забывайте, если крепость падёт, вы не сохраните ни свой товар, ни свои деньги.

— Вы, дон Себастьян, — позволил себе улыбнуться торговец, — сумели в горожан вселить большую надежду, что город выстоит.

— От вас тоже зависит. А если осада будет скоро снята, вы упустите случай продать товар крупной партией.

— Мы должны взвесить все риски и выгоды.

— Я даю вам на это четверть часа.

— Вы слишком быстры.

— Вы уже упускаете выгоду. Часть товара должна была уйти по дороге в другие города нашей славной Эспании.

— Небольшая задержка поставок...

— Торговцы ближайшего порта своего не упустят.

— Но в цене разница слишком большая!

— Что ж, готов накинуть двадцать процентов. Не больше, торговаться не стану. Вы, уважаемые сеньоры, взвесьте на весах у вас в головах. Если Сегилья падёт — обязательство графа де Тевора лучше золота. Даже если граф погибнет во время осады, наследник документ не сможет оспорить. Для мовров это пустая бумага, её они не будут искать, и её легче сохранить в тайнике. Если выстоит город — помимо денег, получите добрую славу по всему королевству. Если осада затянется — потеряете много. Порча, голодные бунты... Ваша охрана наверняка станет тайно от вас продавать продукты за всё, что смогут отдать горожане. Тем же из вас, кто моё предложение примет, склад, кроме ваших людей, будут охранять стражники инквизиции.

Купец обернулся на остальных членов гильдии. На лицах одних отражалось сомнение, на других же — решимость. Первым ответил человек лет за тридцать, серьёзный, спокойный, одетый просто, но дорого, внешне довольно приятный.

— Я от себя принимаю ваше предложение, дон Себастьян. Товар на моих складах может покрыть примерно пятую часть ваших запросов. Готов обсудить все детали. Гильермо Фуэнтес, к вашим услугам, — хотя торговец был не стар и вроде бы крепок, коменданту показалось — на дне его глаз плещутся отблески тайной болезни.

Последние сомнения были развеяны. Торговцы нестройным хором заговорили о благе Испании, преданности королю и горячей любви к прекрасной Сегилье. Дон Себастьян их не стал слушать и пригласил двух поверенных, а граф одобрительно улыбнулся. Само собой, одобрение графа Теворы от купцов не укрылось, и только глухой бы не различил, как почтительный тон в их словах, обращённых к молодому инквизитору, стал предупредительным, даже льстивым. Они все уверились — сеньор де Суэда и есть тот наследник, который расплатится по обязательству и впоследствии обеспечит им добрую славу. Конечно, если останется жив, а не погибнет, защищая Сегилью.

Поверенные составили каждому из купцов отдельное обязательство, а первый, поклонившись, попросил подписать документы не только капитана Альвареса — коменданта, но и уважаемого сеньора де Суэда.

— Следователь инквизиции едва ли уполномочен определять необходимость поставок для города.

— Сеньор, вам совершенно достаточно написать ваше имя. Не как должностное лицо, а как свидетель.

Возразить было нечего, хотя дон Себастьян догадался, почему купцы так настаивают. Граф и инквизитор внимательно перечитали подписываемые бумаги, а замороченному дону Альфонсу пришлось приказать прочитать — молодой человек готов был черкнуть там, где покажет ему дворянин, упорно торгующийся с купцами. Едва оформив все документы, дон Себастьян отправил на склады стражников инквизиции, бывших уже наготове.

Трое аристократов вышли из дома торговца и вдохнули солёный воздух залитой солнцем Сегильи. Граф быстро откланялся, напоследок пожав руку обоим молодым людям, и дон Альфонсо с улыбкой обернулся к человеку, которого стал считать другом:

— Донья Эстрелья — красавица!

Другу пришлось проглотить несколько крепких ругательств.

19. Моряки

Комендант пытался предугадать, что предпримут пираты. Как долго они сами способны вести осаду? Они рассчитывали взять город изменой и, вероятно, не везли с собой много припасов, но в предместье есть свой колодец, а в домах остались продукты и скот. Сколько у пиратов может быть пороха? Дон Себастьян решил опросить моряков, в ночь нападения бывших на берегу, и приказал собрать в комендатуре уцелевших капитанов купеческих судов и всех, когда-либо служивших в военном флоте. На совещание позвал канониров, и заодно дона Альфонсо, стараясь как можно глубже ввести молодого человека в курс дела и присматривать, чтобы тот не предпринял каких-либо шагов по собственной инициативе.

Старший из капитанов первым делом поблагодарил за помощь с продуктами.

— Половина из наших нанимателей отказали нам в помощи даже в счёт жалования, ссылаясь на большие убытки и необходимость кормить свои семьи. Трактирщики успели вытрясти из моряков последние деньги. Ещё пара дней, и в Сегилье прибавилось бы грабителей. Что вам угодно, сеньор де Суэда? Мы готовы ответить на любые вопросы и помочь, чем способны.

— Сеньоры, я — не моряк. Раньше служил на севере, а с моврами и их кораблями не имел дела, и знаю о них понаслышке. Мне нужно понимать, на что ещё способна корабельная артиллерия, какова может быть живая сила противника, их припасы, и могут ли они соорудить осадную башню. Прошу наиболее опытных подняться на стены, самым тщательным образом осмотреть корабли в подзорные трубы, затем вы и канониры крепости сможете составить наиболее подходящий план действий. До сих пор мовры надеялись на изменников и, полагаю, не раскрывали своих подлинных сил. В тюрьме инквизиции сейчас трое из диверсионного отряда, предлагаю вам вместе со мной их допросить.

Старый моряк, с лицом кирпичного цвета, вскочил:

— Допросить? Разорвать их!

Сосед взял его за плечо, и, опустив голову, мужчина ответил на безмолвный вопрос:

— Я оставил своего сына в ту ночь дежурить на корабле. А сам... задержался в борделе...

— Соболезную. Но сегодня моя забота — живые, а не мечь за погибших.

Несколько мгновений все молчали, потом договорились, кто и когда поднимется на башню, и как сведут вместе все наблюдения.

Дон Себастьян воспользовался передышкой и попытался понять, как был убит дон Бернардо. Его вдова почти не могла отвечать на вопросы, срываясь в слёзы. Слуга трясся от страха. Единственное, что удалось установить — вечером полковнику передали записку, наверное, с просьбой о встрече и, скорее всего, убийца её уничтожил. В мирное время следователь опросил бы всех, кто так или иначе был знаком с пожилым комендантом, исследовал бы переписку, но сейчас он смог лишь забрать в инквизицию личный архив покойного.

Доклад моряков был краток и ясен. Они объяснили, что мовры могут вести осаду ещё не меньше месяца, показали, где, с учётом особенностей гавани, корабли способны подойти ближе всего и ударить всей мощью своих пушек, а напоследок старый моряк изложил свои

наблюдения:

— Купеческие корабли они разграбили, но отогнали недалеко и не затопили. Одного из них точно нет. Он стоял на якоре в том месте, где не мог быть затоплен. Вы спрашивали про осадную башню? Как раз из этого корабля, провалиться иначе мне на этом месте, её и сооружают.

Допрос пойманных мовров подтвердил — среди пиратов есть и учёные люди, и лоцманы, прекрасно знакомые с окрестностями Сегильи, значит, осадная башня — дело ближайшего времени. Новый штурм неизбежен.

Необходимо подумать о вылазке. Неприятель пусть знает — Сегилья не сладкий плод, вооружённый шипами, а способна сама огрызаться. Цель, время, кто? Даже с риском погибнуть должен пойти человек, вселивший в людей веру в победу. Поразмыслив, дон Себастьян велел отпустить арестованных доном Альфонсо, вызвал капитана Энрикеса, и ему сразу сказал:

— Я хочу взять вас на вылазку.

— Каков план? — загорелись глаза капитана.

— Сейчас и обсудим.

В первую очередь рассмотрели, есть ли возможность помешать строительству осадной башни. Можно было предположить, где именно она строится, но как к ней незаметно приблизиться и получится ли потом отступить? Затем — есть ли смысл нападать на яркий шатёр, установленный у горы рядом с предместьем. Как идти: через ворота, восстановить контрподкоп или спуститься со стен? Неожиданно дон Альфонсо озвучил дельную мысль:

— А колодцы? Я помню, вы первым делом приказали караулить колодцы!

Дон Фернандо и дон Себастьян улыбнулись, подумав: напрасно считали герцогского племянника совсем пустым щёголем. Пока же решили выяснить, можно ли восстановить контрподкоп.

20. Вылазка

Я встретил Чико на площади у собора. Рыжий пёс был сыт и очень собою горд. Он рассказал, что рано утром нашёл среди бочек с вином бочки с порохом, и сам дон Себастьян его похвалил и накормил.

Мы отправились к старой башне. Там кипела работа. Устроенный во время штурма завал разбирали почти так же быстро, как сотворили. Говорили об укреплении свода, об осторожности, о том, что мовры могут караулить подкоп с другой стороны. Я услышал тихие разговоры о вылазке, и что мой храбрый дон Себастьян настаивал: ему идти обязательно, а долг дона Альфонсо — в ближайшее время изучить всё, что возможно, об обороне. Мой друг говорил:

— Капитан, вы не должны себя недооценивать. Основные вопросы сейчас решены. На ключевые посты назначены опытные и верные люди.

— А обязательства графа Теворы?

— Там ваша подпись, как коменданта, важнее.

Капитан хмыкнул, а дон Себастьян постарался не злиться.

Защитники крепости между собой обсуждали, как им достичь своей цели и остаться в живых. Я понял — вылазок будет две: ложная и настоящая. Наблюдатели высмотрели места, где врагам удобнее всего строить осадную башню, — возле дороги, ведущей в Сегилью, и у малых ворот, где ров полузасыпан. Моврам дадут понять: из города спускаются по стене, а настоящая вылазка будет через подкоп, цель — бросить отраву в колодцы. Моряки рассказали, что даже если мовры набрали воды полные бочки, её хватит не так уж надолго. На вылазку возьмут смелых людей из предместья и... тут дон Себастьян посмотрел в нашу сторону, подозвал Чико.

— Пёс кажется мне необычайно смышлёным. Я сегодня с ним повожусь, поговорю с отцом Николасом. Попробуем сделать рыжего нашим разведчиком.

Я обрадовался и взволновался, а потом спросил Чико:

— Как ты думаешь, мовры боятся чёрных котов? — рассказал ему, как меня испугались сообщники дона Стефано.

— Не слышал, не знаю, но сомневаюсь.

— Я пойду за отрядом, попробую! Если будет погоня...

— Тебя не увидят. В лунную ночь на вылазку не пойдут.

— Тогда спрячусь в предместье и потом найду путь в город.

Я не знал всех деталей. Защитники шли по подкопу, впереди — Чико, а я нырнул позади. Вышли в саду одного из домов. Действовали тихо, точно зная, куда им идти. Вдруг я услышал звук выстрелов, беготню, вспышки. Мовры бежали куда-то от нас, а наш отряд держался бесшумно, потом разделился. Чико оставили сторожить. Я притаился и ждал. Спустя полчаса наши люди начали возвращаться. Мои кошачьи глаза даже во тьме увидели радость. У них получилось! Вдруг новый шум — уже у малых ворот. Дон Себастьян, приложив палец к губам, улыбнулся. Снова обманка? Мой друг — редкий хитрец! Посмотрев на спокойного Чико, он велел идти обратно, а сам дожидался последних. Вдруг брань, выстрел рядом, и тут же в калитку вбежали последние из отряда. Один из них был ранен в руку, другой подхватил его за другую, помогая идти. Они скрылись в подкопе, а дон

Себастьян напоследок что-то швырнул и тоже прыгнул под землю, а я не успел. Новый взрыв — и земля обвалилась. Мовры, ругаясь, вбежали во двор, и я точно узнал: они не боятся чёрного котика. Пинок, острая боль.

Темнота.

21. Госпиталь

Мужчины выскочили из подкопа возбуждённые, радостные: им удалось! Только один оказался ранен, не сильно, но успел потерять много крови. Ждавший у башни хирург быстро перевязал раненого и велел отнести его в монастырь святой Клары. Тот сквозь зубы шутил:

— Месяц назад навещал я предместье, чтоб наставить рога одному остолопу, а теперь вот геройствую. Никогда б не подумал, как мне пригодится урок там подкрадываться втихаря!

— Дон Фелис, помолчите! — строго одёрнул мужчину хирург.

Дон Себастьян и дон Фернандо посмеивались, прислонившись к стене, а потом одновременно протянули друг другу руки.

— Проверьте караулы у северных башен, я — южные и у ворот.

— Слушаюсь, комендант.

В госпитале, устроенном в монастыре, после штурма уже появились больше десятка раненых. Были больные и даже роженицы из предместья. Инес готовила лекарства, настои, отвары, вместе с Хосефой они ухаживали за пациентами. Раненый дон Фелис поначалу ворчал, утверждая, что отлично поправится в собственном доме, но в конце концов уступил настояниям хирурга, которому было удобнее присматривать за всеми вместе, к тому же лекарь расхваливал мастерство старой травницы. Кабальеро ещё немного сопротивлялся, потом разглядел Инес, подумал: «Здесь есть дополнительная причина поскорей исцелиться... или, наоборот, подольше застрять», и отбросил прочь возражения.

На другой день дон Себастьян решил вскоре после полудня навестить госпиталь вместе с доном Альфонсо. У ворот монастыря он с изумлением увидел несколько богатых карет. Вслух удивился:

— Что это значит?

— Дамы решили навестить раненых. Вчера вечером у моей невесты было небольшое собрание, и они обещали принести фрукты, вино, новые рубашки.

— Отлично, но я лучше зайду в боковую калитку. Быстро поговорю с матерью Анхеликой и вернусь к себе, а вы, как комендант, поблагодарите дам за внимание.

— Но... — дон Альфонсо в усах прятал ухмылку. — Дамы наверняка захотят поговорить с вами!

— Незачем.

— Дон Себастьян, я не собираюсь присваивать себе ваши заслуги!

— Я знаю, но, право же, некогда. Не забывайте, я следователь инквизиции, а убийство дона Бернардо не раскрыто. Всего через два часа состоится совещание о том, как мы можем противодействовать осадной башне. Инженеры города должны подготовить свои проекты.

Капитан Альварес уже усвоил, что спорить с инквизитором бесполезно, обрадовался, что сможет участвовать в обсуждении серьёзного дела, и, подтянувшись, бравой походкой зашёл в монастырь. Следующие полчаса, однако, стали для него изрядным испытанием. Молодой человек был хорош собой, знатен, прекрасно одевался и умел поддержать светскую беседу, но когда всех дам интересовало в первую очередь, где дон Себастьян де Суэда, чем занят и почему не пришёл, бедняга чуть не взмок от попыток отвечать всем сразу и от

желания выдать друга, удравшего от чести самому объясняться с представительницами прекрасного пола. Мнение дона Альфонсо о женщинах в этот день сильно ухудшилось, тем более что даже его невеста проявила излишнее, в глазах жениха, любопытство к другому мужчине. Здесь же была и донья Эстрелья, нервно обмахивающаяся веером. Графиня, о связи которой с сеньором де Суэда давно шептались, а теперь, когда вдова стала самой завидной невестой Эспании, поговаривали и о браке, ловила на себе злобно-завистливые взгляды дам и девиц, отвечая поджатыми губами и решимостью в больших подёрнутых поволокой глазах.

Тем временем дон Себастьян смог спокойно обсудить с настоятельницей монастыря вопросы снабжения госпиталя, состояние раненых, нужна ли святой обители дополнительная помощь. До них доносились гомон дам и ответы с трудом отбивавшегося от них дона Альфонсо. Мать Анхелика улыбнулась:

— Может быть, всё-таки поблагодарите дам Сегильи за помощь?

— Как-нибудь... не сегодня.

— Понимаю.

К настоятельнице подошла одна из монахинь и доложила о приходе отца Николаса де Руис.

— О, конечно, я сейчас его встречу!

— Если вы не против, я подожду его возле патио. Нам нужно поговорить. Зачем снова искать время и место?

— Разумеется, дон Себастьян. Несколько минут, и мы подойдём к вам. Уверены, что не хотите потратить это время на моих посетительниц?

— Уверен, совершенно уверен.

— Тогда чашечку монастырского кофе?

— А вот кофе — с большим удовольствием!

Инквизитор был рад хоть недолгое время провести в одиночестве. Он осторожно заглянул в патио, в противоположном конце которого дамы ещё стояли вокруг пошатывающегося капитана Альвареса. Потом взгляд его скользнул по изящным колоннам окружавшей внутренний двор галереи и остановился на девушке, расталкивающей лекарство пестиком в ступке. Молодой человек сразу узнал сеньориту Рамирес и, пока его никто не видел, позволил себе, глотая понемногу крепкий кофе, полюбоваться её профилем. Он даже вспомнить не мог, когда так спокойно и невинно рассматривал красивую женщину, не думая ни о том, как скоро она окажется в его постели, ни о том, как избавиться от её слишком рьяных попыток туда забраться. Вскоре инквизитор заметил, что сеньорита иногда замедляет движения, поглядывая на разыгравшуюся неподалёку комедию, улыбается, даже смеётся. Ему тоже стало смешно, и он случайно звякнул чашкой о блюде.

Девушка обернулась, конечно, узнала его, удивилась и прыснула. Если дон Себастьян когда-либо и встречал создание женского пола, смеявшееся над ним, то и этого не мог вспомнить. Поймал себя на том, что улыбается непозволительно долго, улыбается девушке, что ему совсем нельзя делать, надо скорей перестать, но она опередила его, прервав пересмешку. Попросту вернулась к своему занятию, иногда поглядывая в открытую книгу и добавляя в ступку лежавшие рядом травы. Лицо инквизитора стало бесстрастным уже тогда, когда сеньорита Рамирес не могла этого видеть. Ни тени кокетства в ней молодой человек не заметил.

Послышались шаги. Мать Анхелика вернулась с отцом Николасом и тотчас оставила

мужчин вдвоём. Дон Себастьян по обыкновению сразу перешёл к делу:

— Спасибо за вашего Чико. Если вы не против, я подержал бы его при себе.

— Конечно, не против. Собственно, рыжий пёс вовсе не мой — приходит когда хочет, я его подкармливаю.

— Как мой Негрито, — усмехнулся дон Себастьян. — Не зря они подружились.

— Этот кот, наверное, единственное дорогое лично для вас создание в Сегилье, которую вы так отчаянно защищаете.

Отец Николас был сам на себя не похож. Его обычно лукавая самодовольная физиономия осунулась, руки заметно дрожали. Поняв, что от следователя не укрылись ни волнение пожилого священника, ни потемневшие веки, он перестал крепиться, закрыл лицо руками и простонал:

— Моя донья Мартина! Наши дети! Сейчас, когда первые атаки отбиты, я боюсь за них сильнее с каждым днём! Первые дни я, наверное, не способен был осознать ужас, который на нас надвигается, а теперь не могу спать по ночам! Молодые глупые курицы, которые заявили сюда перед вами покрасоваться, уже считают себя спасёнными. Я им завидую... Простите, если я недостаточно верю в ваши способности, но мне слишком много лет, чтобы не понимать превратности войны. Знаю, знаю, замок Суэда выдерживал осады сил, неизмеримо превосходящих силы его защитников, но в нём никогда не было... вы понимаете...

— Измены, — глухо ответил дон Себастьян.

— Не смейте лезть на рожон! Вы наша единственная надежда!

— Я принял меры на случай...

— Бросьте. Если погибнете, изменники воспользуются замешательством, а губернатор может и вовсе сдать город. Нетрудно догадаться, почему вы его арестовали. Племянник не станет с ним спорить.

Спорить сейчас, очевидно, не было смысла. Отец Николас это понял, и, пока его собеседник допивал кофе, предпочёл сменить тему.

— Милая девушка, — он кивнул на Инес. — Очень похожа на мать.

— Вы знакомы с сеньоритой Рамирес?

— Венчал её родителей лет... теперь и не вспомнить, сколько назад. В те годы травницы были в почёте, никто и не удивился, что красавица-дочь сеньоры Фелисии вышла за офицера. Могла, впрочем, мужа и побогаче найти. Они были счастливейшей парой, но вот пожалуйста: лейтенант живёт сейчас, как крестьянин, а их дочь зарабатывает шитьём. Донья Мартина иногда даёт ей работу.

— Мне пора.

— Храни вас Господь.

22. Донья Елена

Я очнулся в кустах. Моя шкурка была исцарапана, весь я разбит и страдал. Встал на лапы, вдохнул морской воздух, затем потянулся. Я жив! Силы вливались в меня ветром и лучами рассвета. Пора возвращаться, но как? Пока не придумал, решил навестить сеньору Пепиту.

Домик сеньоры Фелисии не был разрушен, но был разорён. Грабители перерыли все вещи, побили простую посуду, порвали, сожгли, что осталось из скромных вещей. Я перестал смотреть — слишком жалко. Порадовался, что когда пираты здесь были, уже след простыл моих славных хозяек.

Сеньора Пепита выскочила из своей норки, очень обрадовалась мне, рассказала, как ей было страшно. На мой вопрос, может ли кот вернуться в город, если ворота закрыты, задумалась.

— Не знаю, сеньор Негрито. Пройти можно только горами. Мышь не пройдёт наверняка, а вот кот... боюсь посоветовать вам что-то во зло, но другого ничего мне не придумать.

— Благодарю вас, попробую. Мне очень не нравятся мовры.

Конечно, они мне не нравились! Всюду слышалась их злая речь. Они грозили моему городу. В предместье нашли каких-то несчастных, кто не успел убежать или предпочёл спрятаться. Мужчины были жестоко избиты и смиренно прислуживали, а женщины еле ходили. По их разговорам я понял — много убитых. Заодно я узнал: вылазка увенчалась успехом, и колодцы отравлены. У пиратов осталась только вода, которой они запаслись. Быть может, близок конец проклятой осады?

Я был вдохновлён и решил забраться в горы. Человек не способен пройти по узеньким тропам, травы и тонкие ветки не выдержат вес его тела, но я, ловкий маленький кот, смог, порой отдыхая, забраться вверх по горе, и скоро оказался выше стен прекрасной Сегильи. Там я застыл на одном из камней, не зная, как мне спуститься. Вдруг из расселины показалась фигура. Я был поражён! Сильный, стройный и ловкий человек спускался, держась за верёвку. Он увидел меня, улыбнулся, сделал знак мне приблизиться и позволил устроиться на своём плече. Когда до стены оставалось не очень много, я спрыгнул, напугав караул. Стражники подняли голову, закричали: «Лазутчик!», но храбрец, не обращая внимания, продолжал путь. Вот он спрыгнул на стену и засмеялся, глядя на наставленные на него алебарды.

— Неужели не узнаёте? — он скинул шляпу, и волосы пшеничной волной упали на его плечи.

— Донья Елена! Сеньора Энрикес! — раздались удивлённые крики.

— Надо же, всё же узнали! Где мой муж? А ещё я должна выцарапать глаза этому де Суэда!

Все засмеялись. Один из стражников пошёл проводить храбрую даму в комендатуру. Я за ними. Над нами — сеньора Карлита.

В комендатуре совещались, что делать с осадной башней. По расчётам инженеров Сегильи, для неё моврам нужно не меньше двух дней. Около крепости было только два подходящих ровных места, куда башню можно придвинуть. Обсуждали, можно ли эти места

затопить, изрыть пушками, или подождать башню и постараться её уничтожить. Вдруг дверь открылась, впуская быструю женщину в мужской походной одежде. За ней — стражник.

— Простите, но я не смог остановить сеньору Энрикес...

Мужчины вскочили. Дон Себастьян хотел строго разобраться со стражниками, но замер на полуслове.

Его друг, дон Фернандо, и вошедшая женщина бросились друг другу в объятия. Лицо капитана светилось гордостью и изумлением.

— Моя донья Елена... никогда не знаешь, что от тебя ожидать.

— Не могла я стерпеть, что тебя этот репоголовый арестовал, заподозрив измену!

Дон Себастьян быстро вставил:

— Как вы узнали, что ваш муж арестован?

— А, это вы? Ну да ладно, раз сами сообразили отпустить моего дона Фернандо, то я вас прощаю!

— Так как вы узнали?

— Слуга отправил письмо с моей любимой вороной.

— Никогда я не слышал про почтовых ворон... — дон Себастьян потёр лоб и всех попросил сесть. — Я прошу вас, сеньора, рассказать по порядку. Про ворону я понял. Как вы добрались?

— Я выросла в здешних горах. С детства лазала лучше мальчишек. Знаю тайные тропы.

— Неприятель может пройти той же дорогой?

Женщина звонко расхохоталась и махнула рукой.

— Даже из местных там пройдут единицы.

Дон Себастьян помолчал. Сегилья снова и снова преподносила ему сюрпризы. Инквизитор решил, что совещание можно заканчивать, и ушёл разбирать архив дона Бернардо.

Едва дверь за комендантом закрылась, донья Елена рассказала супругу:

— О Хуанито не беспокойся. Моя мать — боевая женщина. Мы обе решили — не можем позволить, чтобы над отцом моего сына нависла хоть тень подозрения. Я всё правильно сделала?

Муж ей со смехом ответил:

— Конечно! Должна же в Сегилье быть хоть одна молодая женщина, не вздыхающая по де Суэда.

— Ну и ну! Здесь есть время и силы вздыхать?

— Наши дамы найдут.

— Невозможные дамы!

— Ты у меня одна невозможная!

23. Дон Фелис

Знатный раненый подгадал, когда нужно куда-нибудь отправить лакея, и вечером не упустил случай выпить лекарство из рук прелестной сеньориты Рамирес. Поллюбовался тонкими пальцами, сразу подумав — неужели она из простых? Девушка держалась спокойно и строго, комплимент пропустила мимо ушей, решительно надавила ему на плечо, заставила лечь и сказала:

— Спите, сеньор. Для вас сон — лучше лекарства.

Дон Фелис хотел пошутить, но скабрзность была неуместна, а пристойную шутку сочинить не успел — сеньорита переключила внимание на следующего пациента.

Кабальеро оказался непослушным больным. Когда вечером обе ухаживавшие за ранеными девицы ушли, он встал и, несмотря на лёгкое головокружение, решил пройтись хотя бы по монастырю. Неожиданно возле ограды он разглядел фигуру в простом платье, но не монахиню. Дон Фелис узнал сеньориту Рамирес и заинтересовался. Девушка, не улыбаясь и слегка наклонив голову, разговаривала с кем-то, стоявшим по другую сторону от решётки. Она успешно заботилась о своём добром имени — мужской голос звучал простовато, но очень почтительно.

— Сеньорита Инес, как здоровье сеньоры Фелисии?

— Благодарю, бабушка чувствует себя превосходно.

Дон Фелис ухмыльнулся: «Ему до почтенной сеньоры столько же дела, как до чёртовой бабушки».

— А вы, сеньор Санчо?

— Какой я сеньор! А может, и стану сеньором. Я отличился на вылазке, меня сам дон Себастьян похвалил.

— Я очень рада за вас. В добром ли здравии ваши родные?

— Все здоровы. У стражников лучше с едой. Если вам нужно...

— Нет-нет, что вы, что вы. Я ни в чём не нуждаюсь, да и так вам обязана.

Парень замялся.

— Мне бы вы улыбнулись, другой награды не надо...

— Я никогда не забуду, что вы спасли мою бабушку, и всю жизнь буду за вас молиться.

Теперь мне, извините, пора, — девушка присела в лёгком поклоне и быстро ушла.

Дон Фелис опять ухмыльнулся: «Кого-то отшили». Постарался припомнить, кто был на вылазке, и догадался — рослый парень, простой, но сильнющий и ловкий. Снял часового, одним движением сломав ему шею. В самый раз в стражники. А девушка непроста и очень изящна.

Отлично умея обращаться с прекрасным полом, весьма недурной собой и вполне обеспеченный кабальеро не стал терять времени и на другое утро заговорил с заинтересовавшей его сеньоритой учтиво, но довольно свободно.

— Сеньорита Рамирес, вы заведуете здесь лекарствами?

— Помогаю бабушке-травнице, — девушка лишь на миг подняла глаза, отвечая, сделала на листке запись и перевернула страницу большой книги.

— Позвольте... Латынь?

— Я знаю, к сожалению, немного. Вам нужен отвар?

— Нет-нет, спасибо. Извините, я отвлекаю вас своим любопытством.

— И вы меня извините, но сейчас я не могу поддержать разговор.

— Через четверть часа?

— Что вам угодно?

— Говорят, приятные разговоры — тоже лекарство.

Девушка улыбнулась.

— Я не доктор.

— Но вы раздаёте лекарства!

— Те, что назначены.

— Кто не доктор себе, тот могильщик.

— Только не говорите сеньору хирургу!

— У нас получилась общая тайна.

— Сеньор, но я всё равно продолжу свою работу, — она решительно перевела взгляд на книгу.

«Меня без молитвы, но тоже отшили...» — дон Фелис был слегка раздосадован, и куда более раззадорен. На другой день он предложил матери Анхелике дать обеим ухаживающим за ранеными девицам небольшой отдых, а вместо них мог часок поработать его слуга. Инес, решившей немного посидеть в патио, он прямо сказал:

— Сеньорита, взамен я хотел попросить вас о скромной услуге. Вечером стихи почитаете раненым вслух? — и протянул ей томик Горация.

— Сеньор, — девушка немного смутилась. — Я не уверена, что моя латынь...

— Попробуйте. У вас очень приятный голос. Кто не поймёт, всё равно рад будет послушать. Считайте это лекарством.

Кабальеро говорил учтиво и просто. Смотрел девице прямо в лицо, не ощупывая взглядом фигуру. Отказаться повода не было, и Инес согласилась. Взяла книгу и стала листать.

Дон Фелис посоветовал:

— «К Квинту Деллию». Вот здесь посмотрите.

Инес начала с трудом разбирать, потом быстрее — ей оказалось знакомо:

— О, сеньор, мне в детстве отец часто читал это стихотворение!

«Покой не забывай душевный сохранять

В минуты трудные, а также и веселий

Безумных в счастье старайся избегать:

Ведь всё же смертен ты, о, Деллий!».

— Я его понимаю!

Глаза девушки засияли, она жадно читала знакомые строчки, потом ресницы её задрожали, Инес вздохнула и тихо сказала:

— Благодарю вас, сеньор.

— Вы вспомнили дом? — дон Фелис, хоть и вечный насмешник, был тронут.

— Да, сеньор.

— Откуда вы?

— Из Хетафе.

— Простой человек не станет читать дочери стихи на латыни.

— Отец мой — бедный идальго. Когда-то служил лейтенантом.

— Лейтенант Рамирес, Хетафе? Гм...

В голове дона Фелиса всплыли смутные воспоминания.

— Постоите... Я, кажется, знаю. Лет десять назад мой отец, услышав, что я по делам поеду через Хетафе, велел зайти передать почтение лейтенанту Алонсо Рамиресу, которого знал по военной службе.

— Ваш отец тоже служил в полку дона Эстебана де Суэда?

— Нет, но офицеры и из разных полков бывали знакомы. Вы меня вряд ли запомнили.

— Боюсь, что нет.

Кабальеро не то чтобы ясно, припомнил — семья небогата, жили почти как крестьяне, но держались с достоинством. Встретили гостя приветливо, угостили вином. В простой чистой комнате неожиданно было увидеть полку хороших книг.

— Сеньорита, попробую угадать. Отец вас, наверное, учил ездить верхом?

— Да, и это бывало. Правда, у нас не было своей верховой лошади, но он считал важным для девушки ездить верхом и иногда брал коня у соседей.

«Понятно теперь, почему она так хорошо держит спину, хоть и зарабатывала шитьём». Вслух продолжал:

— Кажется, ваша матушка представила мне вашего брата.

Неожиданно Инес опустила голову и, стараясь сейчас не заплакать, ответила:

— Пять лет назад в Хетафе была оспа... Мне повезло — переболела легко, а мама и брат... — она отвернулась.

— Мне очень жаль, — участливо ответил ей дон Фелис.

— Простите, сеньор, — девушка взяла себя в руки. — Из наших разговоров лекарства не выйдет.

«Да что ж это так неудачно...» — подумал кабальеро с досадой, но не отступился.

— Жаль, что Хетафе не избежало несчастий. Оспа, потом сплошные неурожай... Я мало знаю таких красивых селений.

— О, да, сеньор! — Инес улыбнулась. — У нас видны горы, весной посмотреть на цветение наших садов приезжают из самой столицы, а храм расписал знаменитый художник.

— Да, ваш отец очень советовал взглянуть на изображение предводителя небесного воинства.

— Прекрасная роспись! — девушка воодушевилась, но чуть запнулась — возникшая перед мысленным взором картина показалась ей очень похожей на инквизитора, защитника Сегильи, без колебаний карающего врагов города.

Инес перевела дыхание и сказала себе: думая о коменданте, лучше вспоминать нарисованного грозного архангела, чем улыбающегося молодого мужчину, с которым она пересмеивалась в патио.

Недолгая задумчивость не укрылась от собеседника, но он легко объяснил её для себя привязанностью девушки к родным краям. К этому времени кабальеро стал убеждён — в жизни сеньориты Рамирес не было ничего, чего ей пришлось бы стыдиться. А девушка с интересом спросила:

— Как вам понравилась роспись?

Тут запнуться пришлось дону Фелису. Поначалу направившись к храму, он свернул в таверну, куда его позвала хорошенькая смуглянка.

— Простите, это так давно было...

— Вас там не было? — угадала Инес, и глаза её заискрились, когда девушка заметила лёгкое смущение весьма самоуверенного сеньора.

— Каюсь, не было, — он в притворном раскаянии опустил голову и сразу же

засмеялся. — Я зелёным юнцом тогда был. А вы, сеньорита, ребёнком.

— Пойдите, пойдите, я, кажется, вспомнила... У вас была огромная шляпа с пушистым красным пером?

В первый миг оторопев, кабальеро тотчас же припомнил. Конечно! Он был записным щёголем и роскошную шляпу выписал из столицы. Был крайне горд и на сверстников поглядывал свысока. Вот был болван!

— Я рад, сеньорита, что вы меня вспомнили!

— Простите, дон Фелис, я вспомнила только шляпу.

«Вот плутовка...» — подумал сеньор и скоро откланялся — сеньорите пришлось вернуться к своей работе. А ещё кабальеро подумал: «До чего же приятно услышать из её уст своё имя».

Вечером сеньорита Рамирес декламировала стихи на латыни. Понять смысл были способны от силы несколько человек, остальные слушали её голос, как музыку. Девушка считала невежливым пренебрегать ранеными из простых, поэтому обязательно поясняла, о чём сотни лет назад написал великий Гораций. Спустя четверть часа послышался звук шагов. Инес, внимательно глядя в книгу, обратила на них внимание только тогда, когда раненые от неё отвлеклись, оживились, кто мог — встали, а дремлющий у ног девушки Негрито радостно муркнул. Подняла голову и встретила изумлённый взгляд инквизитора. Тоже встала и присела в поклоне.

— Добрый вечер, сеньор комендант.

Дон Себастьян никак не мог ожидать, что в госпитале устроят поэтический вечер, да ещё и на латыни. Даже смутился.

— Я зашёл узнать, как дела у раненых. Извините, что помешал.

— Что вы, сеньор, нисколько не помешали. Мы все рады вас видеть. Если позволите, я продолжу.

— Конечно, если вы не устали.

— Для меня это отдых.

— С вашего разрешения, я тоже немного послушаю.

— Если вам так угодно, то для меня это честь.

«Экие церемонии...» — про себя проворчал дон Фелис. Впрочем, ему было приятно, что сеньорита Инес так спокойно держится в присутствии неотразимого сеньора де Суэда. Последние месяцы ему поднадоело всеобщее увлечение знатных дам и девиц Сегильи персоной следователя инквизиции, хотя поначалу кабальеро посмеивался над этим феноменом. Минуту спустя ему стало ещё приятнее — девушка вернулась к чтению, и никакой перемены в ней не было заметно.

Сеньорита так же старательно разбирала стихи. Очевидно, она днём урывала минуты подготовиться и почти не запинаясь. Выглядела девушка при неровном свете свечи чудесно, загадочно, и вовсе не старалась повернуться так, чтобы её прелестное личико смотрелось наиболее выигрышно с той стороны, где, чуть поодаль, устроился дон Себастьян. Инес не сделала никакого движения, когда комендант, послушав пару стихотворений, встал и как мог тихо покинул собрание.

24. Хосефа Родригес

На другой день в монастырь доставили партию припасов. Комендант относился к обеспечению жителей города, особенно гарнизона, госпиталя и стражников, чрезвычайно серьёзно. Он ни на миг не забывал, что в Сегилье действуют изменники, достаточно ловкие, чтобы до сих пор не попасться, упорные и хорошо понимающие главные опасности для осаждённых. Чтобы караульные не расслаблялись, офицеры, порой и лично комендант, устраивали внезапные проверки. То же с поставками. Проследить, чтобы при приёмке продуктов в монастыре были исполнены все указания, в этот раз дон Себастьян решил сам, захватив с собой дона Альфонсо. Кроме возможного отравления, инквизитор старался предупредить обычное воровство, не желая, чтобы граф Тевора был обманут и заплатил лишнее. С досадой понимал — очень многие считают требование коменданта тщательно проверять накладные заботой о будущем своём кармане, хотя здесь было и преимущество — инквизитора побаивались, и это также удерживало торговцев от соблазна воспользоваться случаем получить наживу сверх оговорённого.

На сей раз партию сопровождал лично владелец — сеньор Гильермо Фуэнтес. Он слабо усмехнулся, когда длинные сильные пальцы аристократа выхватили наугад одну из накладных, и с видимой небрежностью сеньор де Суэда пробежал глазами по строчкам, а потом не счёл ниже своего достоинства пересчитать бутылки с оливковым маслом. Всё сошлось, и комендант сделал рукой знак счетоводу.

Дон Альфонсо с глубокой тоской смотрел на действия своего друга.

— Ну и ужас эта осада. Дворянину — проверять накладные!

— В мирное время этим не занимаетесь?

— Нет, конечно!

— То-то сегильская знать в долгах как в шелках.

Племянник герцога недовольно нахмурился, но затем оживился, вспомнив о приданом невесты и проводив взглядом проходившую мимо Инес. Это не укрылось от помрачневшего инквизитора, сухо напомнившего:

— Кажется, вы собирались навестить сегодня невесту.

— Да... — дон Альфонсо опять погрузился.

Сосватанная ему девица была совсем недурна, но кабальеро ещё не расстался с привычкой не пропускать ни одной юбки. Покосился на бесстрастного человека, стоявшего рядом, припомнил, как от него млеют женщины, и подумал: «Вот кто приданое возьмёт так приданое. А граф, похоже, с умыслом дочери потакает...». Дальше молодой щёголь задумался о дилемме, что лучше: взять больше приданого и проверять накладные, или меньше приданого беззаботно мотать. С этими мыслями и отклонялся.

Когда подлинный комендант отошёл от монастырского склада, писарь шепнул ему:

— Репутация сеньора Фуэнтеса безупречна, я с ним знаком. Может, его поставки проверять не так тщательно?

— Я сказал — никаких исключений, — жёстко оборвал его инквизитор.

Опытный Менго понял — впредь об этом лучше не заикаться, но у него было ещё одно дело.

— Дон Себастьян, вы перед осадой написали приказ отправить Хосефу Родригес в её

родное селение.

— Да. Что-то не так?

— Осмелюсь просить вас приказ отменить.

— Почему?

— Видите ли, — Менго замялся. — Мне сначала так её было жаль. Потом навещал её здесь, в монастыре. Она очень славная девушка...

— К делу. Хочешь жениться?

— Да, с вашего позволения. Я иначе бы не посмел вас просить.

— Хорошо, отменю. Но не вздумай обманывать!

— Я не враг себе, дон Себастьян.

Инквизитор ответил значительно мягче.

— Бедной девушке и так-то досталось. Вижу, до сих пор шарахается от меня.

Менго вздохнул.

— Да, Хосефа не верит ещё, что её горести позади.

— Не забывай об осаде.

— Сеньор, я понимаю, у вас сейчас совсем нет времени...

— Подписать хватит. Ты сумеешь оформить, — дон Себастьян улыбнулся. — Ведь я могу и погибнуть.

— Тогда и город погибнет, — помрачнел Менго.

— Вовсе не обязательно. Пиши.

— О, сеньор! А Хосефа не верит, что вы к нам будете так добры!

— Помнит, как я на тебя накричал, — криво усмехнулся сеньор де Суэда. — Хоть ты уже не боишься.

— Пустое, сеньор! Вы делали вид, что рассердились, а я — что испугался.

«Вот плут, обвёл меня вокруг пальца» — с этой мыслью дон Себастьян подошёл к небольшой балюстраде, огораживающей площадку с недействующим фонтаном, и стал смотреть, как разгружают продукты. Рядом с ним встал Гильермо Фуэнтес и заговорил.

— Не каждый купец так следит за товаром, как вы, дон Себастьян.

— На кону не барыши здесь, а жизни.

— Бедняцкие жизни.

— Жизни честных подданных короля.

— Впрочем, вы правы — сотни грабителей в осаждённой Сегилье испортят жизнь и дворянам.

Комендант не хотел продолжать разговор и собирался уйти, но торговец вдруг что-то увидел у склада, подался вперед, потом с изумлением обернулся:

— Неужели Хосефа Родригес?

— Вы её знаете?

— Её знает весь город. Камеристку везли в инквизицию на открытой повозке. Кто хотел, тот смотрел, кто хотел, тот свистел. Горожане надеялись, что скоро полюбуются на костёр.

— Что?! — воскликнул дон Себастьян, покраснел, стиснул зубы и ударил кулаком по перилам. — В открытой повозке... Я должен был об этом подумать.

— Почему вы так беспокоитесь? Всё равно ведь горелое мясо.

— Что вы мелете? Она невинна!

— Вот как? В городе говорили — сожгут её, раз нельзя сжечь графиню.

— Мне плевать, что говорят в городе.

Сеньор Фуэнтес весьма удивился, догадываясь: инквизитора трудно вывести из себя, а тут всего лишь какая-то ведьма. Потом нахмурился и уточнил:

— Она здесь не из-за осады?

— Нет. Я закрыл дело перед осадой, обнаружив у неё эпилепсию. Хосефа не ведьма, и здесь под опекой.

— А после?

— Я же сказал, дело закрыто. Собирался её отправить домой, но мой писарь хочет на ней жениться.

— Жениться? На больной падучей болезнью?

— Вам-то что?

— Вы правы... — торговец ещё раз посмотрел на Хосефу, вдруг поморщился, покачнулся, взор его затуманился, и мужчина вцепился в перила.

— Что с вами? Вам стало плохо?

— Нет... — он с трудом отдышался. — Просто... вспомнил невесту... она умерла больше года назад...

— Мне очень жаль.

— Жаль, говорите... — лицо купца исказилось, потом успокоилось в странной усмешке. — Не подумали, говорите... Вы просто слишком высокого мнения о городе, который так защищаете. Простите, мне нужно идти.

«Странно... нужно расспросить Менго».

Писарь, впрочем, лишь подтвердил, что сеньор Гильермо год назад был в большом горе из-за смерти юной невесты и, должно быть, до сих пор не оправился.

— Болезнь?

— Несчастный случай, сеньор... — вздохнул, опустив глаза, Менго.

25. Пожар

Я был в плохом настроении. Осада ещё не снята, а рядом с Инес стал крутиться подозрительный человеческий кот. Я зашипел на него, а он засмеялся:

— Что, чернющий, я не в чести в инквизиции? — и снова стал смотреть на Инес.

Почему-то он нравился сеньоре Фелисии. Не понимаю, что она в нём нашла, кроме хорошего вкуса.

Решил навестить Чико и с ним прогуляться по городу. Осада осадой, но люди, перепуганные сначала, уже оживились. На рынке отчаянно торговались и препирались.

— Вот заломил ты цену на репу!

— Медяки ты свои вздумал жевать?

— В Сегилье нет голода!

— Это пока недолго осада.

— Сгниёт твоя репа при долгой осаде!

— Что, дармоед, набил своё брюхо?

— Набьешь тут похлёбкой... Хлеб в бульоне да лук.

— Смотрите на него, недоволен! Фазанов с артишоками захотел!

— Хоть как накормили...

— Да, голодранец.

— Я камни таскал для стены!

— Вот затеял наш комендант, кормить гольтьбу при осаде!

— Харчевники недовольны — они бы озолотились.

— А потом их, как баранчиков бы, прирезали.

Мы с Чико ходили гордо и важно. Все знали уже — кот и собака спасут Сегилью, так сказал сам дон Себастьян. Люди нам улыбались. Чико решил показать мне склад, где он нашёл порох. Там была усиленная охрана стражников инквизиции, которые переговаривались между собой. Были, конечно же, и собаки, но только обыкновенные.

— Надо же, порох среди вина!

— Комендант, наверное, был очень зол?

— Ты не знаешь его! На лице его ни мускул не дрогнул, а вот хозяин склада трясся, как овечий хвост. Клялся, что понятия не имел... Сдал склад за крупную сумму и ничего не ведал.

— А дон Себастьян неужели поверил?

— Кто его разберёт... Допрашивал очень подробно, требовал назвать все приметы, привести в инквизицию всех, кто хоть недолго разговаривал с арендатором.

— И каждый раз нас предупреждает: не есть и не пить ничего, кроме того, что привезёт нам знакомый стражник.

Мы пошли дальше. Чико мне показал все склады, взятые инквизицией под охрану. Показал и пожарных, дежуривших наготове.

— Кажется мне, купцы о пожарных не знают. Для них дон Себастьян выделил пустой склад, велел прийти ночью и всем говорить — они просто стражники инквизиции.

— Понимаю. Думает об измене.

— Торговцы тоже хитры.

Обойдя склады, мы условились прийти сюда ночью. Наша задача — спасти Сегилью, ведь мы — кот и собака!

Ночью мы подошли к складам Сегильи. Поначалу всё было спокойно, ну а потом Чико заметил каких-то людей, пробирающихся к складам. Он залаял, но ни один пёс не ответил. Люди были настороже — и стражники, и злодеи. Крик, шум, погоня и вспышки. Загорелся пожар в трёх местах. В двух потушили, а третий склад сгорел очень быстро — оказалось, в нём было масло. На коне прискакал комендант. Хмуро глянул на склады и потребовал отчитаться.

Пожарные работали споро, старший из них доложил:

— Огонь дальше не распространился. Трое моих людей пострадали, сбивая пламя. Собак всех отравили. Двух стражников удалось откачать.

— Откачать?

— Их напоили отравой.

Инквизитор мрачно посмотрел на еле живых от отравы и с перепуга стражников.

— Что вы ели и пили?

— То, что нам принесли.

— Кто принёс?

Здесь же оказался человек, ответственный за еду.

— Я всем раздавал хлеб и сыр, никто больше не отравился.

— Так кто вам принёс?

— Простите, сеньор, угостил прохожий немного...

Дон Себастьян отвернулся и бросил:

— Повесить.

— Сеньор! — взмолился старший из стражников. — Это простые деревенские парни! Полуголодные, да ещё и наверняка часть припрятавали для родных!

Старшему достался мрачный взгляд инквизитора, но всё же сеньор де Суэда смягчился.

— Отправить их в помощь сборщикам нечистот, — и занялся другими.

В сгоревшем сарае обнаружили несколько мёртвых тел. Люди оказались зарезаны, видимо после того, как отравлены. Рядом с другими — горючая смесь. Хозяин, сеньор Гильермо Фуэнтес, появился достаточно скоро и стал прикидывать свои убытки. Потом спокойно сказал:

— Могло быть и хуже. Вы, сеньор комендант, приняли меры, опасаясь пожара.

— Кто эти мёртвые люди?

— Трёх знаю — мой приказчик и один из охраны. И мой давний знакомый — сеньор Табера.

— Табера? Рамон Табера — подрядчик по строительству башни? — дон Себастьян пригляделся к одному из мертвецов и закусил губу. — Как он здесь оказался?

— Откуда мне знать? — пожал плечами торговец.

— До конца осады вы будете под арестом в здании инквизиции. Стража отведёт вас немедленно. Я буду вести все дела с вашим главным приказчиком, если он не даст повода для подозрений.

Сеньор Фуэнтес даже не удивился, а я побежал в монастырь.

Обгоревших пожарных отвезли в госпиталь. Хирургу помогала моя Инес, а бедняжка Хосефа перепугалась от вида ожогов. Неудивительно, бывшая камеристка графини столько времени думала, что её непременно сожгут. Отдохнуть Инес смогла только к полудню, и рядом с ней тут же появился тот самый человеческий кот. Безобразие. Я фыркнул и гордо ушёл.

26. Признания — пока только себе

Уставшая девушка показалась дону Фелису ещё привлекательнее, чем обычно. Ей с утра несладко пришлось, а он уже выздоравливал.

— Сеньорита, благодарю вас.

— Не стоит, сеньор. Я делаю здесь свою работу. Повезло во время осады найти работу.

— Из Хетафе в Сегилью приходят немало.

— Вы сами помните — в наших краях сплошные неурожаи. В Сегилье у меня с десятков знакомых, бывших соседей.

— На вылазке был здоровеннейший парень, Санчо, он жил раньше в предместье. Он, как и вы, из Хетафе?

— Нет, но, кажется, с кем-то в родстве.

— И всё же благодарю, сеньорита. Мне очень приятно наше знакомство.

— Дон Фелис, мне тоже очень приятно.

Девушка слегка улыбнулась, скорее из вежливости, чем симпатии. Инес понимала, что кабальеро испытывает к ней интерес, а ещё понимала: дочери бедного идальго не стоит поощрять интерес кабальеро. Ей и в голову не приходило, что дон Фелис может к ней относиться серьёзно. Впрочем, он не давал повода подозревать его в нечестных намерениях, а потому Инес была вежлива.

Кабальеро тем временем совсем не хотел уходить. Учтивое «очень приятно» его неожиданно взволновало, и дон Фелис решил продлить разговор, вспомнив о чтении стихов на латыни.

— Я не ошибся, всем раненым было полезно лекарство.

— Я и сама была рада.

— Удивительно, даже наш комендант не смутил вас.

— Отчего мне смущаться? Мы не делали ничего дурного, а дон Себастьян в монастыре со всеми очень любезен, даже предупредителен.

— Вы, наверное, единственная в Сегилье девица, равнодушная к дону Себастьяну, — не без удовольствия отметил дон Фелис, и тут ему пришлось удивиться:

— Равнодушна? Как вы можете так говорить?

Кабальеро чуть было не потерял дар речи, глядя на девушку, возмущённо сверкнувшую на него глазами. Чего он не понял? А Инес продолжала:

— Вы знаете — я из предместья. Что со мной стало бы, не прикажи комендант опустить мост и открыть ворота?

Меньше всего дону Фелису хотелось думать, что стало бы с этой прекрасной девушкой, стоявшей перед ним, гордо выпрямившись, попади она в руки пиратам.

«Как же я так оплошал... Она вот о чём...».

— Сеньор, это ведь было только начало! Госпиталь, где я получила работу. Забота о бедняках. Главное — кто поднял тревогу, и кто сейчас защищает город? Если бы я не испытывала восхищение доном Себастьяном, даже благоговение, это было бы вопиющей неблагодарностью с моей стороны. И не только с моей, не так ли, сеньор?

Кабальеро пришлось согласиться. Не подними инквизитор тревогу, дон Фелис, как дворянин, погиб бы со шпагой в руке. Благородный человек смерти не должен бояться, но жить очень хочется. Пока он молчал, Инес закончила свою речь.

— Я до конца дней буду молиться за дону Себастьяна де Суэда.

«Наверное, и мне надо при случае помолиться...» — невесело усмехнулся сеньор и неловко продолжил:

— Сеньорита, простите, я не об этом. Последнее время как-то привык, что дамы к нашему коменданту равнодушны иначе.

Инес улыбнулась и сказала со смехом:

— Я слишком бедна, чтобы блажить, как знатные дамы.

— Блажить? Вы считаете, повальное увлечение женщин Сегильи сеньором де Суэда, ещё до осады — всего-навсего блажь? — дон Фелис чувствовал себя опять сбитым с толку, хотя ход мыслей Инес ему очень понравился.

— Да что ж вы всё так понимаете... — покачала Инес головой с мягким упрёком. — Дон Себастьян — достойнейший кабальеро. Наверное, даже наверняка, кто-то из дам испытывает к нему глубокие чувства, но так, чтоб все вместе — конечно же, блажь.

Кабальеро опять не нашёл что ответить, а девушка негромко продолжила:

— Дон Фелис, вы мне будто экзамен устроили. Мне нужно работать. Если хотите ещё что-то спросить, спросите сейчас, и больше не будем к этому возвращаться.

У кабальеро остался последний вопрос: «Сеньорита, вы выйдете за меня замуж?», но он не хотел слышать в ответ, что за него тоже будут молиться. Потому, вежливо улыбнувшись, откланялся.

Дон Фелис, твёрдо решив добиваться руки сеньориты Рамирес, задумался: он может погибнуть во время осады. А город — остаться, и в нём — благородная девушка без крова, без денег, и неизвестно, как будет с работой. Кабальеро было не всё равно, что станет с Инес в случае его смерти, но уклоняться от боя он не был намерен. Как ей помочь и не задеть её доброе имя? Хорошенько подумав, дон Фелис нашёл выход и в тот же день навестил поверенного.

Старый законник ни капли не удивился, что довольно молодой человек вздумал составлять завещание. Он под диктовку внёс в документ длинный список: родня, слуги, друзья, и под конец: «Почтенной сеньоре Фелисии Ортис, вышедшей меня после ранения, завещаю пятьсот дукатов, чтобы она остаток дней могла провести безбедно». Законник и этому не удивился.

— Увы, сеньор де Гарсиа, в такое время случается, что молодые сеньоры упоминают в завещании стариков.

— Надеюсь всё же, — деланно усмехнулся дон Фелис, — что я и живым смогу позаботиться о почтенной сеньоре Фелисии. Право, мне есть за что быть ей благодарным... — а про себя подумал: «За внучку...».

Затем дон Фелис направился в гарнизон получить распоряжения от капитана Энрикеса по поводу своей дальнейшей службы в ополчении города. Дорогой размышлял, под какими предлогами ему уместно появляться в госпитале, не компрометируя сеньориту Инес. С другой стороны, чрезмерная деликатность может обернуться против самого дон Фелиса — наверняка прелесть и достоинство благородной девицы заметил не он один. Впрочем, по этому поводу кабальеро скоро перестал беспокоиться:

«Кто её здесь видит? Простые парни да молокососы, зависящие от родни, для которой благородное происхождение и добродетель не заменят приданого. Разве что наш герой в неё влюбится, но он уж совсем другого полёта птица...».

Как ни сильно Инес нравилась дону Фелису, мысль, что сеньор де Суэда, с утра до ночи, а порой и ночами занятый обороной города, сонму обожающих его знатных дам и девиц предпочтёт скромную провинциалку, показалась кабальеро ни с чем не сообразной.

Вечером до госпиталя добрался и комендант. Целый день он разбирался с пожаром — допрашивал, перечитывал все отчёты, пытался понять, какова роль подрядчика Рамона Таберы и оправданы ли подозрения против Гильермо Фуэнтеса. Применять пытки он, как и раньше, не видел смысла. От других мастеров, занимавшихся ремонтом башни, услышал множество обвинений в адрес покойного — разумеется, они старались свалить вину на того, кто уже не ответит. По существу, инквизитор узнал только одно — во время ремонта из-за задержек оплаты строители отказались работать, но сеньор Табера нашёл где-то бригаду. Неопытную, однако она произвела впечатление, и другие строители были вынуждены довольствоваться малой частью того, что им причиталось по праву. С тех пор прошло несколько месяцев, где искать тех людей — знал, наверное, только сеньор Табера. Возможно, его за это и убили, если он сам не был изменником. Сеньор Фуэнтес старательно отвечал на все вопросы и был скорее подавлен, чем испуган.

Стараниями пожарных ущерб в итоге оказался не так значителен, как опасались, хотя злодеи использовали горючую смесь. Но остались ли изменники живыми и на свободе — ответа по-прежнему не было. Разочарованный и уставший, дон Себастьян счёл своим долгом навестить госпиталь, узнать, как дела у пожарных, и поблагодарить их за честное исполнение долга.

Войдя в ворота, он невольно улыбнулся, думая — вдруг здесь сегодня снова читают стихи? Увы, сеньорита, должно быть, устала. Её вовсе не было видно, а комендант не позволил себе расспросов.

Спустя четверть часа дон Себастьян собрался назад, к воротам, где его поджидала охрана. Шёл он тихо, не желая никого беспокоить, и неожиданно услышал беседу. Молодой мужской голос с восхищением произнёс:

— До чего хороша малышка Рамирес!

— Да... будто тонкой кисточкой нарисована.

Во втором голосе разъярившийся дон Себастьян узнал Менго. Он сделал шаг в сторону говоривших и сквозь зубы процедил:

— Сеньорита Рамирес! Вы обязаны с уважением говорить о благородной девице, ухаживающей за ранеными.

— Что вы, сеньор комендант... — запинаясь, заговорил молодой стражник, ещё не оправившийся от ранения, но способный ходить. — Я с уважением... А девушка, и правда, из благородных? — этим он, кажется, был огорчён.

— Я о другом благородстве... Впрочем, отец сеньориты Рамирес — идальго, служил офицером в полку моего отца. Но и к простым девицам, ведущим себя столь достойно, вы должны обращаться с почтением. К тебе, Менго, тоже относится.

— Конечно, сеньор... — протянул озадаченный Менго. — Я со всем уважением. Мы с Хосефой обручены, как подобает, не беспокойтесь.

Чувствуя, что раздражён больше, чем следует, дон Себастьян развернулся и ушёл не прощаясь.

Вслед ему Менго подумал: «Он просто взбешён. С чего это?» — писарь отлично умел различать настроение своего сеньора.

Сев на коня, дон Себастьян никак не мог отделаться от воспоминания о пустяковом подслушанном разговоре. Надо же, малышка Рамирес! Что за дерзкая фамильярность! Да, сеньорита невысокого роста, примерно ему по плечо, но как деревенщина не заметил её королевской осанки! Тонкой кисточкой... Скажет тоже... Её ангелы лунным светом нарисовали! Молодой человек вспомнил нежное личико, весёлые глаза и улыбку, потом воображение с лёгкостью очертило силуэт изящной фигуры, спрятанной под простым платьем. Комендант встряхнул головой. Как можно так думать о порядочной девушке, о дворянке! И сейчас, когда город в осаде! Он сжал поводья. Мысли о девушке нужно отставить. Его долг — спасти этот город... и эту девушку тоже.

27. Скала

Я решил прогуляться. Чико был занят на складе, а сеньора Карлита — в гостях у друзей. Забрался на крепостную стену и тихонько побрёл в сторону скалы, неприступной для всех, кроме доньи Элены. С грустью смотрел вниз, на предместье, где пираты разбили лагерь. Наконец, улёгся в тени там, где стена упиралась в скалу. Неожиданно услышал топот копыт. Стражники оживились, построились и приветствовали спешившегося внизу коменданта.

Как всегда быстрым шагом мой друг поднялся на стену и стал внимательно рассматривать скалы. За ним подошёл ещё один человек в строгом костюме. Вскоре к ним присоединились супруги Энрикес. Донья Елена на сей раз была одета очень изящно и совсем не так вычурно, как другие знатные дамы. Платье удобное, шея открыта для ветра, а не для взглядов, волосы не падают на глаза и защищены шляпой от солнца. Своим человеческим котом, с которым она пришла под руку, дама была очень довольна и других не искала. На коменданта муж и жена глядели с одинаковым интересом.

— Дон Себастьян, что вы придумали? — начал разговор капитан.

— Посмотрите вон на ту скалу. За ней — расселина. Если туда заложить порох и поджечь его из пищали, камни обрушатся на предместье, где пираты разбили лагерь, и где по дороге могут подвезти осадную башню. Донья Елена, способен ли человек добраться до этой расселины?

Женщина с изумлением распахнула глаза, потом выхватила из рук коменданта подозрную трубу и подбежала к бойнице. Смотрела очень внимательно примерно четверть часа, обернулась и доложила.

— Может. Медленно и очень ловкий. Только в сухое время, не утром, когда солнце не высушило росу. В скалах есть небольшие трещины, в них можно вбить клинья и крюки, потом протянуть верёвки, до нужного места сможет добраться ещё человек, а потом — перетянуть порох.

— Если первый сорвётся, верёвка, закреплённая на стене крепости, его спасёт?

— Здесь есть одна тропа немного в другую сторону, и место, где можно заранее закрепить дополнительную верёвку. Потом — крюки.

— Сильный ли шум, когда крюки вбивают?

— Не сильнее, чем лают собаки и каркает моя ворона.

— Ползти нужно ночью. Иначе пираты заметят.

— В лунную ночь.

— Полнолуние послезавтра.

Донья Елена набрала воздуха полную грудь, но тут вмешался ошеломлённый таким разговором муж.

— Дон Себастьян, вы безумны! Я не могу позволить жене так рисковать!

— Дон Фернандо! — серьёзно и внятно ответила донья Елена. — Я должна это сделать. Я это сделаю.

Муж и жена посмотрели друг другу в глаза, взявшись за руки. Улыбнулись, а комендант ощутил укол зависти. Прежде он мог назвать лишь одну безусловно доверяющую друг другу чету — своих мать и отца, с этого дня, без сомнения, и вторую — супругов Энрикес. Вслух дон Себастьян произнёс:

— Дон Фернандо, ваша супруга — исключительной смелости женщина. В её руках —

спасение Сегильи. На ближайшие два дня забота о ней — ваша единственная обязанность. Донья Елена, вас я прошу объяснить, что вам понадобится для операции, выбрать помощников, а наш инженер, сеньор Перес, рассчитает нужное количество пороха.

Я был очень обеспокоен. Отчаянная донья Елена может как спасти Сегилью, так и погибнуть. Вечером ко мне прилетела сеньора Карлита.

— Сеньор Негрито, моя подруга, сеньора Энрикес, просила вам передать: ей очень нужна ваша помощь.

Я несказанно удивился.

— Чем я могу помочь отважной сеньоре?

— Не знаю точно, но ей очень важно, чтобы вы поджидали на полпути. Я вам покажу место и помогу.

Чего только не сделает храбрый кот ради своих друзей и своего города! Если у меня и были какие-то сомнения, то их развеял очередной штурм, предпринятый моврами на рассвете того дня, вечером которого блистательная сеньора Энрикес собиралась совершить беспримерный подвиг и обрушить скалу на головы мерзких пиратов. Враги атаковали на сей раз малые ворота, подкатив орудие, но не осадную башню. Наш комендант подозревал, что эта атака ложная, чтобы, отразив её, защитники крепости понадеялись на передышку, однако ему всё равно пришлось руководить боем. Действительно, атака длилась недолго — моврам хватило пары опрокинутых на них котлов со смолой. День коменданта был заполнен подготовкой операции доньи Елены, а ещё он изучал какие-то бумаги. Я старался быть ближе к своему другу, а он мне иногда улыбался, позволял забраться к нему на колени, гладил меня и пил много кофе.

Вечером, немного пораньше, чем собралась в поход донья Елена, сеньора Карлита с подругой, две сильных вороны, помогли мне занять место, где, как они мне сказали, остановится отдохнуть отважная скалолазка. Вороны потом улетели — им нужно было поднять шум в предместье и скрыть звук ударов, когда сеньора Энрикес будет забивать крюки.

Мне хорошо было видно, как смелая дама, обмотавшись верёвкой и закрепив на спине мешок с инструментами, стала осторожно ползти по скале. Ловкие руки ощупывали камни, находили еле заметные впадины, потом женщина переставляла ногу, отталкивалась и поднималась всё выше. Порой ей помогала свисающая сверху верёвка, порой она останавливалась, чтобы вбить крюк. Она была уже рядом, когда я заметил — её рука погрузилась в камень, где — мои кошачьи глаза не дадут соврать — не было ни намёка на трещину.

Вот донья Елена оказалась рядом со мной. Тяжело дыша, села на выступ, оперлась спиной о маленькое деревце и взяла меня на руки. Я чувствовал биение её сердца, ободряюще замурлыкал и ощутил лёгкий ветер. Что за ветер, если ни листок, ни травинка не шевельнулись? А отважная женщина тихонечко приговаривала:

— Не добраться мне без помощи твоего друга... Сколько силы в нём! Мне так много не надо, не бойся, Негрито... Ему это не повредит, никто другой не сможет взять его силу без спроса.

О чём она? Я испугался, посмотрел на женщину, понял — колдунья! А она улыбнулась.

— Хороший у тебя друг, но лишнего ему знать не надо. Он все силы, всю кровь до капли

готов отдать ради спасения нашей Сегильи, только поэтому я могу через тебя взять у него немного силы, чтобы добраться до той расселины.

Я чувствовал — её сердце теперь бьётся ровно, глаза разгорелись, руки и ноги перестали трястись. Сеньора решительно встала, взглядом оценила остаток пути и бестрепетно поползла дальше, мне напоследок сказав:

— Возвращайся, Негрито! Вороны тебе помогут, но всё равно будь осторожен.

Я был осторожен. Переставлял лапку за лапкой. Добрался до сегильской стены. Распрощался с воронами, на радостях прыгнул со стены на ближайшее дерево, но, увы, ветка оказалась сухой и сломалась. Я упал.

Темнота.

28. Подмога

Комендант и дон Фернандо Энрикес, не отрываясь, смотрели, как удаляется фигура доньи Элены. Капитан покусывал ус и сердито косился на друга. Дон Себастьян вдруг спросил:

— Что за ветер? Вы чувствуете? Станный ветер.

Не отрывая глаз от еле видной в свете луны жены, остановившейся на скале отдохнуть, дон Фернандо буркнул в ответ:

— Вы снова сутки не спали?

— Меньше. Штурм был на рассвете.

— Скоро новый рассвет. Напились кофе и отваров сеньоры Фелисии, неудивительно, что вам мерещится ветер.

— Мовры упрямо не желают заботиться о моём здоровье, — усмехнулся дон Себастьян.

— Поосторожней с отварами.

— Сеньора Фелисия то же самое мне говорит и не позволяет пить много.

— Надеюсь, она знает, что делает.

— Уверен.

Дальше мужчины смотрели молча, как храбрая дама приближалась к расселине. Затаив дыхание, они разглядели, как она оказалась на месте, махнула рукой, отдохнула, закрепила верёвки и вернулась назад гораздо быстрее.

Едва женщина ступила на стену, муж подхватил её на руки, а донья Елена лишь смогла прошептать:

— Я это сделала...

Двое мужчин перебрались по натянутым сеньорой Энрикес верёвкам, переправили несколько мешков с порохом и вернулись. Комендант отправил гонцов предупредить стражу, чтобы они успокоили жителей, которых разбудит грохот камней. Наступил черёд канониров. С первыми лучами рассвета грохнул взрыв. Со стены замороженные люди смотрели, как скала дрогнула, пошатнулась, и лавина камней обрушилась на предместье. Снизу до людей на стене доносились крики и проклятия мовров. Главный шатёр был снесён. Завалена дорога из предместья к малым воротам — с этой стороны стало невозможно подкатить осадную башню, а груды камней не хуже глубокого рва здесь защитили Сегилью и от обычного штурма. В стане неприятеля возникла суeta, даже паника. Пираты, не зная, будет ли ещё камнепад, или это вовсе землетрясение, спешно покидали предместье. Стали сворачивать шатры и со второй стороны, вдоль дороги, соединяющей Сегилью с другими провинциями. Защитники города, почувствовав вкус победы пришли в восторг. Крики радости разбудили весь город. Люди кричали «Ура коменданту!», «Ура сеньоре Энрикес!», «Ура нашим защитникам!» Дон Себастьян построил отряд, который достойно бы проводил неприятеля, потом поднялся на стену отдать распоряжения канонирам, и тут шум перекрыли другие крики:

— Смотрите!

Все замерли. Из-за горы, закрывающей город от южных штормов, появились новые корабли. В этот раз мовры не пытались маскироваться — горожане узнали их флаги. Не пиратский набег, а война. В один миг всё изменилось — возрадовались осаждающие, померкла радость у осаждённых. Постепенно одна пара глаз за другой переводили взгляд с

кораблей на коменданта. Дон Себастьян обернулся и спокойно сказал в возникшей вокруг него растерянной тишине:

— Скоро штурм. Готовимся к обороне.

29. Ночной разговор

Штурм был решительным. Новые корабли, не дав защитникам города передышки, ринулись в бой. Стены Сегильи сотрясались от ядер, а бойницы заволкло дымом. Артиллерия крепости дала достойный отпор — и на три корабля у противника стало меньше. В ход пошла и осадная башня, но ей навстречу по дороге от главных ворот защитники выкатили огромное колесо, покрытое снаружи горячей смолой, внутри начинённое защищённым от огня порохом и металлическими обрезками. Меткий выстрел из крепости — и порох взорвался, сметая осадную башню и убив множество мовров. Неприятель, окрылённый подмогой, на сей раз оказался упорен. Волны людей одна за другой стремились в атаку, с лестницами, таранами, пережидая очередные обстрелы, надеясь — защитники дрогнут. Последний залп корабли дали вечером и отошли, бросив якорь в недосыгаемости от пушек Сегильи, но с этого расстояния и их артиллерия не могла повредить крепости.

Поняв, что и в этот день Сегилья с честью отбилась от неприятеля, дон Себастьян, хотя еле держался на ногах, нашёл в себе силы улыбнуться и сказал офицерам:

— Судя по упорству, с которым мовры штурмовали крепость, у новых кораблей не так уж блестяще с припасами, и они не смогут долго обеспечивать водой и провиантом своих людей, хоть мы их и порядочно проредили. К счастью, на побережье мало селений, до которых пираты могли бы дотянуться, и, надеюсь, жители успели отравить свои колодцы, прежде чем сбежать.

Комендант назначил дежурных, остальным велел отсыпаться.

— Больше всех нужно выспаться вам, — строго сказал дон Фернандо. — И ещё, у вас кровь на щеке.

— Царапина. При обстреле, осколком камня.

— Не подцепите заразу.

— Я всё равно должен зайти в госпиталь — много раненых. Заодно попрошу травницу обработать.

До госпиталя комендант смог добраться только спустя три часа. Нужно было обойти караулы, подняться на башни, добиться, чтобы уходящий день остался для защитников города днём атаки и днём отбитого штурма, несмотря на подмогу, подоспевшую к неприятелю. Дон Себастьян к тому же понимал — пока в госпитале принимают раненых, он будет только мешать. Сопровождавший его дон Альфонсо на середине пути процедил:

— Вы ещё улыбаетесь? Будто сделаны из железа...

— Осталось немного.

— Посыльные знатных господ нашего города трижды спрашивали, не окажете ли вы им честь посетить сегодня собрание в ратуше. Сеньоры хотят вас приветствовать и поблагодарить.

— Не сегодня.

— Вы всё время отвергаете приглашения!

— Вы отлично знаете почему.

— Знаю, конечно... — протянул дон Альфонсо. — Но мне всё труднее за вас объясняться.

— Будьте любезны, объяснитесь ещё и сегодня. Кстати, как ваш дядя? Мне доложили, что вы его навещали.

— Зол на вас. Я узнал много новых ругательств.

— Я освобожу его, как только даст слово чести не препятствовать мне во время осады. Я не оформлял протокол.

— Он и на меня всё время ругается, что я позволяю вам собой помыкать.

— И что вам советует?

— Как что? Делать, что вы прикажете. И как это мне это понимать? — капитан из последних сил улыбнулся.

— Вместо собрания ступайте-ка спать.

— Я спал, в отличие от вас, прошлой ночью.

— Может, следующей придётся не спать. Я — в госпиталь. Заодно царапину попрошу обработать отваром, а то вином промыл кое-как, щиплет.

— Неужели вы всё-таки не из железа?

— Надеюсь, не заржавею.

Они обменялись улыбкой и рукопожатием. Один комендант отправился в госпиталь, другой — всё-таки на собрание.

В госпитале только успели разместить раненых и обработать их раны. Уставший хирург отчитался:

— Теперь уже слава богу... А день вышел тяжёлый, вы понимаете. Пять ампутаций.

— Справились? Хватает людей для ухода?

— Более-менее. Я отправил по домам тех, кто ранен легко или уже выздоравливает.

— Как прошли ампутации?

— Благополучно. Кстати, меня удивила сеньорита Рамирес. Помогала с неожиданным для девушки хладнокровием.

— От имени города я очень всем благодарен.

— Вы можете лично поблагодарить... то есть я передам, — хирург спохватился, что сеньору де Суэда лучше бы воздержаться от тёплых слов, адресованных юной красавице, как бы она ни была хладнокровна, в её же собственных интересах. — Сейчас сеньорита... то есть сеньора Фелисия обработает вашу царапину.

— Да, пожалуйста... — Про себя молодой комендант пожалел, что не сеньорита, но пришлось промолчать.

Старая травница осторожно промыла рану на лице коменданта отваром и улыбнулась:

— Скоро от царапины и следа не останется, а вот выспаться вам очень нужно.

К ним подошла настоятельница. Дон Себастьян было встал ей навстречу, но в глазах у него потемнело. Обе женщины, конечно, заметили, заволновались. Мать Анхелика решительно заявила:

— Устраивайтесь сегодня у нас. Я знаю, вы меняете место ночлега. Вам принесут всё, что нужно. Инес, дочь моя! — почтенная настоятельница в мыслях своих слишком была далека от опасений, тревожащих простых смертных.

Инес быстро принесла полотенце и смену белья, из запаса для раненых.

— Сеньор комендант, слуга вас проводит туда, где можно вымыться и переодеться, а я постелю. Если угодно, в одной из келий, или...

— Лучше в патио, если можно.

— Как вам будет угодно, — она быстро присела и убежала готовить лекарство.

Вскоре дон Себастьян сел на приготовленную для него чуть поодаль от раненых постель и отпустил слугу. Инес принесла свежий успокоительный отвар. Войти в комнату к молодому мужчине она, конечно бы, не посмела, но здесь, в патио, юная травница часто на ночь поила отваром раненых, а комендант так устал, что был всё равно будто ранен, к тому же в патио были люди. Девушка поправила изголовье его постели и поднесла к губам сеньора кружку с ароматным отваром.

— Выпейте, вам станет лучше.

Он хотел взять кружку сам.

— Сеньорита, вы не служанка.

Инес легко рассмеялась.

— Сеньор, я ухаживаю за ранеными. Видели бы вы, что я сегодня с самого утра делала для мужчин! — она твёрдо держала кружку у его губ и положила вторую руку ему на плечо, приказала затем: — Пейте!

Комендант накрыл её пальцы своей ладонью и залпом выпил отвар. Поднял глаза на Инес и почти прошептал ей:

— Спасибо.

— Теперь ложитесь, дон Себастьян, — она надавила рукой на его плечо, требуя лечь. — Ложитесь и спите. Дон Себастьян, от вас слишком многое зависит. Вы должны себя поберечь.

А он не отпускал её руку, глядел ей в глаза, слушал голос, звучащий между мечтами и явью, так же тихо сказал:

— Вы необыкновенная девушка, сеньорита. Я никогда таких не встречал.

— Доброй ночи, сеньор, — прошелестела Инес и на еле сгибающихся ногах ушла, сжимая тонкими пальцами кружку, а мужчина провалился в сон, больше похожий на обморок.

Утром дон Себастьян был, как всегда, собран, спокоен. С ранеными поздоровался приветливо, Инес сказал:

— Надеюсь, я вчера не слишком вас потревожил.

— Что вы, дон Себастьян, мы все вам обязаны и всегда готовы служить вам.

Они разговаривали друг с другом, как будто и не было ночных слов между ними. Лицо коменданта было учтиво-бесстрастным. Инес держалась почтительно и глядела, как всегда, прямо. Они оба не замечали, с каким любопытством на них посматривают способные интересоваться чем-то, кроме своих ран, обитатели госпиталя, видевшие накануне, как сеньорита Рамирес поила лекарством сеньора де Суэда, а он ей что-то шептал, взяв её за руку. Но сегодня зеваки были разочарованы — оба предмета их наблюдений не обнаруживали ни смущения, ни повышенного внимания друг к другу. Может, вчера ничего и не произошло?

Впрочем, много времени для праздного любопытства ни у кого не было. Комендант, наскоро перекусив, поспешил к выходу, а Инес погрузилась в свои обычные утренние хлопоты: обходила раненых, проверяла их самочувствие, поила отварами, при необходимости меняла повязки и выполняла поручения. Однако, сразу уйти дону Себастьяну не удалось. Стражники за шиворот притащили какого-то парня, в одежде, подходящей лакею.

— Сеньор, этот негодяй расспрашивал о вас, совал нам монеты.

Комендант взглянул на арестованного так, как ему было привычно на допросах в святом суде.

— Имя?

— П-пасквале... Кан-н-ес.

— Кому служишь?

Парень выдохнул, умоляюще посмотрел на инквизитора, но, подумав, что сейчас по чьей-то шее заплачет верёвка, признался:

— Графине де Гарофа.

Стражники еле сдержали ухмылки, а дон Себастьян стиснул зубы, сразу поверив.

— Зачем тебя прислали?

— Вчера дамы были очень обеспокоены вашим ранением, о нём рассказал капитан Альварес, а потом кто-то им сообщил, что вы остались ночевать в госпитале...

— Значит, за мной и кроме тебя следили?

— Сеньор! — взмолился бедняга. — В городе знают о каждом вашем шаге!

Тут возразить было нечего.

— Так какого... то есть зачем тебя отправили шпионить за мной? — дон Себастьян почувствовал, что задал самый глупый из всех возможных вопросов, и старался не обращать внимания на уже открыто улыбающихся стражников.

Ответ последовал незамедлительно:

— Сеньор, её сиятельство с ума сходит от беспокойства за вас, — плут пришёл в себя и чуть было не подмигнул. — Донья Эстрелья и сама пришла бы справиться о вашем здоровье, но батюшка её не отпустит. Меня отправила втайне от его сиятельства, через личную горничную.

«Только этого не хватало...», а вслух дон Себастьян произнёс:

— Отведите этого бездельника в карцер при комендатуре, потом пусть кто-нибудь, то есть дон Альфонсо, удостоверится в правдивости его слов. Если всё так, как он сказал — гоните в шею.

Единственной заминкой не обошлось. Один из охраны, сияющий, как начищенный медяк, доложил:

— К входу подъехали две кареты.

— В такую рань?

— К полудню, наверное, будут ещё, особенно если вы не уйдёте.

«Проклятие! Я скоро стану посмешищем! Уже стал!»

Дон Себастьян почти умоляюще посмотрел на подошедшую настоятельницу.

— Мать Анхелика, в госпитале сегодня снова гости. Прошу вас, выпустите меня через боковую калитку.

— Надеюсь, там вас не караулят, хотя я не уверена, — даже эта почтенная женщина не выдержала и засмеялась.

Не до смеху было только Инес, а дон Себастьян разъярился уже не на шутку. Сколько можно убегать от назойливых куриц, не знающих ни стыда, ни приличий, не имеющих даже здравого смысла! Он надел шляпу и быстро направился к обычному выходу. Окликнувшей его даме поклонился, затем без церемоний, на вопрос о своём здоровье, не замедляя шага, буркнул: «Благодарю, здоров», отвернулся от женщины, вскочил в седло и пришпорил коня, напоследок услышав:

— Ах, этот шрам!

К счастью для уважаемого хирурга, ответные слова до слуха дон Себастьяна не донеслись:

— Пустяки, заживёт к свадьбе... — хирург спохватился, с досады был готов откусить себе язык, но слова уже вылетели.

Пришлось объяснять настойчивой даме, что его присказка вовсе не значит, будто ему, хирургу, известно, когда и на ком сеньор комендант намерен жениться.

Едва тронув поводья, молодой человек начисто позабыл о преследующих его наглых особах, которых он вынужден был терпеть ради их положения в обществе. Перед глазами возник образ девушки, не раз привлекавшей его внимание своей красотой и достоинством. Инес... Юная сеньорита благородного происхождения, стойко переносящая бедность, необходимость тяжёлой работы, умеющая смотреть без телячьего восторга, лести, заискиваний. Неудивительно, что она не пошла в услужение, как многие девицы в её обстоятельствах. Какая служанка из девушки с прямым взглядом? Даже когда опускает глаза, приседая в поклоне, в ней нет ни тени униженности. Чудесная девушка, нет таких больше... Вчера, между реальностью и видениями, потерявшись в мечтах и разочарованиях, позволив себе не думать о долге и позабыв страхи, он любовался прекрасным лицом сеньориты. Затаив дыхание, слушал голос, волшебным звучанием в тиши. Почудилось — вместе со звёздами в глазах сеньориты отразилась частица его души.

Дорога от монастыря к комендатуре была недолгой, как и грёзы.

Инес, как обычно, готовила лекарства, сама или вместе с бабушкой, помогала хирургу, заботилась о пациентах, обсуждала то одно, то другое с Хосефой, и думала, что никто не заметит в ней перемены. Напрасно.

В этот день дон Фелис подошёл после обеда, с расчётом, что раненые при штурме более-менее придут в себя, и Инес сможет позволить себе хоть ненадолго отвлечься для разговора. Кабальеро, решив, что скоро добьётся благосклонности девушки, предупредил сеньору Фелисию и мать Анхелику о своих серьёзных намерениях, а потому считал себя вправе не изыскивать для визитов предлоги. Он пришёл в монастырь, радуясь ясному дню, вспоминая, как накануне город стал праздновать, узнав об успешной атаке на мовров, впал в уныние, увидев подмогу, подоспевшую к неприятелю, и вновь воспрял духом. Дон Фелис был среди тех, кто слышал слова коменданта.

«Всё-таки необычайный он человек. Ничего ведь особенного не сказал, а мы из киселя снова стали железом», — подумалось кабальеро.

Он был уверен: сегодня сеньорита Инес будет рада с ним поговорить о вчерашнем, и быть может, выпадет подходящий случай сделать ей предложение. Кабальеро с улыбкой вошёл в монастырь, завернул в патио. Увидел девушку издали, поклонился и, пока она была занята, завязал разговор с раненым давним знакомым.

— Как самочувствие, дон Орсино?

— Руки-ноги на месте.

— Ещё успеете повоевать?

— Не здесь, так на севере. Ты слышал, в госпитале ночевал комендант.

— Ранен? — нахмурился дон Фелис.

— Пустяк, но от усталости на ногах еле держался. Мать Анхелика настояла, чтобы он

уже никуда не уходил среди ночи, а сеньорита Инес напоила отваром.

— Вот как? — дон Фелис на миг обеспокоился и тут же себя отругал.

— Да. А с утра комедия началась. О царапине на щеке коменданта, и где он ночевал, провели дамы...

Кабальеро расхохотались. Старший, закоренелый холостяк, добавил:

— Для спокойствия города нашего коменданта нужно сразу после осады женить, только эти гусыни кого угодно отвратят от женитьбы.

— А от приданого?

— Даже с приданым!

— Может, опять соберётся в священники?

— Да какой из него священник! Бьюсь об заклад, вернётся на военную службу, где ему самое место.

— Тогда в городе точно настанет спокойствие — сеньора де Суэда отправят на север. Ритания опаснее мовров.

— Измена везде опасна. В Сегилье очень ловкий изменник, раз даже наш инквизитор его до сих пор не нашёл.

— Комендант оказался ловчее.

— Надеюсь.

— Уверен. Город на военное положение он перевёл железной рукой. О, сеньорита освободилась! Выздоровливайте поскорей, дон Орсино.

— Что-то я не уверен, что сеньорита совершенно свободна... — пробормотал себе под нос немолодой раненый.

Вскоре и дону Фелису пришлось догадаться — сердце девушки не свободно, и вовсе не он тому стал причиной. Предыдущее несколько дней Инес смотрела на него гораздо приветливее, смеялась над его шутками, охотно рассказывала о родных краях, и как её по приезде поразила Сегилья. В ясных глазах то и дело мелькали весёлые искорки. Сегодня её будто бы подменили. Разумеется, сеньорита держалась безупречно учтиво, но не задала ни одного вопроса, отвечала кратко, и, очевидно, тяготилась обществом своего поклонника. Пожалуй, неловкость — единственное, что девушка испытывала сейчас в отношении дона Фелиса, а смотрела она на него отстранённо, как смотрят монахини. Полный дурных предчувствий, кабальеро между прочим спросил:

— Коменданта вчера зацепило осколком камня. Вроде не сильно?

— Нет, дон Себастьян ранен легко, но вот устал... Он человек, из плоти и крови, а ведёт себя, будто сделан из стали...

На один только миг ресницы девушки затрепетали, голос перешёл в шёпот, она посмотрела сквозь кабальеро, как если бы он был стеклянный. Дальше обольщаться не было смысла, и кабальеро откланялся. Сеньорита заставила себя попрощаться учтивым поклоном и вздохнула с видимым облегчением.

Дон Фелис был смятён. Напрасно он считал сеньориту Рамирес слишком разумной, чтобы увлечься недостижимой мечтой. Или это просто ребячество, восхищение героем, спасшим город? В конце концов, им все восхищаются... Хотелось бы думать именно так — слишком трудно для человека жить, волнуясь от страха к надежде, что же требовать от совсем юной девушки? Сеньор де Суэда способен влиять на людей, его слушают с начала осады, позабыв — инквизитор присвоил звание коменданта, но кому есть до этого дело? Что

ему стоит за несколько слов заворожить девушку? Он хоть заметил? Едва ли... Кабальеро разыскал сеньору Фелисию, нашёл её растерянной и удручённой. Почтенная травница подняла на него заплаканные глаза и тотчас их опустила. На безмолвный вопрос тихо ответила:

— Вы сами видите, сеньор, что с ней творится.

— Ребячество. Надеюсь, что это ребячество... — глухо сказал дон Фелис, слишком он сам хотел в это верить. — Я подожду. До свидания.

Инес только с утра могла позволить себе понадеяться, что перемены в ней незаметны. Хоть она и старалась вести себя как обычно, была очень внимательна, улыбалась, но не раз и не два ощущала взгляды сочувствия. Пожилой раненый тихонько шепнул: «Мы им все восхищаемся», молодой с тоской промолчал, дон Фелис... и дон Фелис, конечно, заметил. Впрочем, именно от дона Фелиса Инес считала нечестным скрывать своё безнадёжное чувство.

Ещё накануне девушка была весела и здорова душой. Как и весь город, надеялась, что немислимая атака напугает противника и заставит его снять осаду. Как у всех, у неё замерло сердце, когда в монастырь, чуть не плача, прибежал паренёк и рассказал о новых пиратах. И, как у всех, её душа возродилась надеждой: защитники города духом не пали, поверили в свои силы и верят своему коменданту. Дон Себастьян стал для неё, как для всех, человеком, о котором когда-нибудь сложат легенды.

Но вот он пришёл: измученный, грязный, забывший, когда последний раз спал. Живой мужчина, а не герой старинных баллад. Она помогла ему, как любому из раненых, а он взял её за руку. Просто взял за руку, посмотрел на Инес своим удивительным взглядом, сказал несколько ласковых слов — и она утонула в захлестнувшей волне безрассудного чувства. Девушка из Хетафе пыталась ещё совладать со своим непослушным сердцем. Вспоминала архангела, твердя про себя: дон Себастьян для неё всё равно, что этот архангел. Засыпая, старалась представить знакомую с детства картину, но в эту ночь в её сне предводитель небесного воинства ей улыбнулся. Сошёл со стены, обнял Инес и не отпустил. В воображаемых объятиях архангела она и уснула.

Новый день не принёс пробуждения разума. Инес едва вспоминала саму себя накануне. Ещё вчера она могла посмотреть другими глазами на Санчо. На радость бабушке, ей начал нравиться дон Фелис. Но несколько ласковых слов коменданта — и все другие мужчины стали для девушки будто тенями. Ни с кем больше Инес не могла представить себя, хотя ей было немисливо представить себя рядом с героем Сегильи. Осталось лишь скрывать слёзы, работать и улыбаться.

30. Признания — пока только коту

Я очнулся под деревом, когда меня лизнул Чико. Рыжий пёс попенял мне за неосторожность и рассказал последние новости. Я был так огорчён, что осада ещё не закончена! Чико тоже вздохнул, но прибавил:

— Защитников нашей Сегильи так просто не напугаешь.

— О да! Дон Себастьян непременно что-нибудь придумает.

— Не знаю насчёт его новых придумок, но он не позволит нам пасть духом и сдаться.

— Где он сейчас?

— Поди догони! Ночевал в госпитале.

— Неужели он ранен?!

— Царапина, но очень устал. Уже к вечеру зашёл в монастырь навестить раненых, да там и остался. Утром — опять на ногах, проверял караулы, проводил совещания, всё как обычно.

— Я к нему!

— Наверное, в комендатуру.

Меня, как обычно, к дону Себастьяну пустили. Он был один, изучал бумаги. Был серьёзен, но мне, как всегда, улыбнулся.

— Здравствуй, Негрито! Что-то я никак не найду ни малейшего следа, кто мог убить дона Бернардо. Вот, пожалуйста, его архив, здесь протоколы допросов свидетелей, и никакого намёка, кого, мне неизвестного, он мог лично впустить.

Я строго муркнул: пора отдыхать, а мой друг снова мне улыбнулся. Его сильные пальцы утонули в моей чёрной шерсти. Дон Себастьян взял меня на руки, подошёл к окну и посмотрел на Сегилью.

— Чудный город. Красив, был беспечен, а теперь нам с тобою нужно его спасти. У Сегильи немало защитников, почти все сражаются не только за город, но и за свои семьи, своих близких, тех, кто им дорог. Я здесь пришелец. Как мне сказал отец Николас, мне только ты здесь по-настоящему дорог. Он не прав. Прав, что дорог мне ты, но не знает, что мне дорога твоя молодая хозяйка.

Он вздохнул и снова погладил меня.

— Ты, Негрито, наверное, колдовской кот. Приходишь, когда ты мне нужен. Можешь промурлыкать Инес, что Сегилью вчера я защищал ради долга, а сегодня — ради неё? Промяukai, что я люблю её. Может быть, с первого взгляда, или с первого смеха, улыбки, или когда я слышал о ней разговор. Не знаю, неважно. У меня мало свободных минут, и каждую эту минуту я хочу разделить с Инес. Промяukaiшь ей? Знаю, не сможешь. Я сам ей это скажу после осады, если останусь в живых.

Мой друг ещё недолго смотрел в окно, потом решительно сложил бумаги, убрал их в стол и собрался спать. Я поскрёбся в дверь, и он меня выпустил, напоследок погладив.

Я побежал в монастырь. Юркнул в каморку Инес. Она сегодня здесь оказалась одна. Напросился к ней на руки, а она залилась вдруг слезами.

— Негрито, малыш... Ты ведь никому не расскажешь? О чём я, это знают все, кому интересно... Он не знает, наш комендант, и зачем ему знать, что к множеству влюблённых в

него женщин добавилась Инес из Хетафе...

Я мяукал в ответ своей драгоценной хозяйке — я видел его, и мой друг велел передать: сколько бы ни было влюблено в него женщин, ему нужна лишь Инес из Хетафе. Инес не поняла и снова заплакала. Я мяукал, мурчал, тёрся о её руки. Она всё равно не поняла, но улыбнулась:

— Довольно. Подумать страшно, на кого я похожа. Умоюсь сейчас, и Хосефу сменю на дежурстве. Никому не должно быть дела, что я влюблена.

31. Корабли

На другой день к коменданту пришли моряки. Старик, потерявший сына, заговорил от их имени:

— Сеньор комендант, наш черёд сделать вылазку. Пока команды мовров не успели как следует друг друга узнать, мы можем выбраться к лодке, в одежде, как у мовров, захватить один из кораблей и ударить по другим.

— Отчаянный план.

— Не отчаяннее, чем обрушить на головы неприятеля гору.

— Если придётся заговорить с моврами, речь вас не выдаст?

— Среди нас довольно ребят, болтающих по-мовритански. А среди пиратов — предателей, которым родной — наш эспанский.

— Вам знакомы моврские пушки?

— Говорят, контрабанда из нашей Эспании.

— Канониры Сегильи того же мнения, — горько усмехнулся дон Себастьян, вспомнив донос, о котором спорил с герцогом Мединой. — Обсудим детали.

— Мы хотим воспользоваться контрподкопом, выйти в предместье — оно завалено камнями и почти не охраняется — подкрасться к одной из лодок, потом к дальнему кораблю, на нём наверняка меньше людей.

— Задумано дерзко. Вы уверены, что у мовров небрежные караулы?

Угрюмый моряк первый раз усмехнулся:

— Сеньор, на своём веку я видел немало пиратов, но ни разу не слышал, чтоб у них было хорошо с дисциплиной. Во время осады наверняка разболтались.

— Вам проверять. Нужна ложная вылазка или атака.

— Я знал, что мы друг друга поймём.

Комендант решил в первую очередь сосредоточиться на организации вылазки моряков, но пришлось заниматься и куда менее важными, однако сильно раздражавшими его делами. Капитан Альварес принёс от своей невесты очередные сплетни.

— Комендант, вас опять женят.

— Без меня.

— Почему вы так упорно отрицаете помолвку с доньей Эстрельей?

— Вам не к лицу сплетничать, дон Альфонсо, — жёстко ответил дон Себастьян. — Вы отлично знаете, что обсуждение брачных соглашений посторонними задевает честь дамы. Если я с кем-либо обручусь, объявлю в тот же день, и хватит об этом.

— После разговоров о вашей связи с графиней, слухи о браке даме уже не повредят.

— А вот слухи о связи задевают уже лично мою честь как следователя инквизиции! — молодой человек потерял терпение и повысил голос. — Если какому-то болтуну угодно подозревать меня в том, что я угрожал графине аутодафе, чтобы принудить её вступить со мной в непристойную связь...

— Принудить? Вы серьёзно? — молодой щёголь, поначалу впечатлённый явной злостью коменданта, рассмеялся. — Да она сама...

— Хватит! — инквизитор хлопнул ладонью по столу. — Сейчас не время для поединков, но после осады я вызову любого, кто посмеет лезть в мои личные дела! К вам

тоже относится, дон Альфонсо! — он сделал паузу и продолжил спокойнее. — За время осады вы не раз проявили себя куда лучше, чем я ожидал. Прошу меня не разочаровывать.

— Я, конечно, помолчу. Но как друг, должен предупредить — раз уж вы решили не принимать обеты, всех желающих сунуть нос в ваши дела вам на поединок не вызывать. Ко мне пару раз приставали с вопросами, принимать ли ставки против вашего брака с будущей графиней де Тевора или нет.

— Сегилья сошла с ума... — только и мог ответить комендант.

— Сегилья жива, — ухмыльнулся дон Альфонсо. — В значительной мере вашими стараниями. И не собирается монашествовать.

Крайне неприятный для коменданта разговор напомнил дону Себастьяну, что он обязан докладывать графу Теворе о том, как идут поставки, и на какую сумму выбраны подписанные графом обязательства. Пока всё происходило в пределах разумного. Город оказался относительно обеспечен продовольствием и мог протянуть ещё не меньше месяца, при жёсткой экономии, на грани голода — месяца три. Сплетни приходилось принимать во внимание — комендант отчитывался перед поручителем письменно, под предлогом крайней занятости не нанося визитов и в каждом послании извиняясь. Молодой человек очень надеялся, что граф поймёт его правильно и оставит мысль выдать за него свою дочь. Беспокоили подозрения, что влюблённая до потери и без того небогатого разума вдова совершит какое-либо безрассудство, поставив коменданта перед выбором: или женитьба, или графиня будет в глазах всех обещана. Менее всего дон Себастьян хотел невольно нанести оскорбление отцу пустоголовой дамы, который вызвал у него неподдельное уважение.

В мыслях вновь возникла Инес, и с ней молодой человек не мог сравнить ни одну из когда-либо встреченных женщин. Брак младшего в своей семье сына с дочерью бедного идальго любой из называющих себя другом сочтёт неблагоприятным, но никто не посмеет сказать ему этого вслух — и довольно. Дон Себастьян позволил себе несколько минут посидеть, вспоминая облик и голос девушки, в которую влюбился, едва узнав её. Наверняка она может выйти замуж, что называется, благоразумнее, но сияние её глаз, трепет пальцев в его руке, собственное предчувствие убеждали — Инес предпочтёт безоглядно разделить с ним его неясное будущее обеспеченной жизни с другим мужчиной.

Осталось единственное препятствие — город в осаде. И пора заняться этим препятствием.

Отряд моряков подготовился к вылазке очень тщательно. Проговорили маршрут, время, оружие, одежду. Со стороны крепости — прямая атака через главные ворота, которая будет преследовать две цели: отвлечь внимание и заманить мовров в ловушку, подготовленную сразу за воротами. Атакующие должны были быть вооружены ручной артиллерией, не углубляться в стан врага и попытаться создать впечатление прорыва в сторону главной дороги из Сегильи. Командовать вылазкой комендант назначил дона Фернандо. Рвавшегося в бой капитана Альвареса сеньор де Суэда остановил:

— Не забывайте, официальный комендант — вы. Тот, кто руководит обороной, рискует собой только в важнейших случаях, в начале осады — чтобы поднять дух защитников, и когда уже близок конец, каким бы он ни был.

— Командующий должен быть в гуще сражения!

— На поле боя, а не когда за нашей спиной город. Если я или вы красиво погибнем, жителей ждёт совсем не красивый конец.

Дон Альфонсо смирился, про себя печально подумав, что комендант ему сильно льстит, а комендант опасался — неоперившийся капитан в своём первом бое может увлечься и сорвать дело.

Моряки вошли в подготовленный контрподкоп раньше, чем защитники города опустили мост и бросились в атаку. Расчёт оправдался — неприятель стянул силы против отряда, который вскоре стал отступать. Мовры, надеясь на плечах отступающих ворваться в город, угодили кто в ров с подорванного моста, а кто под смолу. Капитан Энрикес был ранен, но неопасно. Вылазка стоила гарнизону нескольких человек.

Комендант, проследив за ходом боя, стал неотрывно смотреть на берег. Вскоре он улыбнулся, догадавшись: морякам удалось сначала смешаться с толпой отступающих пиратов, а потом сесть в одну лодку. День клонился к закату. Оставалось лишь ждать.

Дон Себастьян проводил друга в госпиталь и сразу вернулся в комендатуру. Стараясь отвлечься, вновь изучал архив, но ничего нового не разглядел. Посмотрел последнее из отцовских писем, и глаза сами нашли пару строчек: «Лейтенанта Рамиреса отлично помню. Жаль, из-за смерти брата и болезни отца ему пришлось оставить военную службу. Если вдруг встретишь, передай от меня почтение». Комендант улыбнулся, а вскоре прислушался и, не убирая бумаги, вскочил. Его уже звали.

В полночь дальний корабль пришёл вдруг в движение. Со стены крепости удивлённые крики мовров не были слышны, зато пушечный залп был слышен отлично. Корабль, как юркая птица, повернулся и втиснулся между двумя превосходящими по размеру. Дон Себастьян не мог понять замысел. Ведь на других кораблях гораздо больше людей! Мовры, конечно, скоро опомнятся, пойдут сразу на abordаж... Снова пушки! Так, ясно, с больших кораблей, стоявших на якоре друг против друга, не могут расстреливать меньший. Быть может, пираты займутся своими пробоинами? Или им не спрыгнуть на быстро плывущий корабль? Пришлось вновь набраться терпения. Комендант и защитники города, затаив дыхание, наблюдали за боем. Старый моряк говорил, что после нескольких залпов они выйдут в чистое море и смогут уйти от других кораблей прежде, чем те развернут паруса. Вот дым начал рассеиваться. Комендант улыбнулся — эспанские моряки нанесли неприятелю солидный урон. Им пора уходить.

— Что-то странное... — тревожно заметил капитан, стоявший рядом с доном Себастьяном и также внимательно вглядывающийся в темноту, разрываемую выстрелами и криками.

— Они должны уйти. Уходите! — крикнул дон Себастьян, как будто на корабле могли его слышать.

— Уходят... нет! Они возвращаются! — воскликнул в ответ капитан.

— Пробоина? Не могут уйти?

— Каждый в отряде потерял своих близких... Кто сейчас, кто в прошлые годы, от мовров.

— Вы этого не сказали мне раньше!

— Зачем?

Они замолчали. Комендант неотрывно смотрел, как захваченный эспанцами корабль

отрезает от берега неосторожно приблизившийся к крепости корабль пиратов, крикнул:

— Наш корабль обходят! Канониры! По ближайшему кораблю, как пристреляно!

Снова дым. Крики. Треск дерева. Казалось, бою не будет конца, но храбрость отчаянных моряков утянула в море их жизни. Захваченный корабль получил несколько пробоин, накренился и пошёл ко дну вместе со всеми, кто на борту ещё оставался живым. Комендант стиснул зубы, сжал пальцы в кулак, смотрел на корабли сквозь пелену, не сразу поняв, что глаза его застилают слёзы, которые никто не должен видеть. Никто, никто в городе не должен видеть, что комендант плачет! Дон Себастьян сделал несколько вдохов, снял шляпу, смахнув ею влагу с лица, обернулся к стоявшим рядом защитникам города. Все тоже на миг сняли шляпы.

Передышка оказалась совсем краткой. Остатки вражеских кораблей перестроились и стали вновь обстреливать стены Сегильи. Ярость врагов вырвалась на грань отчаяния. Защитники крепости понимали — силы противника на исходе, нанесённый пиратам урон гонит их на штурм, наверное, в последней попытке превратить в победу своё поражение в бое. Воины Сегильи пришли в лихорадочное нетерпение, раздавались возгласы — когда же в атаку? Комендант едва не присоединился к порыву, но вспомнил, как совсем недавно моврам пришла подмога, и резко выкрикнул:

— Все по местам! Без моей команды никакой вылазки!

Все разом умолкли.

Розовые лучи горячего южного солнца окрасили море. Бой стал затихать, и ни сегильцы, ни мовры не знали, кому улыбнётся удача в наступающий день. Комендант оценил, сколько живой силы могло остаться у неприятеля. Больше, чем защитников крепости, но если мовры не снимут осаду, придётся атаковать, пока в городе есть продовольствие. Всё ещё наблюдая, как пираты отступают от крепости, дон Себастьян обвёл взглядом горизонт и вдалеке заметил на севере движение, марево, тучу? Потребовал подзорную трубу, стал смотреть, затем передал моряку. Тот присмотрелся, вздрогнул, ещё не веря, улыбнулся и дрожащей рукой вернул инструмент. Сегильцы поняли — неспроста, все стали смотреть в нетерпении, достали другие подзорные трубы, а комендант быстро скомандовал:

— Строить отряд! Лошадей! Готовиться аркебузирам!

Всего через полчаса можно было разглядеть наполненные паруса, развевающиеся флаги, мощные корпуса долгожданных кораблей — к Сегилье приближалась эскадра королевского флота Испании. Мовры засуетились, бросились к лодкам, причаленным в стороне, где их не могли достать пушки крепости. Бегущих настигал ведомый комендантом отряд. Кто-то из пиратов, ещё не растеряв мужества, поворачивался и принимал бой, но лишь затем, чтобы встретить смерть лицом к лицу, а не, удирая, получить удар в спину. Были и те, кто, упав на колени, просили пощады, но сегодня сегильцы пленных не брали. Главной целью отряда защитников крепости были лодки, и как только последняя из уцелевших оказалась вне досягаемости аркебуз и пищалей, комендант приказал возвращаться.

Приближаясь к воротам, дон Себастьян смотрел, как разворачиваются мовританские корабли. Пираты стремились лишь к бегству. Рассчитав, что пушек пиратов можно больше не опасаться, комендант отдал последний приказ: раненых — в госпиталь, собрать мёртвых, а если из моря выплывут живые пираты, отвести их в тюрьму инквизиции.

У ворот его встречала ликующая толпа. Главный защитник города поднял руку. Все смолкли и выслушали всего лишь три слова:

— Осада Сегильи снята.

Затем дон Себастьян спешился, отдал поводья. Его уже тормозили и обнимали друзья офицеры, а он им улыбался, пока не встревожился:

— Дон Фернандо, разве вам можно ходить?

— Как я мог торчать в госпитале в такое время?

— Ему сегодняшнее зрелище — лучше любого лекарства, — воскликнула поддерживающая мужа донья Елена.

Рядом же был дон Альфонсо, ещё не отошедший от упоения своим первым боем:

— Мы победили!

— Капитан Альварес, вскоре военные корабли бросят якорь в нашей гавани. Вам надлежит встретить офицеров флота.

— Но, комендант...

— Я больше не комендант.

Растерянный молодой человек хотел ещё что-то сказать, но дон Себастьян махнул рукой и посмотрел в небо. Ему почудились звёзды, прячущиеся в облаках, позолоченных солнцем. Это небо, или вода, облака — или же паруса? Из полузабытья вывел голос капитана Энрикеса:

— Что с вами? Снова еле держитесь на ногах? Спать!

— Мыться и спать! — скомандовала с другой стороны донья Елена.

— Что вы, друзья мои, со мной, как с ребёнком... — герой Сегильи слабо улыбнулся в ответ.

— Вы и есть порой, дон Себастьян, сущий ребёнок, — рассмеялась отважная скалолазка, и тут же окликнула: — Менго! Хорошо, что ты здесь. Проводи коменданта. Ему нужно выспаться.

— Конечно, сеньора! — Менго начисто позабыл, что он писарь, а не лакей, и, придерживая своего сеньора за плечо, повёл его в сторону комендатуры.

32. Королевская награда

Я смотрел на бой с перекладины под крышей одной из башен. Видел всё: атаку-ловушку, бой кораблей и победу! Осада снята! Мой славный дон Себастьян и моя дорогая Инес будут счастливы! Я потянулся. Сверху увидел, что дон Себастьян нетвёрдым шагом уходит в комендатуру, надо же, как устал! Решил ему не мешать, а пока посмотреть, как причаливают эспанские корабли, и с какими восторгами их встретил город.

С трапа сошли важные сеньоры-офицеры. Их встречал дон Альфонсо. Издалека я не мог слышать, что они говорили, но догадался по низким поклонам — ему воздают почести как коменданту. И ещё я заметил — дон Альфонсо в ответ поклонился, потом сделал шаг и попытался что-то сказать, но его остановил губернатор, стоявший с ним рядом. Что-то мне не понравилось, и я смотрел со смутной тревогой, как торжественная процессия двинулась в город. Побежал в монастырь.

Молодой инквизитор проснулся ближе к полудню, когда по его щеке пробежал солнечный луч. Вспомнил, встал и прислушался. Сегилья праздновала победу, а самозванный комендант стал свободен. Дон Себастьян вздохнул полной грудью. Осада окончена. Он может, наконец, подать прошение о переводе на военную службу. Закончить дела, которые его держат в Сегилье. Вправе открыто ухаживать за Инес... Представил её глаза, улыбнулся совсем ненадолго... Много времени ему не дадут на ухаживания, нужно сегодня же с девушкой объяснить. Жаль, у него сейчас нет фамильного кольца де Суэда, одного из тех, которые неженатые и не принявшие обеты мужчины его семьи всегда держали при себе на случай помолвки. По семейной традиции, носившая такое кольцо сеньора передавала драгоценное украшение старшему сыну в день его совершеннолетия или другому юноше из семьи, если своих сыновей у неё не было. Иногда приходилось делать новое кольцо, сейчас их было не меньше десятка. Своё дон Себастьян отослал в замок Суэда, когда поступил на службу святому суду, и, надо же, зря.

Окинул взглядом стол со сложенными бумагами, быстро написал прошение о восстановлении на военной службе и прошение об отставке с должности следователя инквизиции с обязательством завершить незаконченные дела. Оба — без даты, неясно, когда удастся закончить дознание, но скрывать свои планы сеньор де Суэда не собирался. Второе — отчитаться перед графом Теворой. Поручение казначею составить финальный отчёт, вывести окончательную сумму по обязательствам, а излишек продуктов вернуть или продать в интересах графа де Тевора. Что ещё? Собственные дела.

Запечатанные конверты дон Себастьян передал в инквизицию, приказал оседлать коня, но вышел из комендатуры через запасной ход. За ним чуть не увязалась охрана.

— Зачем? Осада окончена.

— Но изменник не найден!

— Не думаю, что он станет действовать среди бела дня.

— Вас ждут во дворце губернатора! Или в ратуше... Или на площади.

— Я найду в монастырь святой Клары. Не беспокойтесь, не ранен.

— Комендант...

— И не называйте меня комендантом.

— В госпитале остались только тяжело раненные. Кто на ногах — во дворце, простые —

на площади.

— Тем лучше. Если весь город на площади, может быть, меня не заметят.

— Вас не заметят?! — стражник только развёл руками.

— Ну, хотя бы не остановят, — он тронул поводья, не глядя на покачавшего головой стражника.

Наблюдая за уезжавшим сеньором, стражники посоветовались и решили всё-таки предупредить капитана Энрикеса.

В монастыре дон Себастьян очутился через четверть часа. На улицах людей было мало, но те, кто был, ему кланялись, а он притрагивался рукой к шляпе. Быстро тут не проедешь... Никто его не ждал, монахини и раненые удивились, но очень обрадовались.

— Поздравляем, сеньор комендант!

Наверное, раз десятый инквизитор попросил больше не называть его комендантом.

— Но, дон Себастьян, это ваша должность по праву! — воскликнула одна из монахинь. — Говорят, вы решили вернуться на военную службу?

«Наши монахини не совсем удалились от мира...», — подумал он, а вслух спросил:

— Могу я засвидетельствовать почтение матери Анхелике и поблагодарить её за наш госпиталь?

— О, сеньор, мать Анхелика сейчас во дворце губернатора. Она была совершенно уверена, что встретит вас там. И все уверены, что в должности вас утвердят, если, конечно, вы не уедете, — она вздохнула, — в Тевору.

Мысли сеньора де Суэда были не таковы, чтобы в святом месте произносить вслух то, что он думал. Сказал просто:

— Я поговорю с ранеными и с теми, кто за ними ухаживает.

— Как вам угодно, сеньор.

Вместе с хирургом дон Себастьян обошёл раненых, справился о здоровье, а глазами искал Инес. Почему её нет? Под конец спросил прямо.

— Сеньорита Рамирес покинула госпиталь?

— Нет, она готовит лекарства в другом конце патио.

— Я побеседую с ней.

— Зачем? — хирург чуть за голову не хватился, но остановить сеньора не смог.

Инес знала, конечно, что госпиталь навестил комендант, предпочёл проведать раненых, а не принимать почести во дворце губернатора. Ни капли не удивилась, но лишь краем глаза посмотрев на него, предпочла спрятаться. Вспомнилось, как с утра, сразу после победы, прибежал Санчо.

Он был в новом мундире, держался героем, всех поздравил и принял поздравления, а потом подошёл и к Инес.

«Здравствуйтесь, сеньорита!»

«Здравствуйтесь, и поздравляю вас, сеньор Санчо!» — ей было совсем неуютно под его восторженным взглядом.

Девушка опустила глаза, а бывший мастеровой сразу сник.

«Понимаю...» — тихо он протянул. «Вы, конечно, мне благодарны... Прошу вас, молчите. Я знаю — я всего лишь спас вашу бабушку, а вы грезите о том, кто спас город».

Инес стало больно, она быстро присела в поклоне и, не прощаясь, ушла, почти убежала.

Теперь девушка пряталась в патио, в уголке, отгороженном можжевельником, и тихонько толкла в ступке лекарство. Она слышала каждое слово. Узнала — комендант хочет поговорить с ней. Зачем? Её это только измучит, а он не должен догадываться. Но нечего делать, девушка встала навстречу мужчине и поздоровалась.

— Сеньорита Инес, я пришёл поговорить с вами, — он смотрел на Инес прямо, слегка улыбаясь, и погрозил пальцем тёршемуся о его ноги Негрито.

Девушка чуть не простонала: «Зачем?», но сдержалась:

— Что вам угодно?

— Повторить вам слова, которые недавно сказал. Вы необыкновенная девушка, сеньорита. Я никогда таких не встречал.

— Вы это помните? — ахнула юная травница, — я думала...

— Помню каждое слово, и ни одно не возьму назад.

Она распахнула глаза, еле дышала, не верилось, что ей не снится очередной сон... Мужчина шагнул ей навстречу, но его вдруг окликнули.

— Дон Себастьян, вот вы где! Вас все ищут!

— Дон Фернандо! — впервые дон Себастьян был не рад видеть друга. — Как ваша рана? — он процедил тоном, которым попросил бы капитана поскорее убраться.

— Пустое... Вас ищут!

— Кто и зачем?

— Дон Себастьян, — капитан, наконец, рассердился. — Вы сейчас нужны всем!

— Я сам себе, представьте, иногда нужен!

— Слышите, в ворота стучат!

— Госпиталь хоть могли бы оставить в покое! Пойдёмте!

Прежде чем последовать за капитаном, дон Себастьян серьёзно сказал Инес:

— Простите меня, сеньорита. Я скоро вернусь, и мы продолжим наш разговор.

Последние слова слышали дон Фернандо и спешившая навстречу мужу донья Елена. Капитан остолбенел, а инквизитор об него едва не споткнулся.

— Вам нужно в постель, дон Фернандо!

— Вы... Зачем вы собрались разговаривать с сеньоритой Рамирес?

— Вы против?

— Вы разве не понимаете? Невозможно!

— Я хочу поговорить с сеньоритой, потому что мне есть что ей сказать. Почему невозможно?

От растерянности дон Фернандо только хватал воздух ртом, как рыба, выброшенная на берег, а разозлённый дон Себастьян продолжил:

— Почему? Или... — он замер. — Сеньорита помолвлена?

— Я не знаю, — ответил капитан, запинаясь.

— Тогда почему? — дон Себастьян говорил тихо и яростно. — Почему мне нельзя поговорить с порядочной девушкой благородного происхождения? Здесь, где нас видят? Вы видите в этом дурное?

— Нет, но... — дон Фернандо еле смог говорить, заодно и подумал: за дурное слово о сеньорите он получит от друга вызов на поединок, или, без затей, кулаком.

Инквизитор не стал дожидаться ответа и быстрым шагом направился к выходу из

монастыря, где его поджидал незнакомый ему суровый сеньор в окружении нескольких стражников.

Супруги Энрикес обменялись изумлёнными взглядами. Первым собрался с мыслями капитан:

— Неужели он и правда не понимает... Или...

Жена быстро откликнулась:

— Думаю, «или».

— Ничего себе! — он присвистнул. — Дон Себастьян де Суэда и малышка... Я хотел сказать сеньорита Инес Рамирес.

— Не нам, дорогой дон Фернандо, здесь разбираться, — донья Елена хихикнула. — Что-то будет в нашей Сегилье.

— Мало нашей Сегилье осады... Но пойдём, посмотрим, что там, кто ещё не может никак обойтись без нашего де Суэда.

Тем временем дон Себастьян подошёл к поджидавшим его людям.

— Вы искали меня? С кем имею честь?

— Дон Себастьян де Суэда?

— Да, это я.

— Именем короля вы арестованы по обвинению в убийстве полковника Бернардо Альмейды.

— Что?!

Ему предъявили бумагу.

Тишина вокруг стала мёртвой. Никто не мог поверить ни глазам, ни ушам. Лицо инквизитора стало бесстрастным, как он привык за время службы святому суду. Ордер был в полном порядке, правда, причина ареста вписана другой рукой, и буквы были друг к другу теснее, чем в других строках.

— Дон Себастьян! — внушительно произнёс незнакомец. — Отдайте мне вашу шпагу.

— Невозможно! — воскликнул подоспевший к воротам дон Фернандо.

Люди, слышавшие приказ, растерянно переглянулись. Капитан Энрикес, потрясённый и бледный, схватил друга за плечо.

— Сегилья не позволит арестовать вас по вздорному обвинению!

— Молчите, капитан Энрикес! — сурово приказал ему дон Себастьян. — Я не для того защищал этот город, чтобы подвергнуть его опасностям бунта! — и прибавил одними губами: — Об Инес позаботьтесь... — затем спокойно отстегнул шпагу и вручил её приставу. — Разумеется, я отрицаю свою вину, но не намерен сопротивляться аресту.

— Сеньор... — пристав, только что прибывший в город, был впечатлён уверенностью и достоинством кабальеро. — Я не вижу причины связывать ваши руки. Пойдёмте.

Дон Себастьян ушёл в окружении стражников. Шёл, арестованный, по улицам города, который видел в нём своего защитника и героя. Люди шумели, волновались и переглядывались. Пристав, не зная причины, удивлённо смотрел вокруг и почувствовал смутный страх. Арестованному пришлось его успокоить:

— Вам не будут препятствовать без моего приказа, а я даю слово — никогда не отдам его.

Пристав совсем запутался, но успокоился. Даже сказал:

— Я сегодня же о вашем аресте доложу коменданту. Вы знаете, каким уважением в Сегилье пользуется комендант, которого называют спасителем города. Он наверняка ценит

и ваши заслуги во время осады, может быть, станет для вас поручителем.

За разговором они не заметили, как один из стражников, прибывший в Сегилью после осады, чуть отстал и в ужасе вскрикнул:

— Чёрный кот! Чур меня! — и со страху швырнул в него алебардой.

В глазах Негрито вновь была темнота.

Тем временем в монастыре супруги Энрикес едва могли отбиваться от вопросов о том, что случилось. Дон Фернандо еле стоял на ногах — от волнения открылась рана, и его супруга быстро отогнала всех от мужа.

— Мы знаем не больше, чем вы! У моего мужа начнётся вот-вот лихорадка! Мы сейчас едем домой, и с нами поедет сеньорита Рамирес! Будет нашей гостьей, заодно приготовит лекарство.

Решительной даме не мог сопротивляться никто. Возражения бледной Инес донья Елена и не подумала слушать.

— У меня нет времени. Поедете с нами, или я прикажу вас похитить, — а на ушко девушке сеньора шепнула: — Я исполняю приказ того, кто всю осаду отдавал здесь приказы. Извольте слушаться, сеньорита.

Уже в карете измученный дон Фернандо сказал жене:

— Ты, как всегда, правильно всё поняла, — помолчав, он убеждённо прибавил. — Или.

33. Палач

Я очнулся от темноты, как будто мигнул. Оглянулся, прислушался. Мой город, моя дорогая Сегилья растерянно волновалась. Никто не поверил, что наш защитник и комендант — гнусный убийца. Друг другу шептали — интрига, позор! Потом пошли и другие слухи. К сеньору де Суэда могут применить допрос с пристрастием! Невероятно, немыслимо! Знатные сеньоры и простолюдины, забыв все различия, шли к дворцу губернатора, но герцог не принимал никого — он уже был в здании инквизиции. Повсюду по городу были новые стражники — прибывшие после осады на кораблях, пришедшие по дороге, не знавшие, что случилось. Им объясняли, а они пожимали плечами. Пытались остановить капитана Альвареса, но он клялся: тоже не понимает, что происходит. Под угрюмыми взглядами этот комендант ускакал прочь. Наконец, к вечеру из здания инквизиции вышел палач. Всю осаду он жил в своём домике рядом с предместьем — его даже мовры не тронули, и не достал камнепад, а утром после осады мастер Антонио, как ни в чём не бывало, пришёл в здание инквизиции. Незадолго до того, как стемнело, он возвращался домой. Перед ним, как обычно, все расступились. Высокий и очень сильный, палач шёл, не глядя ни на кого. Неожиданно какая-то сеньора к нему обратилась:

— Сеньор Антонио, не желаете ли пообедать в моей таверне?

Палач резко к ней обернулся, глаза его вспыхнули и тотчас погасли. Он коротко хохотнул и пошёл дальше своею дорогой. Перед ним опять расступались, больше не пытаюсь остановить. Я подслушал:

— Говорят, палачи умеют пытаться так, что искалечат, или так, что человек останется жив и здоров. Только что ему? Он — как прикажут.

— Может быть, деньги?

— Что ему наши деньги... Знатные сеньоры между собой будут решать судьбу нашего коменданта. Что здесь мы?

— Что с нами было бы, если б не наш комендант?

— Будем ждать...

На площади устроен был фейерверк, но праздновали те, кого не было во время осады. Я держался от них подальше, а потом побежал за ворота, в дом, что стоял на отшибе.

Больно было видеть разгромленное предместье. Я старался поменьше крутить головой и скоро добрался до домика палача. Помяукал возле калитки. Ждал долго.

Хозяин открыл и угрюмо сказал мне:

— Снова к Гомеру? Он не желает с тобой водиться... — присмотрелся, добавил: — Нет... Ты сегодня ко мне. Проходи.

Он сел в своё кресло, из которого был виден закат. Я приблизился к его ногам, не смея забраться к нему на колени, и муркнул. Гомер подошёл, фыркнул с презрением, но не стал меня прогонять. Важно лёг рядом. Мастер Антонио на меня посмотрел, поднял и положил к себе на колени.

— Что, Негрито, у тебя случилась беда? В беде твой хозяин? В беде. Не знаю, что от него нужно знатым сеньорам, только мне не нужно от него ничего. Пусть его называют: спаситель Сегильи, а мне что за дело?

Я вздрогнул, а нелюдим снова заговорил, глядя на закатное солнце.

— Знаешь, Негрито, как становятся палачом? И я не знаю, как стал палачом мой

прапрадед. Я родился в семье палача. Рос один. Дети соседей от меня убегали или кидали в меня палки и камни. Даже драться со мной не хотели. А знаешь, как женятся палачи? На приговорённых. Мою мать приговорили к виселице за воровство. Бабку — за то, что убила своего мужа. Мне, был моложе, ведьмочка одна приглянулась. Но она предпочла мне костёр... От меня требуют, чтоб я женился... А мне плевать.

Я лизнул его руку, а он погладил меня и продолжал.

— Твой хозяин за то время, что он в Сегилье, не сказал мне ни одного резкого слова. Но он презирает меня, как все эспанцы. Он спас этот город, ты думаешь, я ему благодарен? Мне наплевать! Пусть провалится этот город вместе со своими защитниками!

Я заплакал. Я не мог говорить, только тёрся о его руки, лизал их, смотрел палачу прямо в глаза, а он молча гладил меня. Потом произнёс:

— Ты так его любишь, Негрито?

Я робко мяукнул. Палач вздохнул и посмотрел на своего Гомера. Тот поворчал, отвернулся, потом взглянул на меня, поджал лапы и равнодушно прикрыл глаза.

— Что будем делать, Негрито? — мастер Антонио поднял меня на высоту своих глаз. — Не плачь, мой малыш... Я ничего не сделаю ради людей... Но ради тебя я это сделаю, мой хороший Негрито! Выйдет из моих рук жив и здоров твой дон Себастьян. Я... постараюсь. Попробую. Есть у меня одна задумка. Только ради тебя. Ступай же.

Палач поставил меня на землю и проводил до калитки. Я шёл, но лапы мои заплетались. Прилёг отдохнуть.

Темнота.

34. Первый допрос

Следователю инквизиции были отлично известны порядки святого суда. Совершенно не понимая, на каком основании зиждется обвинение, он постарался взять себя в руки и припомнить, что знал о допросах с пристрастием, которые сам ни разу не применял. В первый день, по протоколу, обвиняемого только допрашивали. Показывали орудия пытки. Уговаривали и грозили. Во второй допрос был суровее, но только на третий обвиняемого могли подвесить на дыбу. Так обращались с простолюдинами. С дворянами — крайне редко, но дон Себастьян совершенно не был уверен, что увидит почтение к своему роду. Арест стал для него полной неожиданностью и загадкой. Глядя на ордер, он понял: убийство дона Бернардо — всего лишь предлог, но какова же причина? Мечь губернатора? Интриги в святой инквизиции? Сеньор де Суэда за три года перестал обольщаться насчёт царивших в святом суде нравов. Волновало следователя и другое — что с доном Рикардо? Без согласия великого инквизитора даже именем короля было бы невозможно выписать ордер на арест следователя инквизиции, хотя формально обвинение было в компетенции светских властей.

Бросив гадать, дон Себастьян постарался сосредоточиться на том, как, если придётся, лучше подготовиться к пыткам. Вспомнил, что ему говорили на этот счёт палачи, лекари, опытные инквизиторы. По спине пробежал худший враг — холодок, свидетельствующий о страхе. Слегка затошнило. Отставить. Возможно, на несколько дней арестованного вовсе забудут, вернее, сделают вид, что забыли. Этот приём следователю тоже был отлично известен.

Нужно постараться уснуть. Утром — спокойно умыться. Интересно, пришлют ли цирюльника?

Глядя на темнеющее окно, арестованный пытался ещё припомнить материалы по делу об убийстве дона Бернардо. По-прежнему не мог найти ни единой зацепки. Но хотя бы уснул.

Утром дону Себастьяну позволили привести себя в порядок и отвели в прекрасно знакомую ему допросную. Обычно допросы по делам об убийствах вели в городской тюрьме, но сеньор де Суэда лично постарался наиболее серьёзные дела перевести в ведение инквизиции, к тому же, членов святого суда по любым обвинениям допрашивали только здесь. В допросной было многолюднее обычного. Как всегда, рядом с дыбой сидел мастер Антонио. За столом восседали лично губернатор, герцог Армандо Медина, чему дон Себастьян, как ни странно, не удивился, отец Николас, неизвестный следователю довольно молодой инквизитор с пухлыми щеками, должно быть, прибывший из столицы, и, полная неожиданность — дон Диего, граф де Гарофа. Сбоку пристроился Менго.

Обвиняемый поздоровался с членами суда и попросил представить ему незнакомца. Тот фыркнул:

— Мы не на светском приёме!

Герцог, старательно глядя в сторону, тем не менее назвал имя:

— Сеньор Лопес. Следователь инквизиции из столицы. Он привёз ордер на ваш арест.

— С незаполненным обвинением?

— Как вы смеете! — воскликнул следователь из столицы.

Губернатор вздохнул:

— Вы ещё не привыкли к нашему де Суэда.

Сеньор Лопес наставительно произнёс:

— Знатный род не станет помехой правосудию святой инквизиции. Дон Хуан де Монтеро, сейчас исполняющий обязанности великого инквизитора, дал мне строгие указания.

— Что с доном Рикардо? — взволнованно спросил арестант.

— И в этом он весь... — меланхолично отметил герцог. — Вы о себе бы подумали!

— Арестованный, конечно, надеется на высокое покровительство, — самодовольно пояснил новый следователь.

— Я говорю, вы его плохо знаете... Дон Себастьян, великий инквизитор временно отстранён по болезни. Его заместитель решил пересмотреть некоторые из последних дел, и прежде всего, допросить вас.

— Под арестом.

— На это были причины...

Обвиняемый сел на тот же табурет, где не так давно сидел казнённый разбойник.

— Какое отношение к делу имеет граф де Гарофа?

— Каков, однако, наглец! — сеньор Лопес стал закипать. — Вы обвиняетесь в гнусном убийстве! Не признаётесь? На дыбу!

— Нет-нет, сеньор Лопес, по протоколу в первый день пытаться не положено, — быстро вмешался отец Николас.

— Что значит по протоколу? Мы должны добиться признания и раскрыть это дело!

— Нет, сеньор Лопес! — в кои-то веки отец Николас возвысил голос в допросной. — Я не спорю со следователями. Я готов подписать обвинение. Я лишь в крайних случаях возражаю против применения пыток. Но нарушать протокол — невозможно!

— Мы не вправе затягивать дело!

— Погодите... — проворчал герцог. — Если не оформить как надо, семья де Суэда потребует пересмотра. И дон Рикардо, когда будет здоров. И весь город Сегилья!

— Что за вздор! Простите меня, ваша светлость.

— Не верю, что дон Хуан дал указания нарушать протокол!

— Его указания мне понятны!

— Дон Диего, — спросил дон Себастьян, — вы здесь кто? Я не знал, что у вас должность в святой инквизиции.

Граф ухмыльнулся. Он был наслышан, что де Суэда запугать нелегко, и сейчас не видел причины ему не ответить.

— Сегилья была в осаде. В таких случаях возникает вопрос об измене, о превышении полномочий, многое выясняется. Вы до осады неоднократно писали о контрабанде, о воровстве при ремонте. К вам появились вопросы, разумеется, есть подозрения. Я не последний человек даже в столице, мне дано особое поручение — выяснить, возникла ли во время осады измена. У меня несколько ордеров, даже с именем дона Армандо Медины. Сеньор Лопес направлен как инквизитор, я — от светских властей. Вы человек слишком видный, разумеется, вас обойти не могли. А узнав об убийстве дона Бернардо, и что вы, несмотря на обычную вашу энергию, его не расследовали, я, разумеется, пустил в ход именно этот ордер, — подробно всё объяснив, дон Диего отмахнулся от сеньора Лопеса и с интересом стал ждать ответа.

Прежний следователь кивнул.

— Что ж, предпринятые предосторожности мне понятны. Тем не менее, отсутствие результата расследования во время осады — основание всего лишь для обвинений в халатности, но не в убийстве. Какие причины могли толкнуть меня на убийство? Губернатору отлично известно, что с доном Бернардо меня связывали если не дружба — он был намного старше меня, то самые добрые отношения.

— Куда уж добрее... — проворчал губернатор. — Покойный во всём слушал вас, а не губернатора, то есть меня.

— Хватит рассуждений! — встрял сеньор Лопес. — Пора приступать к допросу с пристрастием!

— Да погодите вы! — прикрикнул на него дон Диего и вновь обратился к арестованному. — Есть и особые основания. Мой кузен, как известно, убит был на поединке. Противника не нашли, да особенно и не искали — по всем свидетельствам, дуэль была честной, и, в интересах семьи, дело быстро замяли. Однако, дон Бернардо мог знать имя убийцы. Это могли быть и вы.

— Вздор. Мне в той части Сегильи было нечего делать.

— Вы расследовали преступления дона Стефано.

— Тогда не ввязался бы в драку.

— Вы могли, заодно, иметь личные интересы — посетить потаскушку.

— Сверьте даты, допросите охрану. И описание внешности. По свидетельствам очевидцев, противник покойного графа Гарофы был чисто выбрит?

— Это ничего не значит! — встрял опять сеньор Лопес. — Обвиняемый мог наклеить бороду и усы!

— Что?! — дон Себастьян был ошарашен. — Вы с ума сошли!

Герцог расхохотался.

— Поздравляю, сеньор! Вам удалось вывести из себя нашего де Суэда! Не моргнул, когда его обвинили в убийстве, но как только сказали, что приклеил усы — вот, пожалуйста!

— Ваша светлость, дайте нам спокойно поговорить с доном Диего. Как дальше вы себе представляете? Убийца был по каким-то причинам заинтересован в секрете и поэтому убил дона Бернардо? Крайне сомнительно, хотя... если считать это убийство совпадением с началом осады Сегильи, принять во внимание, что мне равным счётом ничего не удалось найти в архиве дона Бернардо... не бессмысленно.

— Вот и отлично всё складывается, дон Себастьян, — в глазах графа мелькнул весёлый злой огонёк. — Вы, предположим, моего кузена убивать не хотели. Могли сами признаться дону Бернардо, а он не стал вас позорить. Вы молоды и обеты не приняли, подумаешь, развлекались с гулящей девкой! Затем... у вас изменились планы.

— Вот как... — Дон Себастьян догадался. — Думаете, когда зашла речь о моей женитьбе на вдове убитого графа... Дон Бернардо не стал бы молчать.

— Верно. Поэтому вы не огласили помолвку до смерти дона Бернардо.

— И после его смерти не огласил.

— Во время осады было бы неуместно.

— И после осады не огласил.

— Даёте слово, что не собираетесь жениться на донье Эстрелье?

— Это не снимет с меня обвинений, добавит лишь обвинение в трусости.

— Я не стану вас обвинять, — весомо добавил новый граф де Гарофа.

— При всём уважении, не думаю, что ваши интересы на первом месте в Сегилье.

— Вас обвиняют только в одном. И, как вы заметили, обвинение рассыпается, если признать, что не вы убили моего кузена.

— Ваши интересы я понимаю, но почему на пытках настаивает сеньор Лопес?

— Он, как бы это сказать... — граф усмехнулся. — Слишком буквально понимает указания дона Хуана.

— Дон Хуан не мог дать ему указания из-за убийства дона Бернардо. Значит, это не единственное обвинение, а лишь предлог для ареста.

— Что ж, как хотите, — предупредил дон Диего, хотел что-то продолжить, но его перебил губернатор.

— Убийство дона Бернардо — самое лёгкое из обвинений, которое могут вам предъявить!

Граф де Гарофа весьма удивился, глянул на герцога и замолчал. Тот заявил:

— Самоуправство во время осады!

— Признаю, — пожал плечами дон Себастьян. — Будьте любезны, список составьте. Начнёте, конечно, с того, что я вас арестовал?

— Нет... — буркнул герцог, покосившись на дона Диего. — Понимаете, граф, я готов спустить ему с рук этот арест. У него просто... привычка такая, чуть что — арестовывать губернатора.

Граф посмотрел на старика очень пристально, чувствуя где-то подвох. Почему молодой комендант, дон Альфонсо, родственник герцога, позволил инквизитору этот арест? И почему губернатор предпочитает забыть серьёзнейшее оскорбление? Додумать графу не позволил дон Себастьян, который невозмутимо продолжил:

— Дальше, ваша светлость, извольте по списку.

Опять встрял сеньор Лопес:

— И колдовство!

— Замолчите! Не будьте болваном! — герцог даже заволновался. — Обвинить в колдовстве де Суэда! Эта семья держит приграничные с франками земли! Подобное оскорбление и нелепость король не допустит.

— Дон Хуан мне сказал, что никакое родство...

— Любезнейший сеньор Лопес, поверьте, для дона Хуана хватит и более осмысленных обвинений.

— Ваша светлость, я с интересом вас жду, — напомнил дон Себастьян.

Герцог задумался, а дон Диего предпочёл гнуть со своей стороны.

— Вернёмся к убийству дона Бернардо.

— Пожалуй. Точнее, к убийству графа Гарофы. Здесь все бумаги по этому делу?

Отец Николас поискал на столе.

— Нет, что-то не вижу...

— Немедленно принести! Я их просматривал, ничего особенного не заметил и не сомневался в выводах дона Бернардо. Хотя... там, кажется, были пометки. Я должен сейчас же проверить. Возможно, зря я искал в этом архиве нити, которые выведут на изменника.

— Какого изменника? — дон Диего был слишком занят интригой в столице, потому не успел за один день изучить детали осады Сегильи.

— Кто-то открыл малые ворота отряду диверсантов. Дон Бернардо был убит примерно в это же время, — пояснил дон Себастьян. — Разумеется, я связал эти события, искал одновременно изменника и убийцу.

— Вот оно что... — протянул граф. — И в таких обстоятельствах новый комендант сумел удержать город? Надо же. Браво.

— Благодарю.

Дон Диего не понял, почему его вдруг поблагодарили, а герцог пристально посмотрел в сторону и шикнул на отца Николаса.

— Не будем терять время, пока несут документы. Убить графа могли как случайно, так и намеренно. Во втором случае первый подозреваемый — его наследник.

— Что?! Как вы смеете! — закричал дон Диего.

— Конечно, вы, дон Диего, не могли лично этого сделать, с другой стороны, вы человек неглупый и состоятельный, способны действовать чужими руками.

— А ведь верно... — протянул дон Армандо.

— Молчите! Это... нелепая чушь!

— Пожалуй, — дон Себастьян пожал плечами. — Узнай полковник о том, что за убийцей графа стоит его кузен и наследник, не стал бы его покрывать. Думаю, с этой стороны ничего нового мы не выясним об убийстве дона Бернардо.

— Вы... ваша наглость неопишима! — только и смог выдохнуть дон Диего, смахнув выступивший на лбу пот и подивившись: «Надо же, я чуть сам не поверил!».

— Вот-вот... — герцог был стычкой очень доволен. — А я этого наглеца терплю уже несколько месяцев!

— Вот и бумаги! — дон Себастьян нетерпеливо долистал пачку до интересующего его места. — Всё очень кратко. Вывод — поединок между дворянами, никаких подозрительных обстоятельств. Только пометка... еле заметная на полях: «ФХМДАГБМРЛГБ».

— Что за пометка? — дон Диего казался сбитым с толку.

— Понятия не имею... нужно подумать.

— Может, это вообще не связано с делом? Дон Бернардо думал о чём-то своём?

— Нет, покойный комендант не имел привычки так обращаться с официальными документами.

Кабальеро посмотрели друг на друга и одновременно развели руками. Дон Диего заодно отмахнулся от очередного предложения сеньора Лопеса применить пытки. Сейчас графу стало действительно интересно, не таилось ли в смерти задиры кузена какого-либо подвоха. Как ни кстати пришлось наследство, и как ни томила надежда жениться на прекрасной богатой кузине, среди многочисленных грехов колдуна убийства родни не было.

— Ну вот, дон Себастьян, — с удовлетворением произнёс герцог. — Даже вам не всякий орех по зубам.

— Вы обещали огласить список моих самоуправств, ваша светлость.

Дон Диего насторожился — в тоне его соперника была ощутима насмешка, и графа не оставляло предчувствие — он упускает что-то чрезвычайно важное, важное настолько, что как ни приглядывайся, не понимаешь. Деталь? Мнение? Что такого мог натворить инквизитор во время осады? Конечно, сеньор де Суэда сложа руки не сидел, интриган достаточно был наслышан и о семье молодого человека, и о нём самом, но что именно? И почему обвинение не выдвигает молодой комендант, дон Альфонсо? Неужели по формальным причинам — капитан Альварес пока что не утверждён в должности, на которую законно заступил в исключительных обстоятельствах, но это наверняка дело ближайшего времени!

— Извольте, дон Себастьян, — герцог, наконец, собрался с мыслями. — Я не собирался

спешить с этим, пока вас обвиняют в тягчайшем преступлении, тем более что во время осады можно найти смягчающие обстоятельства, но теперь, когда дело об убийстве дона Бернардо застопорилось, перейдём к следующему. Вы подготовили доклад о найденном в башне порохе и посмели обвинить меня в халатности, граничащей с изменой!

— Да. Доклад я передал секретарю инквизиции для отправки дону Рикардо. Ваше имя упоминается среди прочих подозреваемых.

— К чёрту прочих! Как вы посмели обвинить меня?!

— Как губернатор, вы отвечали за проведение работ. Срыв оплаты подрядчикам и возникшая из-за него неразбериха позволили изменникам подобраться к башне и заложить в её подвал порох.

— Ничего себе! — дон Диего аж присвистнул, хотя для него это было совершенно нехарактерно.

— За ремонт отвечали подрядчики и лично комендант!

— Вы... — дон Себастьян порывисто вскочил со своего табурета и, опираясь о стол руками, навис над сидевшим за с другой стороны герцогом. — Хотите всё свалить на покойного дона Бернардо? Нет!

— Вы лучше подумайте о живых! О себе в первую очередь! Покойному всё равно!

— Я не позволю вам покрыть его имя позором!

Герцог хотел было ответить, но неожиданно в допросную вошёл стражник.

— Там... пришёл дон Фелис де Гарсиа. Настаивает, что у него есть важные сведения об убийстве дона Бернардо.

— Какие? — недоверчиво спросил губернатор.

— Пусть заходит в допросную! — одновременно приказал дон Себастьян.

Дон Диего хотел что-то добавить, но не успел — стражник вышел, явно исполнять приказ бывшего следователя и нынешнего арестанта. Граф так и остался стоять с открытым ртом: «Я чего-то очень сильно не понимаю».

35. Поединок

Кабальеро вошёл, поздоровался и без промедления приступил к делу:

— Дона Себастьяна обвиняют в убийстве, поскольку считают его также убийцей графа де Гарофа?

— Откуда вы знаете? — сердито спросил его герцог.

— От графа де Тевора. Он утром рассказал об этом всем офицерам: стражи, гарнизона и ополчения.

— Как узнал граф? Дон Диего! — его светлость был просто взбешён.

— Разумеется, я рассказал графу, что сеньор де Суэда, возможно, убил его зятя, — это было сутью интриги, поэтому новый граф де Гарофа нахмурился.

— Проклятие! Кто вас тянул за язык?

— Что за глупая тайна?

— Сейчас, конечно, найдётся такой, кто признается в убийстве вашего кузена, чтобы снять обвинение с де Суэда! Даже если не он убивал!

— С какой стати? — обомлел дон Диего.

— Ну кто же в Сегилье поверит, что дон Себастьян убил дону Бернардо? А за убийство на поединке никакого наказания дворянин не получит! Отчего ж не признаться?

— Но... зачем?!

— Я же сказал — чтобы снять вот с него обвинение.

Дон Диего почувствовал себя полным глупцом. Что вообще происходит в этой Сегилье? Времени на размышление ему не дал дон Фелис.

— Пишите в свои протоколы — я убил графа де Гарофа, на поединке. Сразу признался дону Бернардо, и мы с ним договорились — разгласить моё имя в том случае, если подозрение повредит невиновному человеку. Вот он, этот случай.

Кабальеро выглядел хмурым, но твёрдо продолжил.

— Глупо всё вышло. Случайно встретились на дороге и выпили вместе. Пощипали какую-то девку в таверне. Потом слово за слово... Мы даже не ссорились! Поспорили с фехтовании! А спьяну взяли за шпаги, не спросив про рапиры. Думали, два дурака, в худшем случае обойдётся царапиной, но граф, как оказалось, выпил ещё больше за картами. Мы едва успели начать, как он споткнулся и налетел на мою шпагу! Это был скорее несчастный случай, чем поединок. Никакого преступления я не совершил, но сожалею.

— Пойдите, пойдите... В бумагах дону Бернардо сказано — поединок! И что победитель двигался очень быстро.

— Свидетелями были простолюдины, сидевшие в той таверне. Что они понимают!

— Дон Фелис, я не уверен, что мы можем принять ваши показания, — герцог настаивал.

— Вы с ума сошли, ваша светлость! Я готов поклясться как дворянин!

— Ваши показания расходятся с тем, что записано у дону Бернардо.

— Что там записано, чёрт побери?!

— Вот, пожалуйста, хозяин таверны: «Кабальеро двигались быстро, как молния! Град ударов, сломали три стула, три двери и разбили тридцать бутылок».

— Ну да, я через дону Бернардо передал возмещение этому плуту, на которое можно купить три таверны!

— А вот показания той самой девки: «Такие щедрые, благородные кабальеро! И оба так

влюблены! Ради меня насмерть биться были готовы! Ах, как они бились! Как африканские львы!»

— Вот... девка!

— Видите, дон Фелис, при таких обстоятельствах ваших слов недостаточно.

— Я настаиваю! Слово дворянина против вздора хозяина таверны и гулящей девки!

— Его Величество требует щепетильного отношения к простолюдинам. И что их слова невозможно отбросить.

— Тогда я обращаюсь к королю!

— По инстанциям.

— Ваша светлость, я не понимаю, какого чёрта...

— Раз не понимаете, то ступайте!

— Менго, ты всё внёс в протокол?

— Разумеется, дон Себастьян, как положено!

— Как вы смеете опять здесь распорядиться! — накинулся на обвиняемого герцог. — Хотя кому я говорю это... Эй, ты, вырви лист из своего протокола!

— П-п-простите, ваша светлость... — осмелился заговорить отец Николас. — Книга, где ведутся все записи, прошита, пронумерована, подписана и запечатана. Вырвать лист невозможно.

— Кем запечатана?!

— Следователем инквизиции...

— Дон Себастьян... Вы...

— Что вас смущает? — арестованный усмехнулся, заодно вспомнив, как из-за Хосефы Родригес бедному Менго пришлось несколько раз расшивать и заново запечатывать книгу.

Дон Диего уже догадался, почему герцог хочет подольше подержать под арестом сеньора де Суэда, что ему было на руку, поэтому подыграл.

— Дон Фелис, судя по записям дона Бернардо, схватка была нешуточной. Мой покойный кузен был мастером фехтования. Убить его на поединке мог только мастер.

— Я, знаете, тоже неплохо фехтую. Потому и загорелся в тот вечер. Граф редко бывал в Сегилье, и мы как-то не успевали с ним договориться о поединке, на рапирах, конечно. А тут такой случай! Будь мы трезвы, бедой бы не кончилось.

— Да? — и граф, и герцог заинтересовались.

— Ну да! — раздражённо бросил им дон Фелис. — Хотите убедиться в моём мастерстве фехтования? Да хоть сейчас!

— Почему бы и нет... — герцог в молодости считался изрядным задирой, отлично шпагой владел, а, состарившись, смотрел на поединки с большим удовольствием.

Граф с ним согласился. Из-за полученного в детстве увечья он не достиг в фехтовании тех высот, что его покойный кузен, тем не менее, по мере сил дон Диего тренировался и, пожалуй, его мастерство было выше, чем среднее. Аристократы переглянулись и уставились на арестанта. Первым не выдержал герцог.

— Есть у нас тут один... Говорят, тоже мастер.

— Я не против размяться, — правильно понял их дон Себастьян. — В инквизиции есть рапиры, а во дворе — подходящая тень. Вам, дон Фелис, нужно несколько минут осмотреться, вы здесь ведь впервые.

— А потом вместе выпьем... — пробормотал кабальеро, не ожидавший подобного поворота. — Чёрт знает что...

Во дворе противники поклонились друг другу, встали в позиции и начали поединок. Им обоим так же, как зрителям, скоро стало понятно — бой окажется интересным. Кабальеро решительно атаковали и защищались. Двигались быстро, ловко, уверенно. Оба были сильными и гибкими, примерно одного роста. Герцог и граф потихоньку обменивались комментариями.

— Дон Фелис — прямо тигр! Обратили внимание, какой элегантный выпад?

— А дон Себастьян отразил его еле заметным движением кисти! Пожалуй, он порасчётливее.

— Дон Фелис тоже продумывает на несколько ходов вперёд!

— Чёрт побери, если дон Себастьян не разгадывает каждый его манёвр! Теперь он атакует!

— А, дон Фелис не так прост! Ушёл в глухую защиту, и... стремительная атака! Нет, вы только гляньте, какая красота!

— Интересно, кто дольше продержится в таком темпе...

— Даже не знаю, на кого ставить... Великолепное зрелище! Давно не получал такого удовольствия.

— Смотрите, об этом приёме я только читал! О, отражён ювелирно! Верю, дон Фелис стал бы достойным соперником для моего кузена.

Спустя несколько схваток кабальеро были ещё полны сил и желания продолжать. После небольшой передышки они снова взялись за рапиры. В это короткое время в голове дон Фелиса бродили разные мысли. Он всем существом осознавал абсурдность ситуации, в которой оказался. Как порядочный человек, он признался в своём глупом поступке, сделал бы это ради любого, не говоря уж о том, кого он и весь город привыкли называть комендантом. Кабальеро был совершенно уверен — его признание покончит с гнусным обвинением против героя Сегильи, и никак не ожидал, что подтверждать свои слова придётся демонстрацией достижений в искусстве фехтования. В довершение всего, в его противника влюблена девушка, из-за которой дон Фелис потерял если не голову, то интерес к другим представительницам прекрасного пола. И что этот герой? Ему грозит допрос с пристрастием, а он с увлечением фехтует, будто на поединок любуются дамы, а не обвинители.

Дон Фелис сам себе казался спокойным и сосредоточенным, не понимая, как в нём растёт раздражение, злость, некстати вспоминаются слова безответно любимой девушки: «Он человек, из плоти и крови, а ведёт себя, будто сделан из стали», и мутное, недостойное желание проверить, всегда ли этот человек способен себя вести, будто сделан из стали.

Новая схватка выплеснула затаённые чувства. Дон Фелис повёл бой агрессивнее, рукой его вела ярость, и спустя несколько минут он почувствовал удар в грудь, а потом увидел, как ему салютует улыбающийся комендант.

— Благодарю вас, дон Фелис! Давно не встречал я столь достойного противника. Жаль, что после передышки вы поддались азарту, а то мы ещё долго бы не закончили. Может быть, даже, — дон Себастьян подмигнул, — победа досталась бы вам.

«Хорошо, пусть это будет азарт...» — подумал про себя дон Фелис. Ему было стыдно за свою вспышку. Вслух кабальеро сказал:

— Надеюсь, ваши обвинители теперь убедились в правдивости моих слов, и вы будете сегодня же освобождены.

— Вряд ли, — на удивление спокойно ответил дон Себастьян. — В ордер вписан повод, а не причина моего ареста, — и, заметив, что герцог и граф увлечённо обсуждают детали поединка, шепнул: — Порох.

Дон Фелис сразу догадался, о чём речь. Все в ополчении знали о том, что изменники планировали подорвать старую башню, и тогда для мовров был бы открыт проход в крепость. Губернатор отдавал больше времени своей коллекции, чем исполнению прямых обязанностей, и теперь, разумеется, боялся расплаты, а потому воспользовался случаем устранить свидетеля. Проклятие! Коменданту грозит серьёзная опасность, а он фехтует и улыбается как ни в чём не бывало. Точно сделан из особого теста или свалился с луны. Или все де Суэда такие?

Обвиняемый, свидетель и обвинители вернулись в допросную. Навстречу им вскочили сеньор Лопес и Менго, смущённо дожёвывавшие хлеб с ветчиной. Инквизитор попытался придать себе величественный вид, но это плохо вязалось с его щеками, ещё более пухлыми из-за недоеденного куска. Кое-как проглотив остатки своего обеда, сеньор Лопес потребовал перейти к делу:

— Итак, показания свидетеля противоречат материалам...

— Стойте! — дону Себастьяну пришла в голову догадка. — Дон Фелис, прошу вас, назовите ваше полное имя! — спросив, молодой человек опустил глаза к записям дона Бернардо об убийстве графа де Гарофа.

Не задавая лишних вопросов, кабальеро ответил:

— Фелис-Хосе-Мария-Доменико-Алонсо-Габриэло-Бартоломео-Мигель-Рамиро-Леонсио де Гарсиа-и-Бланес.

— Всё сходится! Дон Бернардо оставил в своих записях ваши инициалы. Надеюсь, сеньоры, теперь сомнений в правдивости показаний сеньора де Гарсиа не остаётся?

Обвинители сквозь зубы вынуждены были признать справедливость его слов. Дон Фелис искренне обрадовался.

— Сеньор де Суэда может быть свободен?

Ему ответил дон Диего:

— Нет, дон Фелис. Он свободен только от обвинения в убийстве графа де Гарофа.

— Но какие ещё есть причины обвинять его в убийстве дона Бернардо?

— Сеньор... святой суд не обязан отчитываться перед вами!

— Ну, знаете... это переходит всякие границы!

— Прошу вас, дон Фелис, покинуть здание инквизиции.

— Но...

— Дон Фелис, поверьте, вам лучше уйти, — спокойно сказал ему дон Себастьян.

— Слушаюсь... — он чуть не сказал: «комендант», но вспомнил, что после осады инквизитор потребовал не называть его комендантом.

Не понимая, как самому играть роль в неизвестной игре, кабальеро сделал, что ему приказал человек, отдававший приказы во время осады. Коротко поклонился и вышел. По крайней мере, он всему городу может сказать: не верьте обвинению против героя Сегильи.

36. Именем короля

Допрос закончили перед обедом сеньоров. Герцог и граф решили, что с них на сегодня довольно. Дон Диего был раздосадован, что сорвалось главное для него обвинение, а герцог понял — придётся теперь пустить в ход то, о чём он предпочёл бы молчать. Дона Себастьяна отправили обратно в камеру, хотя и далеко не худшую в инквизиции.

Его светлость не хотел возвращаться в свой дворец через волнующийся город. Он написал записку расположившимся у него адмиралу и капитанам флота, просил извинить. Написал и племяннику, несколько раз докучавшему дяде глупыми вопросами об обвинении, как он говорил, коменданта. Молокосос не понял ещё, что он сам комендант. Велел посторонним не сообщать о самозваном коменданте, в его же собственных интересах, и принимать гостей во дворце как можно любезнее.

Дон Армандо хотел всего лишь скорее замять дело о выявившихся во время осады огрехах своего губернаторства, и был бы рад отпустить человека, которому обязан если не жизнью, то свободой, но не представлял, как, не прибегнув к аресту, заставить молодого де Суэда молчать. Мысль о недовольстве короля, возможно, крупном штрафе и даже тюремном заключении нравилась герцогу не больше, чем грозивший ему ранее плен у мовров и ожидание выкупа. Интересы герцога удачно совпали с желанием дона Диего избавиться от соперника за руку наследницы графа Теворы, и с интригами в святой инквизиции, на пост главы которой рвался заместитель дона Рикардо.

Тем не менее герцог отдавал себе отчёт, что друзья дона Себастьяна, а главное — его потенциальный тесть, крайне возмущены несправедливостью в отношении человека, без преувеличения, спасшего город. Значит, следует действовать быстро, причём из-за спины графа де Гарофа и сеньора Лопеса.

Пока его светлость невесело прикидывал, что ему говорить на завтрашнем допросе и как повлиять на молодого упрянца, ему доложили: капитан Энрикес требует принять его.

— Требуется? Да кто он такой!

— Он требует именем короля!

— С какой стати?

— Не могу знать!

— Предъявил документы?

— Нет, но очень настойчив. Говорит, объяснит причину вам лично.

— Ладно, лучше выслушаю, почему он осмелился что-то требовать именем короля.

Капитан был бледен, ещё слаб после ранения, но глаза его горели возмущением и упрямством.

— Дон Армандо, объясните, по какому праву дон Себастьян де Суэда до сих пор под арестом?

— По какому праву вы пришли за объяснениями?!

— Именем короля!

— Кто вы такой, чтобы требовать именем короля?

— Фернандо Энрикес.

— И... постойте... — герцога поразила догадка. — Вы... не может быть... Вы из тех самых Энрикесов?

— Младшая ветвь.

Дон Армандо лихорадочно перебирал в голове всех, кого знал из Энрикесов в королевской родне, потомков признанного пару сотен лет назад бастарда.

— Вы... сын Гонсало Энрикеса?!

— Да.

— Нет... нет... постойте! Дон Фернандо Энрикес состоит на придворной службе! Я знаю!

— При дворе служит просто Фернандо Энрикес.

— Вы... — он взгляделся в лицо капитана, оставил сомнения и сипло спросил. — Почему в городе не известно об этом?

— Зачем?

— И вы всю осаду выполняли приказы этого де Суэда?

— У меня нет военного опыта. Сначала в пажах, потом придворная служба. Три года назад, с разрешения короля, пригласил на своё место тезку-однофамильца, а сам перебрался в Сегилью.

— Он знает?

— Зачем? — губы капитана тронула лёгкая улыбка. — Уверяю вас, ему всё равно. Я польщён доверием коменданта, для которого я просто дон Фернандо Энрикес. В Испании много Энрикесов, и дон Себастьян не из тех, кто станет их разбирать.

Герцог сел и вытер ладонью проступивший на лбу пот. Дон Фернандо может оказаться опаснее, чем сам граф Тевора.

— Понимаете, дон Фернандо... полномочия дона Диего подписаны королём, не говоря уж о полномочиях инквизиции, то есть сеньора Лопеса.

— Не морочьте мне голову. Ваше желание — замять дело о порохе. Если вы затянете освобождение дона Себастьяна, или к нему применят пытки, я встречу с королём и расскажу ему всё без утайки. Его Величество ждёт в Сегилье через два дня. К сожалению морем, иначе я и граф Тевора выехали бы ему навстречу.

«Слава богу, что морем», — мрачно подумал герцог.

— Вы знаете, — продолжал дон Фернандо, — во мне лишь несколько капель королевской крови. Я не принц и даже не гранд. Но король не откажет мне в аудиенции и поверит мне на слово.

«Одни неприятности с этими де Суэда»...

Вслух губернатор сказал:

— Сделаю всё, что смогу.

— Это в ваших же интересах. До свидания, дон Армандо.

37. Второй допрос

На другой день губернатор был настроен решительно. Он понимал, что именно этим днём должен добиться молчания дона Себастьяна де Суэда, но нельзя применять к нему пытки. Дон Армандо почти с отвращением смотрел на красивое лицо своего противника, доставившего ему столько неудобств. Допрос старый аристократ начал сам:

— Итак, дон Себастьян. Вы решительно отрицаете, что комендант крепости ответственен за ход ремонтных работ?

— Я настаиваю: поскольку ремонт финансируется из городской казны, находящейся в вашем ведении, то при задержке обещанной оплаты вина должна быть разделена между военной и гражданской властью. Кроме того, раз в город попал контрабандный порох, то и надзор за торговцами был недостаточным.

Граф Гарофа угрюмо наблюдал за перепалкой. Это никак не укладывалось в его планы. Разбирательство по поводу городских башен не давало ему никакой пользы в продвижении собственных интересов. Виноват в первую очередь дон Бернардо или дон Армандо — совершенно неважно для графа Теворы и не повлияет на его желание сделать своим зятем дона Себастьяна. То, что герцог пока не возражает против ареста молодого де Суэда, конечно, на руку дону Диего, но сколько может продолжаться это беззаконие? Де Суэда не простолюдин, у него влиятельные друзья. И он сыграл определённую роль во время осады, наверное, заслужил похвалу, хотя детали дону Диего не показались особенно впечатляющими. Накануне граф поговорил с доверенным слугой, во время осады остававшимся в много лет снимаемом семьёй де Гарофа особняке. На прямые вопросы о доне Себастьяне этот человек отделялся парой фраз, а потом переводил разговор на коменданта, о котором отзывался с благоговением, и смотрел на своего сеньора как-то странно, чуть ли не строго, как будто граф в чём-то провинился перед доном Альфонсо.

Дон Диего, возможно, до осады в присутствии слуг язвил по поводу бестолкового франта, из-за этого, что ли? Ну что ж, все насмешливые слова в адрес капитана Альвареса граф готов взять назад, и, пожалуй, был не прочь познакомиться ближе с так неожиданно себя проявившим щёголем. Герцог может гордиться родственником, жаль, что Альваресы — его родня с материнской стороны, не наследники. Но дону Диего всё это было не более, чем любопытно. О всерьёз интересовавшем его сеньоре де Суэда он узнал лишь, что тот разбирался с ремонтом башен, посещал госпиталь и как-то участвовал в обеспечении города продовольствием. Наверное, было что-то ещё. Бывший офицер, конечно, служил в ополчении, может быть, участвовал в вылазках, но, очевидно, не выделялся среди многих других, таких, как дон Фелис де Гарсиа. Достоин, но не более. И что с этим делать?

Пока граф пребывал в своих мыслях, лениво слушая, герцог и инквизитор продолжали ожесточённый спор.

— В полномочиях дона Бернардо было остановить ремонт и полностью перекрыть подход к башне! — кричал герцог.

— Тогда вы первый обвинили бы его в срыве работ!

— Дон Себастьян, проявите хоть каплю благоразумия! Всю осаду вы делали то, что считали нужным! Неужели не понимаете, что из-за вашего двусмысленного положения к вам возникнет множество вопросов! Да хоть у подрядчиков этого ремонта, которых вы без разбирательств заперли в тюрьме инквизиции.

— На это я имел полное право. Как и на арест других подозрительных горожан.

— А вот сейчас сеньор Лопес как раз и расследует, кого вы были вправе или не вправе арестовать! Да, сеньор?

— Я уже отпустил и подрядчиков, и торговца, сеньора Гильермо Фуэнтеса. Вы допустили грубую ошибку, арестовав их.

— Надо же! Что ещё, сеньор Лопес, вы решите мне предъявить?

— Во время осады не был обеспечен должный правопорядок.

— Это обязанность коменданта... — со вздохом протянул дон Диего. — Хоть за чем-то он не уследил, а то я уже третий день слышу сплошные похвалы ему. Вашего коменданта называют спасителем Сегилы... Можно подумать, архангел к вам прилетел со своим мечом и небесным воинством.

Граф, конечно, иронизировал, но в глубине души полагал — преувеличение не слишком сильное. Определённо, нужно как следует приглядеться к дону Альфонсо, может быть, с ним подружиться. Капитан далеко пойдёт. С учётом того, что в результате осады оказалась разгромлена целая эскадра мовров, король может пожаловать герцогскому родственнику собственный титул. Хорошо, что он помолвлен, не то граф Тевора, а то и лично король, капитана включил бы в список кандидатов в мужа наследницы графства Теворы.

Отец Николас опять хотел что-то сказать, и снова герцог остановил его. Менго тем более притих, ссутулившись над своими протоколами. Сеньор Лопес тем временем важно продолжил.

— Хотя из-за сносного обеспечения города продовольствием и строгого комендантского часа больших грабежей не случилось, некоторые особняки, оставленные хозяевами, были обворованы. Ваша прислуга, дон Армандо, дала показания...

— Ваша светлость, проверьте, на месте ли ваша солонка, — дон Диего уже откровенно смеялся.

— Пропади она пропадом, эта солонка!

— Эк вас припекло! — не удержался граф от новой насмешки и тут же заметил — действительно, так припекло, что герцог не обращает ни капли внимания ни на кого, кроме арестанта.

— Как вы ни выкручиваетесь, дон Себастьян, с донна Бернардо нельзя снять обвинение!

— И с вас нельзя!

— До чего ж вы упрямы! Даже сейчас, под арестом!

— Арест незаконен. Единственное предъявленное мне обвинение опровергнуто.

— Будет другое.

— Это смешно.

— Ах, вы смеётесь!

— Я слишком хорошо знаю последствия посмертного обвинения, если единственным виновником будет объявлен полковник Альмейда! Его вдова не получит королевскую пенсию, сын из-за позора семьи вынужден будет оставить службу, а дочь никто не возьмёт замуж!

— Вот что вас беспокоит... — герцог достал платок и промокнул лоб. — Ну, здесь можно договориться.

— Договориться? — дон Себастьян вскочил и опять стал смотреть на герцога с высоты своего роста. — О чём здесь можно договориться?!

— Завтра третий допрос, — глухо ответил герцог. — Вы знаете, что это значит, —

потом закричал: — Видит бог, я не хотел вас пытаться, но вы меня вынуждаете!

Дон Себастьян вновь сел на табурет, скрестил на груди руки и упрямо наклонил голову.

Воцарилась тяжёлая тишина. Дон Диего решил, что его всё устраивает. Сеньор Лопес, с трудом понимая происходящее, важно кивал. Отец Николас втянул голову в плечи, прошептал:

— Дон Себастьян, я, что мог, для вас сделал... Я бы рад... но мои дети, моя донья Мартина...

Неожиданно вопрос задал Менго.

— Сеньоры, простите... Вот книга, в которой сеньор де Суэда вёл записи во время осады. Везде его подпись, как следователя. Если сеньор Лопес расследует последние дела инквизиции, то, наверное, здесь всё нужно переписать?

— Ты что мелешь, Менго? — дон Себастьян удивился и поднял на него глаза.

— Прошу прощения, сеньор, я совсем запутался с этим обвинением и за ночь переписал книгу.

Инквизитор выхватил новую книгу из рук своего писаря, быстро её пролистал и, испепеляя Менго взглядом, процедил:

— Здесь ни слова о порохе!

— Наверное, я что-то неправильно понял.

— Ты всё правильно понял! — воскликнул герцог. — Не было в башне пороха!

— Что?! И вы хотите, чтобы я подписал подложные документы?

— Дон Себастьян, — его светлость сказал почти ласково. — Даже если часть вины донна Бернардо свалит на меня, оставшегося будет достаточно, чтобы вдова... ну вы понимаете.

— Я не стану это подписывать!

— Я подпишу! — неожиданно встрял в разговор отец Николас. — Дон Себастьян, ведь вы подали прошение о переводе на военную службу?

— Да. Без даты, чтобы закончить дела.

— Ну вот и отлично! — просиял дон Армандо. — Вы с начала осады не следователь инквизиции, и ничего не подписывали.

— Я арестовывал...

— Меня? Пустяки! Мне было просто удобнее жить ближе к комендатуре, в здании инквизиции. Подрядчиков и торговца арестовал мой племянник... Где ещё вы подписывались за это время как следователь?

Дон Себастьян пожал плечам.

— Чаще — именем, не указывая никакой должности.

— Превосходно! — герцог на радостях арестованного чуть не обнял, но тот отстранился. — Надо же, как всё просто!

— Да... Выходит, во время осады я был никто — просто Себастьян де Суэда.

Герцог на миг смутился, но попробовал перевести в шутку.

— Немало... К тому же, уверен, скоро ваше имя станет длиннее.

Дон Диего понял намёк, и он ему не понравился. Граф понял также, что дон Армандо готов без промедления освободить бывшего инквизитора из-под ареста. Он решил тут же остановить этот праздник.

— Кажется, сеньор Лопес хочет что-то сказать.

— Да, конечно! Вы забыли об обвинении в колдовстве!

— Что за вздор! — взревел герцог.

— Дон Себастьян в бытность следователем инквизиции допустил вопиющее надругательство над правилами и заветами святого суда! — сеньор Лопес посмотрел на дону Диего, а тот кивнул ему. — Выдал свидетельство инквизиции... чёрному коту!

— Нет, только не это... — простонал дон Армандо. — Нельзя де Суэда судить за кота... Над нами вся Эспания будет смеяться!

— А не будет смеяться... — дон Диего взял перо, стал рисовать на бумаге цветочки и между прочим заметил. — Порох-то был, его многие видели, я о нём слышал...

Обессиленный герцог почти упал в своё кресло, а граф так же небрежно продолжил.

— Завтра третий допрос. До свидания.

38. Планы

Граф де Тевора сидел за столом и разбирал письма. Заниматься делами стоило ему нелёгких усилий. Он медленно, но бесповоротно слабел, не зная наверняка, сколько ему отпущено времени на этом свете, чувствуя — мало. Главное, что он должен успеть — дочь выдать замуж. Предложения посыпались, едва она овдовела. К тому времени всем стервятникам стало известно: наследник графства Теворы не жилец, не способен иметь детей. Значит, донья Эстрелья — добыча, лакомый кусок для самого взыскательного охотника.

Разумеется, первые письма пришли от родни. Кузены, племянники пространно писали, как важно, чтобы новым графом стал человек из семьи. Дон Мигель много лет назад женился по схожим соображениям — на кузине, которой иначе пришлось бы выделить крупный земельный надел. А теперь они с женой оплакали сына и не знают, что станет с глупенькой дочерью. Письма родни граф отложил сразу в сторону.

Вельможа не смог приехать в Сегилью немедленно после гибели непутёвого зятя — сын доживал последние дни. Известие о столь же ужасном, сколь нелепом обвинении своей Эстрельи в колдовстве граф получил с опозданием, а когда, наконец, встретился с дочерью, его огорошили сразу две новости. Первая — следователь инквизиции снял обвинения, вторая — именно за него молодая вдова хочет замуж, благо он не успел стать священником. Узнав детали, граф решил — могло быть и хуже. Времени искать более подходящего зятя всё равно не было. Имелась ещё причина принять выбор дочери, о которой умирающий старик не стал рассказывать великому инквизитору: ради руки богатой наследницы всю интриговали при дворе, и в числе претендентов называли брата королевской любовницы. Пустой фат, возгордившийся и надменный, из провинциальной дворянской семьи, не имеющей перед королевством заслуг, кроме тех, которых стоило бы стыдиться.

Дон Мигель искренне уважал короля, был, как все, снисходителен к его человеческим слабостям, главной из которых стала эта женщина. Почести и богатства, посыпавшиеся на её семью, стали чувствительны для казны, хотя не чрезмерно, но наглым выскочкам оказалось мало. В награду за свои сомнительные услуги они захотели графство Тевору! Сколь бы ни был неудачен первый брак его малышки Эстрельи, второй представлялся гораздо хуже. Узнав от дона Рикардо о решительном нежелании молодого де Суэда вступить в чрезвычайно для него выгодный брачный союз, граф хотел как можно скорее покинуть Сегилью и увезти с собой дочь, невзирая на её слёзы, но помешала осада, повлекшая множество новых проблем. Осада отняла у графа такое драгоценное для него сейчас время, а избранник наследницы стал героем. Брак, первое время оцениваемый доном Мигелем как всего лишь приемлемый, становился почётным. Дочь, поначалу просто влюблённая, после осады боготворит своего избранника. Что с этим делать? Дон Себастьян, не появляясь в доме у графа даже по делу, избегая собраний, более чем внятно дал понять — по-прежнему не хочет жениться на донье Эстрелье. Почему? Прекрасная вдова ему неприятна? Или на примете другая? Ни один сплетник Сегильи не мог назвать имя какой-либо женщины, на которую комендант обращал бы внимание. Правда, во время осады ему было решительно не до женщин, а теперь вот арест по нелепому обвинению...

Мысли графа прервала его дочь. Она немного осунулась, но от этого только стала изящнее. Подошла, села рядом. Отец её обнял.

— Папа, дон Себастьян ещё под арестом! Как же так можно?

— Интриги.

— Я ни есть, ни спать не могу.

— Знаю, ты его любишь. Только он тебя ни капли не любит.

— Неужели ничего нельзя сделать, папа? Он спас город, почему его арестовали?

— Дон Диего сказал, комендант убил твоего мужа.

— Не верю.

— Я тоже. Это был просто несчастный случай на тренировочном поединке. Другой кабальеро во всём признался, но для ареста есть и другие причины.

— Какие?

— Губернатор боится, что дон Себастьян доложит королю о нарушениях, про которые узнал во время осады.

— Губернатор? Папа, но ты гранд Испании!

— Как и герцог Медина. Старый лис ловок. Офицеров флота развлекают в его дворце, а офицеры Сегильи растеряны.

— Второй день допросов!

— Вчера все были уверены — коменданта отпустят. Королевский корабль ждут со дня на день.

— Это может быть слишком поздно! — на глазах женщины выступили слёзы. — На третьем допросе пытаются!

— Откуда ты знаешь?

— Об этом говорит вся Сегилья! Я не глухая!

Разговор прервал слуга, доложивший о приходе нескольких кабальеро — офицеров гарнизона, стражи и ополчения. Граф, разумеется, попросил всех немедленно в свой кабинет.

Мужчины вошли, поклонились, не спешили начать разговор, ожидая, пока дама оставит их, но донья Эстрелья решила иначе:

— Сеньоры, прошу вас не замечать меня. В выражениях можете не стесняться — я чего только не наслушалась в доме покойного мужа.

Тратить время на споры никто не захотел, и дон Фелис де Гарсиа сразу перешёл к делу.

— Ни у меня, ни у капитана Энрикеса не получилось убедить герцога выпустить коменданта из-под ареста. К сожалению, у дона Фернандо сразу после возвращения домой началась лихорадка. Он сказал только — герцог, преследуя свой интерес, прячется за спину инквизитора и дона Диего.

— Цель дона Диего понятна. Я, конечно, его известил, что дочь ему решительно отказала, но в ответ граф переслал мне письмо из столицы о ещё худшем браке, на котором может настаивать Его Величество. К несчастью, мне не удалось убедить графа, что даже если дон Себастьян не женится на моей дочери, за него она всё равно замуж не выйдет.

Один из молодых офицеров сказал с возмущением:

— Как можно держать под арестом человека, который спас город!

— Уже спас... — поморщился дон Фелис. — Теперь на очереди у них свои интересы. Включая интерес к королевской награде.

— Думаете, дон Альфонсо...

— Капитан сейчас полностью под влиянием дяди, а у того с комендантом давние счёты. Неожиданно слуга доложил, что граф де Гарофа просит принять его.

— Значит, сегодня допрос уже кончен? Проси, — хмуро ответил хозяин.

Дон Диего не ожидал такого большого собрания, но смутить его было непросто.

— Сеньоры, приветствую!

— Когда освободят из-под ареста дона Себастьяна де Суэда? — даже не поздоровавшись, спросил дон Фелис.

— Не раньше, чем закончатся вопросы у следствия: и светских властей, и святой инквизиции, — граф ответил совершенно невозмутимо, бросив быстрый взгляд на донью Эстрелью.

— Ему не предъявлено обвинение!

— Довольно и того, что к нему есть вопросы.

— Зачем вы пришли?

— Засвидетельствовать родственное почтение.

— А мы — обсудить, что можно сделать для освобождения дона Себастьяна.

— Неужто?

Заговорил граф Тевора:

— Дон Диего, если вам нечего сказать по делу, ради которого в мой дом пришли офицеры, служившие городу во время осады, прошу вас уйти.

— Вот как? — нахмурился дон Диего. — Что ж, дон Себастьян должен быть польщён вашим беспокойством. Однако, — он усмехнулся, — раз среди вас нет вашего коменданта, то мне беспокоиться нечего, — быстро поклонившись и ещё раз посмотрев на кухню, граф вышел, про себя думая: «Дон Альфонсо не считает нужным вмешиваться в это дело. Значит, заслуги инквизитора не настолько велики, чтобы комендант пренебрёг оскорблением, нанесённым его дяде, и просил короля за сеньора де Суэда. Отлично».

После недолгого замешательства дон Фелис воскликнул:

— Он ещё издевается!

— Может быть, — с сомнением сказал молодой офицер, — дон Диего говорил о доне Альфонсо? Действительно, как ни велико влияние герцога, капитан Альварес не мог остаться равнодушным к аресту нашего коменданта!

— О ком бы ни говорил граф, молчание дона Альфонсо уже выходит за всякие границы! В первый день он мог растеряться, но сегодня — почему развлекает флотских, а не идёт в инквизицию?

— Офицеры флота, не дежурящие на кораблях, напиваются во дворце губернатора, а затем меняют дежурства! В городе их нет даже в тавернах и у гулящих девок! Герцог пообещал им роскошный приём по поводу встречи короля, а в дела города они не вникают, и ни с кем из местного общества не знакомы!

— И с ним невозможно встретиться... Слуги во дворец не пускают.

— Довольно! — решительно сказал дон Фелис. — Если бы дон Себастьян спасал город так же, как мы сейчас пытаемся выручить самого дона Себастьяна, в Сегилье давно бы хозяйничали пираты! Не знаю, намеренно ли дон Альфонсо уклоняется от встречи с офицерами Сегильи, но есть способ заставить его прийти на встречу. Я сегодня же отправлю ему вызов на поединок.

— Я тоже!

— Непременно! И я!

— Что ж, сеньоры, наверное, на сегодняшний день это лучшее, что мы можем сделать. Как я понял дона Диего, коменданта и сегодня они не отпустят.

Офицеры ушли, отказавшись от угощения. Лица у всех были хмуры. Дон Фелис слегка задержался и обратился к донье Эстрелье:

— Сеньора, простите, что я стал невольной причиной гибели вашего мужа.

— Отец мне сказал, это был просто несчастный случай, — графиня слегка наклонила голову, не улыбаясь и лишь на миг глянув на кабальеро.

Дон Фелис ещё раз поклонился и вышел, думая про себя: «Красива и влюблена. Чего ему не хватает? Быть может, Инес? Они так непохожи».

Уже у входной двери вдова догнала кабальеро:

— Простите, сеньор, я понимаю, вы очень заняты, но я не знаю, кого спросить... Отец болен.

— Что угодно, сеньора? — спросил дон Фелис очень мягко.

— Я с перепугу совсем позабыла... Тогда, до осады, в колдовстве обвинили мою камеристку. Я не думаю, что она колдунья, и дон Себастьян, наверное, снял с неё обвинения, но я не смела к нему обратиться с этим вопросом. А теперь даже не знаю... Вы, может, подскажете, как мне узнать?

— О Хосефе Родригес?

— Да, о ней. Вы знаете её имя?

— В городе называли. Не беспокойтесь. Наш комендант, как инквизитор, действительно снял с неё обвинения. Я видел её в госпитале, когда лежал там после ранения. Она ухаживала за ранеными, наверное, и сейчас живет в монастыре святой Клары.

— Благодарю вас, дон Фелис, — вдова улыбнулась еле заметно. — Я возьму её обратно на службу. Она хорошая девушка.

— Хосефа скоро выходит замуж.

— Вот как? — улыбка стала чуть радостней. — Я выделю ей приданое. Хосефа очень хорошая девушка.

— До свидания, — поклон, и про себя: «К тому же добра... Говорят, глуповата, но при виде нашего коменданта теряют голову и разумные женщины. Так кто ему нужен? Неужели Инес?» — Кабальеро почувствовал, как сердце заныло, и решительно нахмурился — не время сейчас раскисать. Нужно выручить коменданта.

39. Матримониальные интриги

Солнце лишь начало клониться к закату, когда через чёрный ход особняка, снятого графиней Гарофа, пробрался Менго, одетый стражником. Его тотчас провели в кабинет старого графа. Выглядел писарь нелепо, но сказал, что иначе ему по городу не пройти.

— Только сегодня, ваше сиятельство, в инквизиции дежурят стражники из Сегильи. Столичные меня вовсе не выпустили бы.

— Рассказывай, — нетерпеливо потребовал граф.

— Из документов убрали упоминание о порохе в старой башне, а в прошения донна Себастьяна об отставке со службы в святой инквизиции и о восстановлении на военной службе, которые он написал перед арестом, вставили дату до начала осады. Выходит, во время осады мой сеньор не был должностным лицом, поэтому его доклад великому инквизитору отец Николас забрал у секретаря, чтобы уничтожить, но... помешал дон Диего.

— Как?

— С помощью сеньора Лопеса. Губернатор теперь и рад бы отпустить донна Себастьяна, но граф грозит ему восстановить дело о порохе.

— Что нужно дону Диего, я знаю. А сеньор Лопес?

— Через слово упоминает донна Хуана. Болтает, что ни знатность, ни бывшие заслуги не должны быть помехой святой инквизиции. Он выдвинул обвинение в колдовстве.

— Что за вздор! Он не понимает, что с расплывчатыми письменными полномочиями с него будет спрос?

— Ваше сиятельство, думаю, не понимает. Он круглый дурак, поэтому смеет всерьёз говорить о пытках. Если б отец Николас не настоял на соблюдении протокола, донна Себастьяна пытали бы на первом допросе...

— Проклятие! Завтра третий допрос!

— Герцог категорически против пыток.

— Этого может быть недостаточно! Деньги?

— Ваше сиятельство, боюсь, сеньор Лопес — честный дурак.

— Попробуй. Что ещё можно сделать? Ты знаешь ваши порядки! — граф полминуты подумал. — Если убить палача, ему будет замена?

Менго захлопал глазами. Палач, в его представлении, был разновидностью беса. Простому эспанцу и в голову прийти не могло его убивать.

— Нет, что вы... Да кто ж за такое возьмётся?

— За что, за пытки или же за убийство?

— За пытки... разве что пленные мовры.

— Протокол?

— Что вы! Как можно! По протоколу — только палач инквизиции. Хотя, сеньор Лопес... Если убьют палача, это вызовет новые подозрения. А что устроит дурак... Предположить невозможно.

— Хорошо, не убить, а пусть будет пьян.

— Пьяный палач?

— Нужно хотя бы на сутки отсрочить допрос с пристрастием. Затем, я надеюсь, заставят вмешаться донна Альфонсо, наконец, придет король и прекратит беззаконие. Палачом мои люди займутся. Жаль, сеньор Лопес ночует в здании инквизиции.

— Что делать с доном Диего?

— Я ему напишу, что из-за его роли в обвинении дона Себастьяна его брак с моей дочерью не состоится ни при каких обстоятельствах. Он может, конечно же, обозлиться, но нам нужно выиграть время. Напишу, что у меня хватит влияния и его к ответу призвать за злоупотребление полномочиями, и что ему лучше бы воздержаться от оскорбления семьи де Суэда.

— Граф свалит всё на сеньора Лопеса. Извините, я простой человек и говорю по-простому.

— Из-за его увечья его и на поединок не вызвать... — стукнул кулаком по столу дон Мигель. — Главная надежда, что вызов на поединок заставит вмешаться дона Альфонсо.

— Капитана вызовут на поединок?

— Да, сегодня, дон Фелис де Гарсиа.

— Дон Фелис?

— Что тебя удивляет?

— Не то чтобы удивляет... Я только сегодня узнал от моей Хосефы...

— Что?

— Что сеньорита, в которую влюблён дон Фелис, влюблена в коменданта, возможно, небезнадёжно.

Дон Мигель вздрогнул, внимательно глянул на Менго.

— Рассказывай.

— Сеньорита Инес Рамирес, внучка травницы, ухаживает за ранеными и готовит лекарства в монастыре святой Клары.

— Постой... тёмные волнистые волосы... тонкие черты лица... глаза очень яркие. Среднего роста и с хорошей осанкой. Грациозна. Держится скромно, но не сказать, что услужливо.

Дон Мигель вспомнил и вторую девицу, наверное, эту Хосефу, которая во время посещений графом госпиталя подходила к нему, предлагая то кофе, то лимонад, и с благодарностью принимала монеты. Темноволосая же красавица, слегка поклонившись, шла мимо и не отвлекалась от своих обязанностей.

— Точно, ваше сиятельство... — Менго расплылся в улыбке. — Я, конечно, люблю свою невесту Хосефу, но не могу сеньоритой не любоваться.

— Девица благородного происхождения?

— Дочь идалго. Дон Фелис то здесь, то там своим друзьям говорил — их отцы были знакомы с офицерских времён.

— Значит, он настроен серьёзно?

— Сделал бы предложение, не влюбись сеньорита в нашего коменданта.

— Почему ты решил, что небезнадёжно? — хмуро спросил дон Мигель, не особенно удивившись.

Инес он запомнил с первого взгляда, сразу подумал — едва ли простая девица, и теперь смотрел на писаря, стиснув зубы.

Менго, слегка испугавшись, продолжил.

— Ещё во время осады комендант разозлился, когда сеньориту называли «малышкой Рамирес» — в его глазах, непочтительно.

— Пустяки. С девицами, ухаживающими за ранеными, неуместна ни малейшая фамильярность.

— Но я очень хорошо его знаю — действительно разозлился. Потом с ней разговаривал, когда она его поила лекарством. Хотя обычно он очень сдержан с красивыми дамами и девицами. Им ведь только дай повод...

— Пока — ни о чём.

— Главное, сегодня Хосефа сказала... Вы ведь знаете, коменданта арестовали в монастыре, так он приехал туда, нарочно разыскал сеньориту Инес, ей что-то сказал, она прямо вспыхнула, но тут их прервали... а после ареста сеньориту увезла донья Елена Энрикес. Предлог — для капитана Энрикеса нужно готовить лекарства, но ради этого травницу вовсе незачем забирать из монастыря.

Граф медленно протянул:

— Что ж, возможно...

— А ещё у них общий кот.

— Кот? Что за дичь?

— Чёрный, Негрито. Крутится где угодно, но на руки идёт только к дону Себастьяну и к сеньорите Инес.

— Не мели ерунды. Неужели дон Себастьян хочет жениться на этой девушке?

— Ваше сиятельство, он из тех, кто способен пренебречь выгодами другого брака.

— Почему ты мне это всё рассказал? Неужели думаешь, что дон Фелис...

— Боже упаси, ваше сиятельство! После того как дон Фелис по доброй воле признался в убийстве вашего зятя...

— Это был всего лишь несчастный случай.

— Но дон Фелис мог промолчать! Такой человек не станет подло убирать с дороги соперника, тем более, нашего коменданта.

— Тогда зачем?

Менго замялся, посмотрел исподлобья. Вдохнул, выдохнул и заговорил.

— Их брак совсем не благоразумен. Оба бедны. Дон Себастьян, конечно, заслуживает королевской награды, но все мы видели эту награду, — писарь поёжился под надменным взглядом дона Мигеля. — Ваше сиятельство, я, может быть, много беру на себя, но... я не хочу навредить ни сеньору, ни сеньорите. Я вам рассказал, а вы — как вам угодно.

— Ты что-то задумал, я вижу. Говори.

— Каковы бы ни были намерения дона Себастьяна, он ещё не обручён с этой девушкой. Хосефа уверена. Если сеньорита выйдет замуж за другого, возможно, мой сеньор станет иначе смотреть на брак с вашей дочерью.

Дон Мигель подумал: «Возможно». Вслух спросил:

— И как ты намерен устроить её замужество? Если она влюблена в дона Себастьяна? За кого она может выйти в таких обстоятельствах замуж? Если, как ты говоришь, ты не хочешь причинить ей вреда?

— Дон Фелис, конечно, не станет принуждать её к браку, однако, если сеньорите будет грозить опасность, он может утратить благоразумие.

— Какая опасность? Что ты задумал?

— Обвинение в колдовстве.

— Что? Ты объелся дурмана? Такими вещами не шутят!

— Ложное обвинение.

— Инквизиция может сжечь и по ложному обвинению!

— Я хотел сказать: ложное, в смысле, фальшивое. Я могу сделать бумагу, которую

неопытный человек не отличит от настоящего ордера.

— И? Как ты её подсунешь дону Фелису?

— Через доброжелателя. В инквизиции такое случается. На моих глазах было — некий доброжелатель подстроил донос, по которому сожгли ведьму, и постарался, чтоб инквизиция не ограничилась покаянием, дабы жених бедной девушки от неё наверняка стал свободен и вступил в брак, выгодный двум состоятельным семьям. Этот жених тоже получал письма от доброжелателя. Можно вложить бумагу, якобы копию ордера, в конверт, а к бумаге — записка, что доброжелатель дон Фелис своим долгом считает предупредить о скором обвинении в колдовстве травниц — бабушки с внучкой. Насколько я знаю дон Фелис, он постарается укрыть обвиняемых. Девица будет скомпрометирована, и он на ней женится.

— Уверен, что женится?

— С великой охотой! Ваше сиятельство, дон Фелис — порядочный кабальеро, он искренне любит сеньориту Инес. Она достойная девушка, доброе имя её безупречно.

— Если об этом узнает дон Себастьян...

— Детали откуда узнает? А что дон Фелис во время осады ухаживал за сеньоритой Рамирес и не скрывал своих честных намерений, ему многие могут сказать, да хоть мать Анхелика.

— Гнусный план.

— Как вам угодно, ваше сиятельство. Я пойду?

— Стой... дон Фелис точно не суеверен? Не поверит обвинению в колдовстве?

— Можете не сомневаться. Он смеялся, когда на него шипел чёрный кот.

Дон Мигель задумался в своём кресле. Менго он начал платить вскоре после начала осады. Писарь оказался парнем наблюдательным и толковым, и ни разу не сказал ничего, что могло повредить бы его сеньору. Хотя здесь, наверное, сказать было нечего. Предложенный план возмущал старого аристократа, но дорога была дочь. Если девица, в которую комендант, возможно, влюблён, выйдет замуж, он обратит внимание на других женщин, и есть способ направить это внимание на донью Эстрелью. Король, узнав правду об осаде Сегильи, обязан достойно наградить настоящего коменданта. Рука наследницы графства Теворы — награда, необременительная для казны, и даже любовница короля не сможет противиться такому решению. Граф про себя усмехнулся — пусть только попробует эта дама возразить против женитьбы героя Сегильи, сразу найдутся несколько языков, чтобы возбудить в короле ревность. Получится или нет, стоит попробовать.

Вслух граф произнёс:

— Нужно надёжнее. Есть ли у сеньориты родня, от которой она могла бы получить наследство?

— Наследство? — Менго был озадачен. — Отец живёт в разорённом Хетафе... Мать умерла... Бабушка — травница, лет пятнадцать и вовсе пирожница. Хотя... сеньора Фелисия как-то вздыхала о своём сыне, год или около года назад умершем за морем, где пытался разбогатеть.

— Дядя, умерший за морем? То, что нужно. Прямо сейчас назовёшь его имя моему доверенному человеку, а он оформит подставное наследство. Тысяч семь, по местным меркам, неплохо?

Дон Мигель одновременно припомнил: предельная сумма первоначально подписанных им обязательств для торговцев Сегильи составила весомые даже для графства Теворы

пятьдесят тысяч дукатов, а после подведения казначеем подсчётов стоимости реальных поставок, благодаря осторожности коменданта, долг графа не превысил приемлемые пятнадцать тысяч. К тому же документы составлены правильно, подписаны официальным комендантом — капитаном Альваресом, и можно рассчитывать на хотя бы частичное возмещение от короны. На минуту отвлекшись, граф слушал дальше.

— Столько не дадут и за половиной дворянок. Дон Фелис может взять больше, но предпочёл бесприданницу, — ответил Менго.

— Неплохо как приманка для тех, кто хотел бы вытянуть эту сумму, используя обвинение в колдовстве. Сколько поверенных ведут дела знатных сеньоров?

— Все идут к одному, сеньору Индиго.

— Отлично! Сеньор Индиго получит в обычном порядке завещание в пользу сеньориты Рамирес, с приложением документов из банка, обыкновенным в таких случаях объяснением о делах её покойного дяди и расчётом суммы наследства. Мой поверенный справится за пару часов. Затем сеньора Индиго навестит человек с фальшивым ордером инквизиции — ты его прямо сейчас и составишь. Потребуется показать завещание и проболтается — обвинением в колдовстве можно вытянуть из девушки эти деньги или заставить её выйти замуж. В то же время дон Фелис де Гарсиа получит письмо от доброжелателя, что девица будет обвинена в колдовстве, с припиской — если он сомневается, пусть обратится к собственному же поверенному. У кабальеро будут благородные основания пойти даже на похищение сеньориты.

— Нужно сделать всё быстро, ваше сиятельство.

— Управимся за сегодняшней вечер.

Граф вызвал секретаря, рассказал ему об оставленном неким сеньором Ортисом состоянии, добавив:

— Документы оформлены очень плохо, но благодаря письмам моего корреспондента в колониях у меня нет сомнений в праве сеньориты Рамирес на это наследство. Я не хочу, чтобы моё участие в этом деле стало известно. Оформи всё заново, ты умеешь. И позови Тристана Кастильо.

Вошедший молодчик с разбойничьей рожей заставил Менго поёжиться и почти пожалеть, что он ввязался в опасное дело. Именно этому парню граф поручил напугать поверенного фальшивым ордером инквизиции. И, Менго подозревал, сеньор Кастильо — лично или с подручными, выполняет для его сиятельства поручения, о которых скромному писарю лучше не знать. Увидев испуг, дон Мигель снизошёл до пояснений:

— Этот сеньор мне давно служит. Я с ним щедр и крепко держу его на крючке. Не сорвётся. Теперь к делу. Если в итоге твоей интриги сеньорита выйдет замуж за достойного кабальеро, получишь тысячу золотом. Если она попадёт в беду... — голос вельможи стал ниже и тише: — Раздавлю. Мне что тебя прищёлкнуть, что насекомое.

Сделав, что требовалось, Менго поспешил в инквизицию. Дорогой он немного оправился от испуга и решил, что при удаче для всех будет лучше. Сеньорите лучше стать женой богатого кабальеро, а не офицера с неясным будущим и вечными переменами в беспокойной судьбе. Коменданту — жениться на богатой наследнице. А самому Менго лучше стать секретарём молодого графа Теворы, чем оставаться писарем инквизиции.

40. Итог интриг

Я очнулся там, где упал в темноту. Не знал, сколько прошло времени, отправился в город. Подошёл к зданию инквизиции. Там было много людей, приходили и уходили, все были встревожены, друг другу шептали: «Завтра третий допрос». Мне стало страшно, хоть я и помнил обещание палача. Подумал затем, а где же Инес? Её увезла отважная донья Елена, значит, нужно идти к дому капитана Энрикеса. Привратник вздохнул, увидев меня, и пропустил.

Моя дорогая хозяйка сидела в патио дома Энрикесов. Одета иначе, но всё равно скромно. На коленях держала она вышивание, а заплаканные сухие глаза, что бы они ни видели, смотрели в стену. Мне пришлось подойти к ней вплотную, потереться о её ноги, и только тогда я был замечен. Инес без улыбки посадила меня к себе на колени и заговорила:

— Негрито, что такое происходит на свете? Героя, спасшего город, арестовали и грозятся пытать. Наша Сегилья не может спасти своего защитника. Знатные сеньоры и простолюдины растеряны одинаково. Мне велено ждать, донья Елена сказала — приказ коменданта. Даже если бы я посмела послушаться, я не знаю, что делать. Только молиться... но против людской подлости разве поможет молитва?

Я пытался мурчанием её успокоить, но самому было тревожно.

Недалеко от полуночи в дом капитана Энрикеса явился неожиданный гость. Дон Фернандо и донья Елена без промедления приняли дону Фелиса де Гарсиа, надеясь услышать от него новости о коменданте, однако они обманулись в своих ожиданиях. Кратко рассказав, что он отправил вызов капитану Альваресу, но не смог встретиться с противником и ответа на вызов пока не получил, дон Фелис бросил на стол письмо.

— Поллюбитесь! Преследуют не только коменданта, но и сеньориту Рамирес! Не знаю, конечно, это связано или совпадение.

Супруги прочитали письмо доброжелателя, предостерегающего сеньора де Гарсиа от ухаживаний за колдуньей, переглянулись, а дон Фелис показал им ещё одну бумагу.

— Я зашёл и к поверенному. Сеньор Индиго напуган был до икоты, рассказал о появлении в своей приёмной форменного бандита, который предъявил документ инквизиции, затребовал полученное поверенным сегодня завещание покойного сеньора Ортиса в пользу племянницы, сеньориты Инес Рамирес. Прочитал, на радостях хлопнул законника по спине и рявкнул: «А что девчонка? Сжечь или смазлива, годится в хозяйки?», потом расхохотался и вышел. Мне пришлось прислать старику пару крепких слуг для охраны, только тогда он успокоился. Я попросил его написать сеньорите о завещании дяди и обещал передать ей это письмо.

Дон Фернандо озадаченно произнёс:

— Правда или интрига?

— А чёрт его... извините, донья Елена.

— Пустяки... Как-то всё сразу.

— Да, одно к одному... Прошу вас, скажите прямо — почему вы увезли из госпиталя сеньориту Рамирес? Не говорите, что ради лекарства.

— Приказ коменданта, — серьёзно ответил капитан. — Уже арестованный, он успел мне сказать: «Об Инес позаботьтесь».

— Вот как... Инес... — дон Фелис попытался ослабить душивший его воротник, и глухо продолжил: — Об этом мог догадаться и кто-то ещё.

— Конечно. Быть может, какая-то женщина вздумала избавиться от соперницы?

— Слишком сложно. Женщина ограничилась бы доносом.

— Не понимаю, зачем вас предупредили, если хотят всего лишь устранить сеньориту Рамирес. Наверное, подумали: когда коменданта отпустят, он обвинение снимет. А то и отыщет доносчика.

— А так? Они что, решили, что я способен похитить благородную девушку?

— Я слышал, вы хотели на ней жениться.

Дону Фелису пришлось сглотнуть — слишком живо ему представилось прекрасное лицо Инес рядом с собой на подушке. Он взял себя в руки и быстро ответил:

— Да, я хочу жениться на сеньорите Рамирес, но не таким диким способом!

Они помолчали.

— Так кто это? Женщина или мужчина? — протянул дон Фернандо. — И ещё эти деньги в приданое...

— Женщина бы придумала что-то похуже, чем похищение с целью законного брака. Извините опять, донья Елена.

Сеньора гневно сверкнула глазами, но решила не тратить время на споры и позволила дону Фелису продолжить.

— Я знаю в городе только одного человека, способного швыряться такими деньгами... Впрочем, не всё ли равно? Сеньорите, очевидно, угрожает опасность. Можно попробовать сделать вид, что она уехала из вашего дома.

— Сделать вид?

— Да, конечно. Её не просто нужно спасти, но и не задеть её доброе имя. На самом деле ей лучше остаться. Мы ничего ведь точно не знаем. Если сеньориту действительно преследует инквизиция, пусть идёт по ложному следу.

— Не нужно. В наш дом не посмеют войти даже с ордером инквизиции.

Дон Фелис не понял, нахмурился.

— Дон Фернандо?

— Моё полное имя... раза в два длиннее, чем ваше.

— Вот оно что... — гость догадался. — Значит, я могу не беспокоиться о сеньорите?

— Можете не беспокоиться.

— Когда освободят коменданта, нужно ему всё рассказывать?

Дон Фернандо покачал головой:

— Думаю, что не стоит...

Чуть помедлив, с ним согласился и дон Фелис:

— Вы правы, — хмуро протянул он. — Наш комендант и так-то непредсказуем, а уж если влюблён... Поговорю с матерью Анхеликой, нужно ли увезти сеньору Фелисию. Сеньорите передайте бумагу, то есть письмо от сеньора Индиго.

— Но ведь это, быть может, ловушка!

— А может, и вправду наследство от дяди. Всего доброго.

Дон Фелис вышел на улицу потемневшей Сегильи, глянул в звёздную ночь. Настроение у него было прескверное.

41. Третий допрос

Трудно заснуть в ожидании пыток. Дон Себастьян читал про себя то стихи, то молитвы, припоминал параграфы правил, которые выучил, готовясь к службе в святой инквизиции. Сон не шёл, а вместо сна вспоминалась прекрасная девушка, с которой арестант не успел обручиться. Нужно гнать о ней мысли, она его слабость, только сейчас, взаперти, с несколькими шагами движения — от грёз никуда не уйти. Молодой человек вспоминал улыбку Инес, сменяющуюся серьёзностью, нежный голос и простые слова без кокетства. К счастью, супругам Энрикес он полностью доверял и был избавлен хотя бы от страха за любимую. Поддавшись на несколько минут надеждам и воспоминаниям, дон Себастьян почувствовал, как ускорилось движение крови, в душе заиграл азарт, он вспомнил — не первый раз, и наверняка не последний, рядом с ним смерть или увечье. Завтра он должен выдержать, что ему уготовано, собраться с силами, найти слова для ответа своим обвинителям. К чёрту уныние!

С утра Менго, едва увидев сеньора Лопеса, заговорил с ним:

— Представьте себе, сеньор, какие в нашей Сегилье заключают пари! Ставят против того, что такого знатного сеньора, как дон Себастьян, будут пытать, а я думаю, не принять ли такую ставку?

— Не принимайте даже один против ста, — важно ответил следователь из столицы.

Менго про себя выругался и попытался подойти к делу ближе:

— А вы, сеньор Лопес, не желайте ли принять такое пари? Говорят, крупные суммы, тысячи золотых, и обязательства оформляются честь по чести.

— Не поставлю и один против тысячи! — фыркнул следователь.

«Ну что ты поделаешь... не берёт взятки. Стихийное бедствие — честный дурак» — тоскливо подумал писарь.

Так, слово за слово, Менго и сеньор Лопес вошли в допросную, и, к своему удивлению, увидели палача, обычно приходившего позже. Писарь не посмел задать вопрос и занялся своими бумагами, а следователь, взвесив своё достоинство и любопытство, спросил:

— С чего это ты в такую рань?

— Я ночевал в здании инквизиции, — бесстрастно ответил мастер Антонио.

— Что?! Немыслимо! Бывший следователь развёл здесь полный беспорядок! Распустил стражу, даже палач смеет не убираться в своё логово!

Для Менго слова палача были неожиданностью и грозили бедой — значит, его не убили и не напоили. Людям графа Теворы не удалось оттянуть время таким способом. А надувшийся от важности следователь продолжал:

— И давненько ты, собачья кровь, завёл такую манеру?

— Только сегодня, — палач никак не реагировал на оскорбления.

— С чего этот праздник?

— Иначе меня бы убили.

— Убили? Тебя?! — сеньор Лопес вытаращил глаза. — Кто?

— Сегилья.

Пухлощёкий инквизитор молча переваривал ответ, когда в допросной появился и отец Николас. Сегодня он улыбался вымученно, под глазами священника были заметны круги, он

не знал, куда девать руки.

— Вы видели, сеньор Лопес, сколько народу возле здания инквизиции?

— У вас ярмарка? Или празднующиеся? Совершенно распущенный город! Уж я наведу здесь порядок, как подобает!

Отец Николас только махнул рукой.

Появился и дон Диего. Как знатный человек, он едва удостоил собравшихся кивком. Вид графа был мрачен. Пока в допросную не спустился герцог, аристократ сел в кресло, вытянул ноги, скрестил руки на груди и погрузился в свои размышления.

Накануне он видел донью Эстрелью. Чуть похудевшая, задумчивая, не удостоившая его ни единым взглядом, вдова показалась графу ещё красивее, чем раньше. Сколько времени дон Диего убеждал и герцогиню, свою драгоценную родственницу, и самого себя, что он не подвластен простому желанию, первая его цель — расчёт, приданое, стать графом Теворой... Но со вчерашнего дня, когда ему решительно отказали, мужчина не мог дальше обманываться в главном — он хотел эту женщину. Хотел безрассудно и яростно, не собираясь стесняться в средствах, готов был смести любые препятствия, и наплевать на наследство. Нынешний граф вспоминал, как кузен представил супругу, выглядел гордо, но за спиной своей красавицы мотал её деньги, насмеялся над ней, развлекался со служанками. Донья Эстрелья, по общему мнению, была женщиной довольно глупой, но пелена с её глаз скоро спала. Однако, дон Диего с его острым языком, увечьем и обычно мрачным видом дама побаивалась, быть может, ещё и чувствуя его колдовскую натуру. Унаследовав титул кузена, дон Диего был твёрдо намерен унаследовать и кузину, но та его избегала. Пришлось подстроить обвинение в колдовстве. Новый граф уже предвкушал прекрасную женщину в своих объятиях, но все старания пошли прахом. Вмешался дон Себастьян де Суэда. Сначала снял обвинения, а потом, ничуть к этому не стремясь, стал предметом мечтаний доньи Эстрельи.

Граф Тевора, стараясь защитить возлюбленного дочери, пытался уверить дон Диего, что ему не на что надеяться, но колдун решил разбивать каждое препятствие, которое окажется на его пути — действительное или мнимое. Пока брак бывшего инквизитора с доньей Эстрельей возможен, дон Диего оставался непреклонен в стремлении уничтожить соперника. Оказалось не так просто — в Сегилье слишком многие вели свою игру, трудно было уловить, чьи цели на пользу целям одержимого желанием аристократа, а чьи — изменчивы и могут в любой миг обернуться против. Молодой де Суэда многим был нужен и слишком многим мешал. Граф никак не мог уловить, что важное в этом деле от него ускользает. С утра он с удивлением узнал — дон Себастьян по-прежнему вызывает у женщин разных сословий восторг, выходящий за пределы понимания. Девки на кухне ревели и смотрели на хозяина с ненавистью! Доверенный слуга пояснил — из-за ареста... «Дона Себастьяна де Суэда!» — раздражённо выкрикнул дон Диего. «Да, сеньор», — не меняясь в лице, ответил вышколенный слуга, а хозяин выбранился на глупых женщин. Ну что это такое! У них есть настоящий герой — дон Альфонсо, комендант и красавец, а они обожают другого. Одно слово: глупые женщины.

В здание инквизиции дон Диего приехал в карете — он не любил толпу и показывать своё уродство. Чутьё колдуна предвещало тревогу. На площади было много людей, они провожали глазами карету, а дон Диего невольно поёжился. Дон Себастьян занимался продовольствием для бедняков, неужели из-за этого голодранцы его выделяют среди других

офицеров? Но решение принимал комендант! Что взять с голодранцев...

Наконец, своё место занял и герцог. Обвёл глазами членов суда, грустно вздохнул, велел привести обвиняемого и опустил глаза.

Дон Себастьян пришёл в сопровождении стражника, который — дон Диего отметил — с арестованным обращался почтительно. Снова граф чувствовал множество мелочей, рассеивающих внимание и никак не складывающихся в ясную картину. Граф даже вспомнил, как в столице с удивлением рассматривал полотно известного художника. Вблизи — мазня-мазней, а отойдёшь дальше — и будто в окно смотришь. Здесь куда отходить? Ещё и донья Эстрелья всё время идёт на ум... Почему тянули с помолвкой? Приличия? Или инквизитор должен был закончить какие-то дела? Какие дела, когда в руки плывёт такая крупная рыба? Мысль, что ненаследный сын барона откажется от богатейшей невесты лишь потому, что она не в его вкусе, дон Диего отбросил как несуразную.

Все в допросной глянули на арестанта, вошедшего, не выдавая страха. Дон Себастьян смотрел, как всегда, прямо, и не сутулился. Никто не хотел сам начинать допрос, замялся даже сеньор Лопес. Наконец, герцог тоскливо вздохнул:

— Духота здесь... Раньше такого не замечал.

Остальные с ним согласились. Действительно, хотя обычно стены инквизиции надёжно защищали от палящего солнца, в день третьего допроса было довольно жарко, возможно, оттого, что палач подготавливал свои инструменты с помощью жаровни, в сторону которой все избегали смотреть.

Его светлость приказал принести воды. Слуга выполнил распоряжение и разлил воду по стеклянным стаканам, обычно стоявшим в шкафу допросной. Дон Армандо буркнул:

— И арестованному дайте пить, — а потом так же мрачно смотрел, как из того же кувшина в простую глиняную кружку налили воды для дон Себастьяна.

Пить хотелось всем, но дон Диего вдруг принялся:

— Откуда вода?

Ему ответил обвиняемый, сделавший глоток из своей кружки.

— У инквизиции свой колодец. Вода как вода, — больше дон Себастьян решил перед пытками не пить и поставил кружку на стол.

Менго, у которого пересохло в горле, воспользовался тем, что на него никто не обращает внимания, и глотнул из той же кружки, что дон Себастьян.

Дальше откладывать было невозможно, но герцог, помня угрозы дон Фернандо, пытался тянуть время:

— Представьте себе, мне подкинули записку от доброжелателя, — он бросил на стол небольшой лист бумаги. — Что моя жена влюблена в дон Себастьяна де Суэда.

— Неужели? — сделал честные глаза дон Диего. — Вы, дон Армандо, конечно, не верите в этот вздор.

— Вздор вы несёте, любезный кузен, — фыркнул в ответ старик. — Влюбляться в нашего де Суэда — поветрие среди дам в этом сезоне. Моя герцогиня — первая модница, конечно, она туда же.

Граф поперхнулся очередным глотком воды и, округлив глаза, слушал дальше.

— С дамами это случается. Влюбятся все вдруг в проповедника или тореадора. А лет

тридцать назад — вовсе в актёра. Представьте себе — в актёра! Вот где был стыд... Я в тот год раздумал жениться, — старик хмыкнул. — Дамы Сегильи внесли новое слово в этот обычай — влюбились все в инквизитора.

— Ну и ну... — только и смог сказать дон Диего, расстегнув воротник — духота становилась невыносима. — Что у нас дальше по протоколу?

— Так... так... так... — поводил пальцем по листу отец Николас. — Второй день допросов... Обвиняемому показывают орудия пытки. Мы это упустили.

Все посмотрели на дыбу и разложенные рядом с ней инструменты.

Сеньор Лопес не выдержал:

— Обвиняемый — бывший следователь, он и так их все знает!

— Но протокол требует подробного объяснения! — поднял палец отец Николас. — Вам, молодой человек, тоже полезно.

— В каком смысле полезно? — подозрительно спросил сеньор Лопес.

— Превратности судьбы...

Молодой инквизитор засопел, но вспомнил дона Хуана и принял, как ему казалось, величественный вид, подходящий олицетворению святого суда.

Палач, не торопясь, стал показывать свои орудия и объяснять предназначение каждого. Всем слушателям пришлось прятать страх и пренеприятнейшую тоскливость где-то возле желудка. Паршиво себя чувствовал даже многократно за годы своей службы в инквизиции видевший пытки отец Николас — быть может, потому что несколько месяцев был избавлен от этого зрелища, быть может — осознавая, что пытать готовятся человека, которому лично он и его семья обязаны жизнью. Дону Себастьяну хватило присутствия духа не показать волнение, но чувствовал себя он не лучше других. Наконец, обязательная процедура была окончена.

42. Шаг назад

Герцог вытер пот со лба и выдохнул:

— Ещё только второй допрос, а я уже... Дон Себастьян, к завтрашнему дню хорошенько подумайте!

Арестованный чуть не сказал: «Уже третий!», но удержался. Даже дон Диего вздохнул с облегчением от мысли — то, чего он добивается, произойдёт не сегодня. Про себя граф подумал: «Какой длинный сегодня допрос!» Неожиданно вошёл стражник и обратился к губернатору:

— Ваша светлость... там ваш племянник.

— Что ему нужно? — проворчал дон Армандо.

— Войти мы ему не позволили, как вы приказали, но он настоял, чтобы вам передали этот документ.

— Что за... — герцог мрачно выхватил из руки стражника протянутую ему бумагу. — И зачем это? Молокосос!

Дон Диего уже устал удивляться сумасшествию этой Сегильи. Почему губернатор так отзывается о родственнике, делающем ему честь? Нет, невозможно... просто голова кругом. Решив, что здесь и сейчас можно пренебречь церемониями, граф, не стесняясь, выхватил не то письмо, не то свидетельство из рук старика, вяло пытавшегося возразить. Не оценив ещё, как содержание документа скажется на его планах, дон Диего пробурчал:

— Дон Альфонсо всё-таки решил заступиться за вас, дон Себастьян... Пишет, что обвинить вас в самоуправстве невозможно, что вы ставили его в известность обо всех ваших действиях, и если во время осады из-за недостатка времени не всё было надлежаще оформлено, то он готов немедленно подписать требуемые документы о ваших полномочиях.

— Очень любезно со стороны капитана Альвареса, — с кисловатой усмешкой произнёс арестант. — Но меня так и не обвинили в каком-либо конкретном самоуправстве.

— Колдовство! — подал голос сеньор Лопес.

Герцог опустил гудящую голову на руки, пытаясь сообразить, когда в город приедет король. Ещё и морем... Снова вошёл, почти вбежал стражник.

— Дон Альфонсо настаивает на встрече с вами немедленно!

— Впустите его, наконец! — приказал дон Себастьян.

— Нет, это невообразимо... — Граф помотал головой, пытаясь избавиться от померещившихся ему светлячков. — От духоты я скоро сам сойду с ума под стать этому городу!

Сеньор Лопес спросил Менго, шепнув ему на ухо:

— Почему он опять распоряжается?

— А у нас так повелось, — последовал ответ самым заговорщицким тоном. — Он приказывает, а мы подчиняемся.

— Да? Точно колдун!

В допросную ворвался дон Альфонсо и огляделся совершенно дикими глазами.

— Что здесь происходит?

— Меня допрашивают. Пока без пристрастия.

— Но... так нельзя... Дядя! Вы говорили...

— Что говорил?! Молчи, я тебе говорю!

— Сегодня третий допрос!

— Как третий? Второй!

Менго, к счастью, успел спохватиться:

— Сеньор, конечно, второй, а не третий! У инквизиции своя арифметика!

Капитану было не до арифметики.

— Мне сегодня отказала невеста...

— Как? Почему? — дон Армандо, лично принимавший участие в очень выгодном для племянника сватовстве, был разъярён.

— Сказала, что выйдет замуж за настоящего коменданта, — молодой человек затравленно посмотрел на по-прежнему сидевшего на табурете арестованного, который никак не отозвался на известие о личных неприятностях дона Альфонса.

— Но, послушайте... — как ни мало дон Диего ценил женский ум, разрыв помолвки с героем, которого ждёт блестящее будущее, не укладывался в самое разнузданное воображение. — Вас ещё не утвердили, но король приедет на днях! Вот уж не думал, что женщины могут настолько ценить формальности!

— Граф, вы о чём? Она же сказала — за настоящего коменданта! Понимаете — настоящего! Прибавила, что благородный человек не станет присваивать чужие заслуги, — он, на миг отведя взгляд от дона Себастьяна, снова стал на него смотреть.

Герцог тоже посмотрел на настоящего коменданта и взорвался:

— Лучше б они влюбились в актёра! Вы хоть знаете, что это за девица?

— Понятия не имею, — негромко ответил дон Себастьян.

— Знать хотите?

— Ни капли.

Махнув рукой, дядя обернулся к племяннику.

— Где она?

Неожиданно хихикнул отец Николас.

— Как где? Дерётся с доньей Эстрельей.

— Что?! Причём здесь моя кузина? — единственное, что дон Диего успел сообразить — из-за глупости неизвестной ему сеньориты появился ещё один серьёзный претендент на руку графини.

— Все думали, комендант на ней женится... А тут ещё вдруг моя невеста...

— Ваша невеста — сто тысяч дукатов! — отец Николас не мог сдержать откровенного хохота. — Но куда ей до графства Теворы! Я ставлю на донью Эстрелью.

Дон Себастьян смотрел и слушал совершенно отстранённо, слишком вокруг него всё было нелепо, с другой стороны, его сейчас могли бы пытать на дыбе, так что разговоры о надоедливых женщинах раздражали бывшего инквизитора меньше обычного. Пока можно хотя бы отдохнуть от духоты — вместе с капитаном Альваресом в допросную ворвался прохладный воздух, и дверь осталась открытой. Не без злорадства бывший инквизитор подумал ещё: его обвинители все в камзолах, им от духоты хуже, чем обвиняемому в рубашке. Немного, оказывается, нужно для радости, когда грозит пытка...

Из задумчивости бывшего коменданта вывел дон Диего, бесцеремонно схвативший арестованного за плечи:

— Объясните, что здесь происходит? Что значит — за настоящего коменданта?! Кто присвоил чужие заслуги?

— Вы не знаете? — дон Альфонсо так изумился, что отвлёкся от своих горестей: —

Всю осаду комендантом был дон Себастьян де Суэда. Я — только формально. Дядя! Вы ему не сказали?

— А... я думал, он знает.

— А я просил после осады не называть меня комендантом.

— Это единственное ваше распоряжение, которое Сегилья не выполнит! — дон Альфонсо без сил опустился на стул, с которого вскочил Менго.

Граф рухнул в кресло и порвал воротник. Разгадка оказалась невыносимой и некстати. Дон Диего себя ругать не привык, и сейчас злость на собственную недогадливость перекинулась на знатного старого хитреца:

— Ваша светлость, вы были в городе во время осады. Комендант, то есть сеньор де Суэда, спас вас, спас этого молодого осла, спас ваш дом, и заодно вашу коллекцию. Но вы позволили его арестовать и были готовы применить к нему пытки. Знаете, дон Армандо, я далеко не самый благородный человек на этом свете, но вы меня удивили.

— Кто вы такой, чтобы читать мне нотации? — побагровел губернатор.

— Скоро вас ждут не только нотации, — с убийственной холодностью ответил граф.

Губернатор пытался что-то возразить, но его прервал племянник, с тоской протянувший:

— Дядя, что вы наделали... — дон Альфонсо закрыл лицо руками.

— А вы почему промолчали? — желчно обратился граф к арестованному.

— Я не молчал. Думаете, стал бы я вас благодарить за кого-то другого?

— Вы догадывались, что я вас не понял!

— Знай вы о моей роли во время осады, это для вас что-либо изменило бы?

— Я нашёл бы другой способ от вас избавиться!

— Вы очень любезны.

Дон Диего взревел:

— Что здесь происходит? Это вода? Меня опоили!

— Колдовство! — воспрянул запутавшийся сеньор Лопес.

— Вот и вы! — попытался съехидничать герцог.

— Я, по крайней мере, ему ничем не обязан! — зло бросил в ответ дон Диего.

— Ваш особняк...

— Съёмный. Собственный — в Астрададуре.

Дон Диего пытался собрать свои мысли. Из-за интриг герцога и высокомерия де Суэда он в собственных глазах стал болваном. Множество деталей, теперь отлично понятных, обидно ранили самолюбие графа, но с этим он быстро бы справился. Главное — брак молодого аристократа, спасшего город, и богатейшей в стране наследницы представлялся теперь неизбежным. Будущую графиню де Тевора всучат коменданту, даже если он её не желает, в довесок к королевской награде, которой сделают её наследство. План вывести из игры всего лишь одного из защитников города никуда не годился, когда речь зашла о коменданте, а возня с арестом отняла время. Разумный человек, каким дон Диего себя всегда считал, отступился бы, но страсть подчинила себе его разум. Прекрасная вдова, с её сияющей белизной кожей, огненными волосами и прорывающейся сквозь воспитание и прирождённую робость чувственностью, стала для колдуна болезненным наваждением, и он был готов любым способом добиваться желаемого, невзирая на глупость женщины и её безоглядную влюблённость в другого. Несколько планов, интриги и приворот, у дон Диего

были уже составлены, но для любого из них нужно было избавиться от соперника, к злости на которого теперь прибавилось восхищение. Так хотелось думать, что кумир безмозглых куриц Сегильи на войне оказался одним из многих, не более! Увы, дон Диего сам себя обманул, а теперь мог только злиться на герцога, в котором стал видеть врага: «Старый хитрец заслужил, чтоб наш красавец ему наставил рога, заодно и улучшил породу. Жаль, что дон Себастьян мне так мешает...».

Чуть помедлив, граф решил понаблюдать, как себя поведут губернатор и сеньор Лопес.

Герцог, тем временем, не хотел брать на себя ответственность по делам инквизиции. Он, как все, был вымотан и запутался. Осталось ли обвинение в колдовстве? Выдаст ли граф дело о порохе? Не зная, что говорить, старик заворчал:

— От де Суэда одни неприятности. В нашей семье — с самого детства...

Дон Себастьян с изумлением поднял на него глаза:

— В детстве-то чем мы вам не угодили?

— Вы разве не слышали историю моей прабабки?

— Патрисии да Сильва, наследницы де Медина? Но это же... лет сто назад!

— Больше... а нам её до сих пор поминают! Представьте себе, — обратился старик к утомлённому и ругающемуся про себя графу. — Есть у нас родовая галерея портретов. Её мы показываем почётным гостям. Все смотрят на моих предков, кивают, скучают, а как увидят портрет доньи Патрисии — обязательно спросят: «Та самая, которую спасли де Суэда?» — и с огоньком эдак в глазах. Потом снова кивают, скучают... Представляете, как эта уважаемая семья с детства мне надоела?

Припомнил и граф:

— Знаю, знаю, учил в родословных Эспании... Герцога Медину за измену казнили вместе с наследником, должны были казнить и наследницу, но она убежала и спряталась... — он посмотрел на арестованного, — в замке Суэда.

— Да, — устало подтвердил обвиняемый. — Попросила убежище и его получила. Как могла быть виновна шестнадцатилетняя девушка?

— И тогдашний барон отказал в её выдаче.

— Разумеется.

— Король чуть на штурм не пошёл.

— Передумал.

— Ещё бы! — воскликнул нынешний герцог Медина. — На ваш замок пришлось бы бросить всю армию! А обвинение в измене позже смягчили, девицу восстановили в правах на наследство. Мне каждый раз задавали вопрос — почему никто из семьи де Суэда на ней не женился?

— Вы, ваша светлость, нашли подходящее время и место поговорить о семейной истории, — дон Себастьян потер лоб. — Почему на ней кто-то был должен жениться?

— На наследнице герцогства?

— Если мы ещё о ней говорим.

— Ну вот... и так с ними всегда. На ней мой прадед женился, стал герцогом, и теперь из-за вас, де Суэда, вся Эспания помнит — мы потомки первого герцога де Медина не по мечу, а по прялке!

— Может быть, пора пообедать? — предложил обвиняемый.

43. Обвинение в измене

Дону Диего было не до обеда. Из неуместной беседы он вынес вопрос — может, и этот вот де Суэда не женится на наследнице? Впрочем, граф не стал мешать Менго, тихонько подошедшему к двери и велевшему принести вино и закуски.

Заговорил сеньор Лопес:

— Приступим к обвинению в колдовстве. Но начнём не с кота, а... — он сделал паузу. — С успеха у женщин!

Если бы сейчас в допросной появился Негрито и превратился в чёрта с рогами, он произвёл бы меньшее впечатление.

Кто вытаращил глаза, кто за голову схватился, слушая, как инквизитор, подняв указательный палец, степенно пояснял:

— Я, едва успел приехать в город, об этом услышал от штатных доносчиков святой инквизиции. Все женщины города влюблены в коменданта, то есть в обвиняемого. Я ещё сомневался, но сегодня, услышав, что некая сеньорита из-за обвиняемого разорвала помолвку с родственником самого герцога... Чем это объяснить, если не колдовством? — победно спросил сеньор Лопес.

— Вы знали, что он комендант? — заорал дон Диего.

— Конечно, но это не имеет значения. Дон Хуан мне сказал — никакие заслуги, и особенное внимание обратил на важность безупречной репутации членов святого суда, в первую очередь — следователя.

Общее мнение высказал герцог:

— Что-то сдохло в святой инквизиции... Дон Рикардо назначил следователем аристократа, дон Хуан — дурака.

Сеньор Лопес хотел что-то сказать, но никто не обратил внимание — вошедший слуга разлил вино по бокалам, хрустальным — дворянам, в их числе обвиняемому, из простого стекла — сеньору Лопесу с Менго. В допросной в помине уже не было духоты, о пытках было решено только одно — они не повод оставаться без обеда.

Залпом выпив бокал вина, герцог пустился в воспоминания:

— Я в свои молодые годы красив был, как наш арестант, и тоже пользовался успехом у женщин. И что, я колдун? Вздор, право!

Дон Диего, настоящий колдун, сидел мрачный — как раз ему женщины не уделяли внимания, впрочем, он, до встречи с доньей Эстрельей, к этому вниманию и не стремился, предпочитая покупать ласки и не тратить на них много время. В разговор неожиданно вступил отец Николас.

— Что вы понимаете в женщинах, сеньоры красавцы! Я никогда не был красив, но можете мне поверить, не раз и не два добивался у дам предпочтения!

— Да ну? — заинтересовался вдруг дон Диего.

— Ваше сиятельство, на красавца женщина посмотрит раз или два. Потом... если этот красавец не умеет удержать внимание дамы занимательным разговором, шутками, лестью, то очень скоро это внимание обратится на других кабальеро. Но куда увлекательнее, ваше сиятельство, добиться расположения женщины, вовсе не будучи красивым мужчиной. Красавцы зря думают, что одной только внешностью сумеют покорить знатную даму! Слишком заботятся о своей причёске и стати, а дамы с ними скучают. Обходительному же

кабальеро вовсе не трудно отвлечь внимание дамы на себя от красавца.

Отец Николас и граф де Гарофа одновременно посмотрели на обвиняемого. Священник вздохнул и слегка развёл руками:

— Нет, здесь не тот случай.

Дон Диего опять помрачнел, но отец Николас незаметно ткнул его в бок своим локтем, затем осторожно продолжил:

— Вот вы, дон Себастьян, как ухаживаете за женщинами?

— Вам охота вести светские разговоры?

— Отчего бы и нет? В свете, кстати, то есть в присутствии дам, подобные разговоры совсем неуместны. Так как же? Не желаете отвечать? Понятно, вы совсем не ухаживаете, и ни разу за время осады не посетили ни одного из благородных собраний.

Бывший комендант скрестил на груди руки и стал смотреть в сторону, ничуть не смутив отца Николаса.

— А что вы сделаете, когда соберётесь жениться?

— Сделаю предложение, — сквозь зубы ответил дон Себастьян.

— В вашем случае — примете предложение.

— Да вам что за дело? Прекратите, отец Николас!

— А если не прекращу, что вы сделаете? Посмотрите грозным взглядом? Так я уж привык, — отец Николас откровенно смеялся. — Ой, смотрите, он покраснел! Подумать только, он — покраснел! Дон Себастьян, вы такой забавный, когда смущаетесь!

Злясь, закусив губу, арестованный отвернулся, но не избавился от насмешек священника.

— Вы, дон Себастьян, всё в делах и в заботах, наших дам избегаете. Ещё совсем недолгое время, и всех, кто сегодня о вас мечтает, отвлекут не столь занятые кабальеро.

— Это верно, — хихикнул герцог. — Вам нужно скорее жениться.

— Хороший совет обвиняемому в убийстве, или в чём там ещё меня обвиняют, — проворчал арестованный, снова скрестив на груди руки.

— Всё-таки, мой юный друг, если вы хотите жениться не через сватовство или королевским указом, вам нужно подумать, как поухаживать за своей дамой. Например, какую ей спеть серенаду.

— Серенаду? — не выдержал дон Себастьян. — Какую ещё серенаду? — потом усмехнулся, взяв себя в руки. — Мне точно лучше не петь, иначе никогда не женюсь.

— Не беспокойтесь, вас женят.

— Женят, конечно, — встрял старый герцог. — Ваша стоимость на ярмарке женихов подпрыгнула до небес. Будь у меня дочь, я бы вам её отдал... или нет — беспокойный вы человек... или да — а то она б мне устроила... хорошо, что у меня нет дочери.

Отец Николас захихикал, глядя на закипающего дона Себастьяна, и вкрадчиво продолжал:

— Чем ругаться, лучше подумаете — какие скажете ей слова?

Молодой человек хотел опять огрызнуться, но вспомнил Инес. Между ними было сказано мало слов, но так многое было сказано... Остался, наверное, только вопрос:

— Сеньорита, вы выйдете за меня замуж? — он стал задумчив и не заметил, что сказал вслух, хотя Инес рядом с ним была только видением.

— Какая же сеньорита? — встрепенулся вдруг дон Альфонсо, но тут же махнул рукой. — А... неважно.

Отец Николас победно обернулся на удивлённого графа, шепнув: «Вы поняли — сеньорита!», а граф в ответ посмотрел на священника с восхищением и тут же расслабился, решив про себя: «Пора заканчивать этот фарс, бросив кость дураку инквизитору».

Сеньор Лопес перешёл к последнему обвинению:

— Сеньоры, всем в Эспании давно известно, что наши враги, колдуны, используют в своих злодеяниях чёрных котов!

Дон Диего, припомнив, как долго заживала царапина, нанесённая когтями Негрито, кивнул: «Пусть тебе прищемят хвост, чёрная тварь!», а инквизитор продолжил:

— Я прочитал доклад о повадках этого животного и убедился...

— Повадки обыкновенные, как у рыжего кота в нашем замке! Оставьте Негрито спокойно ловить мышей! — дон Себастьян фыркнул не хуже любого кота.

— Наверное, и этот ваш кот...

— Пишите уже в протокол — я люблю кошек!

— А я, знаете, предпочитаю собак, — вставил герцог.

«О нет! Сначала о женщинах, теперь о котах и собаках!» — простонал про себя дон Диего, схватился за голову, а сеньор Лопес продолжил:

— Нужно выяснить не только про колдуна, но и с какой ведьмой водилось это животное.

— Только не это! — воскликнул отец Николас. — Если мы включим в список всех женщин, которые искали внимания если не самого дона Себастьяна, то хотя бы его кота... боюсь представить длину этого списка.

Подумав, что первой в том списке окажется донья Эстрелья, граф прикрикнул на рьяного дурака:

— Не смейте впутывать в это знатных дам!

— Но она вовсе не знатная дама! — оживился опять дон Альфонсо. — Та красотка из госпиталя...

— Замолчите, болван! — выкрикнул обвиняемый, не успев остановить отца Николаса, испуганно зачистившего:

— Она дворянка! Замолчите же, дон Альфонсо!

— Вы её знаете? Эту ведьму? — обрадовался сеньор Лопес.

— Здесь не ведьмы, а ваше богатое воображение!

— Что за ведьма? — дону Диего стало любопытно, к тому же забавно, что дон Себастьян так разозлился, и какую-то ведьму граф был совершенно не прочь выдать сеньору Лопесу в утешение за то, что дон Себастьян придётся ему отпустить. — Сеньор инквизитор, предлагаю вам заняться своими прямыми обязанностями, то есть ведьмой из госпиталя, которая водилась с чёрным котом.

— Дон Диего! — возвысил голос дон Себастьян. — Вам угодно говорить о моём коте, а, может, поговорим об Астрамадуре?

— Астрамадуре? — граф был совершенно сбит с толку и озадаченно посмотрел на бывшего инквизитора.

— Да, об Астрамадуре, — ясно и твердо ответил дон Себастьян. — Графство Гарофа формально относится к провинции Сегилья, но его земли — ближе к Астрамадуре, поэтому именно в этом городе вы и держите собственный особняк. Вы верно заметили, что мне ничем не обязаны. Падение Сегильи и развитие Астрамадуры — в ваших коммерческих интересах.

— Вы... на что намекаете? — похолодел дон Диего.

— Разве я намекаю? Я говорю вам без всяких намёков — когда расследуют преступления, в их числе и измену, подозревают в первую очередь тех, кому выгодно. Вам, граф, выгодно падение Сегильи и усиление Астрамадуры.

— Как... вы... смеете... — граф едва мог выдавить из себя эти слова.

— Праздный вопрос, — хмыкнул герцог.

— Менго, внеси в протокол! — отчеканил сеньор де Суэда.

— Нет! — закричал дон Диего. — Я — не изменник! Я — что угодно, интриган, вор, убийца, колдун, но я — не изменник!

— Это записывать? — Менго тихонько спросил своего сеньора.

— Не нужно, ты видишь — граф не в себе.

— Я не в себе, но я не изменник!

— Ваше сиятельство, что вы разволновались? — сеньор Лопес спросил с большим удивлением. — Ведь он обвиняемый.

— Сын сапожника, что ты понимаешь! Если комендант де Суэда меня обвиняет в измене, то все сеньоры, все голодранцы, каждая собака в Сегилье будут считать меня изменником!

— Я сын кузнеца!

— Ты дурак, тебя твой дон Хуан для этого и отправил!

— Я... дон Хуан...

— Верно, милейший, — добродушно подхватил герцог. — Ну кто бы ещё решился пытать де Суэда, если не круглый дурак? А когда его семья и друзья потребовали бы ответа, дон Хуан и заодно дон Диего свалили бы всё на тебя. Обычные шуточки в святой инквизиции, только ставки повыше обычного, вот и понадобился круглый дурак.

Сеньор Лопес беспомощно озирался, а граф на него закричал:

— Пиши приказ об освобождении арестанта, немедленно! — затем он обернулся к дону Себастьяну и, полный бессильной злобы, потребовал: — Вы обязаны обещать мне расследовать эту измену!

— Я вписал это обещание в прошение об отставке, — последовал суровый ответ.

— Ваше сиятельство, — заговорил сеньор Лопес. — Сеньор де Суэда уволен со службы. Не беспокойтесь, я непременно расследую...

— Не-е-т! — возопил граф.

— Молодой человек, — герцог добродушно сказал инквизитору. — Идите лучше ко мне на службу. Обещаю удвоить жалование.

— И можно будет жениться, — поддакнул отец Николас.

— Жениться? — круглое лицо следователя приобрело плутоватое выражение. — Вы, отец Николас, советуете мне жениться?

— Я, именно я, — со вздохом ответил священник. — Я немолод был, когда встретил мою донью Мартину. Был доволен, как отлично устроил собственные дела. Но теперь... В свой дом я только по праздникам смею входить через парадную дверь. Мои дети зовут меня дядей... Женитесь, молодой человек, непременно женитесь.

— И вот здесь подпишите, пожалуйста... — подсунул ему документ Менго.

— Подписывай! — зло процедил ему дон Диего, и сам вслед за инквизитором подписал приказ об освобождении донна Себастьяна де Суэда, затем граф быстро вышел, напоследок бросив на бывшего коменданта полный ненависти взгляд.

44. Изменник

Дон Себастьян встал, быстро кивнул и хотел уйти прочь, но его остановил дон Альфонсо:

— Комендант, вы действительно считаете графа изменником?

— Расследую — всё узнаете. Пока что молчите.

— А та девушка — точно не ведьма? Глаза совсем колдовские... — капитан мечтательно улыбнулся.

— Я вас убью!

— Не успеете, комендант, — молодой человек с ноткой истерики расхохотался. — Мне прислали четыре вызова на поединок. Первый — дон Фелис де Гарсиа, если вы понимаете, что это значит.

— Он убьёт тебя! — забеспокоился герцог. — Они с комендантом фехтуют почти что на равных!

— Конечно, убьёт... — отрешённо ответил дон Альфонсо. — Оно, может, и к лучшему...

— Капитан, не раскисайте, как женщина! Я напишу ему.

— Зачем? Чтобы убить самому? Эх... Мне отказала невеста, меня вызывают сильнейшие фехтовальщики. Только и остаётся, что приударить за ведьмой.

Долго сердиться на избалованного юнца, не лишённого храбрости, дон Себастьян был не в состоянии.

— Я напишу дону Фелису, потом подумаю, что с вами делать.

— Да ладно, сам справлюсь. Попрошу перевода на север, — дон Альфонсо с грустной усмешкой откланялся, а комендант ему вслед улыбнулся.

Дон Себастьян снова попытался уйти из допросной, и снова ему помешали. Послышался шум, топот, и в двери появился сам великий инквизитор с обезумевшими глазами.

— Сын мой! — он схватил своего молодого друга за плечи. — Как вы? Я не опоздал?

— Опоздали, — хихикнул герцог. — Ему только что подписан приказ об освобождении.

— Как вы себя чувствуете, святой отец? — серьёзно осведомился сеньор де Суэда. — Мне сказали, что вы больны.

Дон Рикардо рухнул в одно из кресел.

— Сын мой... всего лишь приступ подагры. По правилам святой инквизиции мои обязанности исполнял заместитель, а я не мог к ним вернуться без согласия короля... Дон Хуан воспользовался моей болезнью и подписал полномочия сеньору Лопесу... Я ничего не мог сделать!

— Вы сами точно такую штуку провернули лет двадцать назад, — герцог снова довольно хихикнул.

— Дон Хуан нашёл дурака, способного к вам применить пытки! Я так за вас испугался!

Искренне тронутый, дон Себастьян поцеловал старику руку и опустился в соседнее кресло.

— Как вы добрались?

— Не так плохо, как опасался. И, вот... приказ о вашем освобождении, подписанный доном Хуаном.

— Дон Рикардо, как вы убедили вашего заместителя? — полюбопытствовал герцог.

Старик в ответ тяжело вздохнул и совсем тихо промолвил.

— Я обменял это на прошение об отставке.

— Ничего себе! — от удивления герцог почти протрезвел.

— Дон Рикардо, зачем? — покачал головой бывший следователь. — Простите, я так вас подвёл.

— Что вы, сын мой! Мне уже рассказали, что вы спасли город. А я... мне и правда пора на покой... — дон Рикардо схватил ближайший бокал, в который Менго предупредительно налил вина, и осушил его залпом.

— Вы, мой юный друг, кажется, собирались... Надеюсь, к будущей сеньоре де Суэда, — отцу Николасу стало не по себе, и он решил разрядить обстановку.

— Вы женитесь, сын мой? — оживился дон Рикардо. — Я рад, что вы передумали. Граф де Тевора...

— Простите, святой отец, но имя невесты я назову только после помолвки.

— Храни вас господь! Ступайте. Я немного здесь посижу и поговорю с доном Армандо.

Дон Себастьян поклонился и вышел, напоследок окинув взглядом допросную. Герцог и отец Николас сидели в обнимку и собирались петь песни. Рядом, подперев рукой щеку, пристроился пригорюнившийся дон Рикардо. Менго и сеньор Лопес разбирали какие-то бумаги, а палач невозмутимо смотрел на свои инструменты.

С трудом поверив, что он наконец-то покинул допросную, дон Себастьян одним жестом отделался от поздравлений стражников, бросил:

— Я к себе, — ему нужно было умыться и переодеться.

Неожиданно он столкнулся со знакомым торговцем, которого менее всего ожидал увидеть в здании инквизиции.

— Сеньор Фуэнтес? Разве вас не отпустили?

— Отпустили, как вам, должно быть, известно. Но недооформили какие-то документы. Я пришёл с объяснениями. Поздравляю, что вы освобождены от ареста, — торговец слегка улыбнулся, но на лице его вновь проступило болезненное выражение.

— Благодарю, — дон Себастьян кивнул и отправился дальше, совсем не желая затягивать разговор.

В своей комнате молодой человек написал и сразу же передал записку для дона Фелиса, быстро привёл себя в порядок и надел свой старый мундир лейтенанта. В голове сложился план расследования измены, которое он должен закончить. Допросить всех пленных пиратов. Узнать все о связях подрядчика Рамона Таберы. Впервые дон Себастьян выдвинул обвинение, в которое ни капли не верил, но не раскаивался ни капли. Там, в допросной, он кожей почувствовал угрожающую Инес опасность и без колебаний ринулся в нападение. Расследование подождёт. Нужно как можно скорее объясниться с девушкой, венчаться, дать ей своё имя. Дальше — что бы с ним ни случилось, семья де Суэда защитит одну из своих сеньор. Жаль, нет кольца... он вспомнил о кольце несчастной сожжённой якобы ведьмы, но постарался выбросить из головы мысль о казнённых. Все дела — не сейчас.

Бывший инквизитор, прежде чем уйти, обвёл глазами комнату. Что-то его вдруг насторожило. Подошёл к столу. Ящики были задвинуты ровно, чего хозяин никогда не делал. Обыск после ареста? Тогда просто бы разгромили. Архив дона Бернардо был в другом

кабинете, здесь оставались лишь материалы по убийству прежнего следователя. Дело двух ведьм. Ящик с оставшимися от них вещами. Здесь было кольцо — его нет. Кто-то украл за время ареста? Изъято при обыске?

— Эй, кто там! — дон Себастьян окликнул стражника и спросил: — Мою комнату обыскивали?

— Нет, что вы! Никто не посмел... а сеньор Лопес забыл.

— Заходил кто-нибудь?

Стражник только развёл руками. Бывший следователь на миг задумался. В его комнате можно было украсть, кроме кольца, несколько золотых, документы... не тронуты. Кому могло быть нужно именно кольцо, вполне приличное для помолвки, но бывают и подороже? Кто-то из близких. Жених. Чьей она невестой была? Ноги сами несли молодого человека вниз, он крикнул стражнику:

— Задержите Гильермо Фуэнтеса!

Стражники давно привыкли не раздумывать над приказами сеньора де Суэда. Караульный на выходе отчитался:

— Сеньор Фуэнтес ещё в здании инквизиции!

— Зачем приходил? Где он может быть?

Пока торговца искали, дон Себастьян вспомнил, как Менго опустил глаза, отвечая на вопрос о смерти невесты сеньора Фуэнтеса. Во время осады комендант не придавал значение такой детали, а теперь без промедления ринулся в допросную, откуда, скорее всего, писарь ещё не ушёл.

Дверь оказалась закрыта. Бывшего следователя охватили дурные предчувствия, к тому же стражника не было видно.

— Выбить дверь!

И этот приказ исполнили, не размышляя. Пока несколько стражников слаженно крушили дверь алебардами, ещё один в ужасе вскрикнул:

— Комендант! Смотрите! — чуть в стороне, за занавесом, лежал без сознания стражник, дежуривший у допросной.

Дверь стали выламывать с удвоенной силой, и вскоре она вылетела из петель. Навстречу повалил дым. Дон Себастьян и двое стражников, закрыв рты и носы, задержав дыхание, вбежали внутрь и быстро выгнали людей, потерявших сознание, но ещё живых. Бывшему инквизитору пришлось отдельно приказать вытащить палача и самому подхватить мастера Антонио под руку. Постепенно одурманенные и отравленные открывали глаза, откашливались и приходили в себя.

Гильермо Фуэнтеса нашли в библиотеке, где он сидел, глядя на кольцо, пропавшее из комнаты бывшего следователя. Он не скрывался и не сопротивлялся.

Посмотрев, что творится в приёмной, куда перенесли пострадавших, торговец устало произнёс:

— Вы снова мне помешали, дон Себастьян. Молчите, прошу вас. Я принял яд, мне жить не более часа. Я признаюсь во всём.

— Пишите, сеньор секретарь, — дону Себастьяну хватило одного взгляда на еле живого трясущегося писаря.

Преступник вздохнул, сел, лицо его исказила гримаса.

— Моя Анита! Я даже не знаю, кто замыслил её погубить... Её убила моя любовь... Мне сватали другую девицу — объединить капиталы. Не знаю, кто сделал донос... её родня или

моя. Они подкупили соседей, платили кому-то в святой инквизиции... Я тоже платил, но меня опередили... или следователю была важнее карьера... — на лице умирающего выступил пот, но он взял себя в руки. — За этот год я стал другим человеком. Научился стрелять и убил инквизитора. Научился замки открывать и закрывать без ключа — чувствовал, пригодится. Связался с моврами...

— Вы из мести решили погубить город! — отчаянно выкрикнул дон Себастьян.

— Город... — сеньор Фуэнтес из последних сил усмехнулся. — Город ей улюлюкал. Простолюдины свистели и подбрасывали дрова. Знать вырядилась, как на праздник... — он с ненавистью глянул на герцога, в ужасе хлопающего глазами.

Дон Себастьян едва не сказал что-то резкое, но, как наяву, перед его мысленным взором возникла огромная площадь, беснующаяся толпа, а в центре — бьющаяся в пламени у столба фигура с лицом Инес... Собравшись с мыслями, бывший следователь спросил ровным голосом:

— Почему вы убили своих людей и сеньора Таберу?

— Вы действовали стремительно, сеньор комендант. Опережали каждый мой шаг. Мои сообщники перепугались, а подрядчик начал догадываться... Он не знал об измене, думал — я по дружбе выручил его добрым советом и своими людьми. Он вам бы признался, надеясь на ваше великодушие.

— Как вы убили дона Бернардо?

— Я предлагал ему деньги тогда, перед казнью... чтобы Аниту мою задушили. Он был честный человек — не взял, не осмелился... но жалел меня, — сеньор Фуэнтес нервно расхохотался. — Жалел! — чуть помолчав, изменник продолжил: — Год спустя, перед нападением на Сегилью, я ему написал записку с просьбой о тайной встрече. Просил поддержать моё прошение о пересмотре дела, чтобы хоть после смерти имя Аниты очистить. Он лично принял меня, стал отговаривать... Мою записку держал в руке... Снова жалел... Я его сразу убил.

— Как вы смогли в здании инквизиции ходить, невзирая на стражу?

— Деньги, дон Себастьян. Деньги и жалость. Вашу комнату мне позволил открыть караульный только ради кольца. Трясся, глаз с меня не сводил, но позволил... Хотите знать имя?

— Нет. Что в допросную вы подбросили?

— Не всё ли равно? Узнал у мовров рецепт, вместе с ядом. Когда понял, что отомстить городу мне не по силам, решил добраться до тех, кто был ближе к убийству Аниты. Кто подписывал документы... пытал... зрелищем развлекался... всю вашу свору, до кого дотянусь.

— Почему же сегодня? Вас вчера отпустили!

— Надеюсь, что вас сегодня отпустят.

Дон Себастьян посмотрел на него с удивлением, не понимая, а умирающий болезненно сморщился.

— Я не хотел вас убивать, дон Себастьян, хоть вы и разрушили план моей мести. Только вас не хотел убивать... — а потом, с неожиданными силами: — Зачем вы приехали в этот город? Почему не приехали раньше? — он поднёс к лицу одну руку, и тотчас её опустил.

Сеньор Фуэнтес заметно слабел. Стражнику пришлось поддержать его спину. Все были угнетены и растеряны. А умирающий уже почти бредил.

— Моя Анита... она до последнего мига надеялась, что я спасу её, а я не смог даже

избавить её от предсмертных мучений... она живая горела в огне.

— Нет, неживая... — к изменнику, пошатываясь, подошёл палач. — Я отказался её задушить — это было бы слишком заметно. Заколот одним из своих инструментов, пришили к столбу. Тело скрючилось, а казалось, что она корчится. Криков матери хватало толпе за двоих.

— Она не мучилась... не мучилась... — мутнеющие глаза на миг прояснились и скоро остекленели, предсмертная улыбка спала с лица, и стражник едва успел удержать от падения мёртвое тело.

Еле держась на ногах, дон Себастьян прислонился к стене. Закрыв глаза, помолился, сам не знал — за кого. Сквозь пелену слышал причитания отца Николаса:

— Я только подписывал...

Стоны Менго:

— Я не знал... я и думать не мог... он казался совсем безобидным...

Ворчание герцога:

— Это не я наряжался, это жена...

Открыв глаза, бывший следователь наклонил голову и потребовал от дрожавшего секретаря:

— Пишите... Гильермо Фуэнтес стал изменником, чтоб отомстить за казнь невесты по ложному обвинению. И в городе объявите.

— Ложному? Вы уверены? — робко шепнул отец Николас.

— Пишите — ложному! А вы, отец Николас, подпишите!

Не сводя с пожилого священника хмурого взгляда, дон Себастьян убедился в точной записи своих слов. Он чувствовал себя совершенно опустошённым. Распорядился очистить приёмную, но палачу на прощание сказал:

— В вас есть милосердие, мастер Антонио.

Тот покачал головой:

— За неё просил мой кот. А за вас — ваш Негрито.

— Если хотите сменить ремесло, я вам помогу.

— Сегилья обойдётся без палача?

— Вас это беспокоит?

— Ни капли.

— Подумайте. До свидания.

Палач вышел прочь. Труп унесли. Дон Рикардо, с трудом отдышавшись, сумел успокоить сердце.

— Мне и правда пора на покой...

— Мы при прошлой встрече недоговорили — такие дела нельзя оставлять на откуп местным властям.

— Какой же вы неуёмный, сын мой... на вас мундир, вернётесь на военную службу?

— Да. Надеюсь, что восстановят.

Старик сумел улыбнуться, но договорить им не дали. Вбежал стражник:

— Дон Себастьян! Там, на площади... просто праздник, все узнали о вашем освобождении, все вас ждут!

— Не сейчас.

— Ещё говорят — на горизонте показался королевский корабль! Вам нужно встретить его!

- Короля и без меня есть кому встретить.
- В прошлый раз вы совершили ошибку!
- Довольно! — дон Себастьян быстро вышел из комнаты и поднялся к себе.

45. Помолвка

В своей комнате дон Себастьян осмотрелся и призадумался — как уйти из здания незаметно? В своё время он лично занялся охраной инквизиции, мимо караулов мог пройти только кот, да и то потому, что стражники его пропускали. Может, за время ареста бывшего следователя бездельники разболтались? Где искать Инес — в монастыре, у Энрикесов? Вот и Негрито!

— Мальш, — шутливо спросил кота дон Себастьян, — ты мне подскажешь дорогу?

Негрито мяукнул, к удивлению своего друга, кивнул, прыгнул на ветку и обернулся, помахивая хвостом. Чуть помедлив, молодой человек решил — почему бы и нет? Если не знаешь, куда идти, почему не пойти за чёрным котом? Закрепив на спине шпагу, ступил на карниз, ухватился за тонкую ветку, притянул к себе ветку потолще и сумел забраться на дерево. Осторожно спустился и встретился с остолбеневшим от удивления стражником.

— Дон Себастьян, вы решили так проверять караулы?

— Нет, хочу уйти незаметно. Помню — с той стороны стена примыкает к старому саду. А ты не видел меня.

— Как прикажете, — стражник не выдержал и понимающе ухмыльнулся. — Извольте, сейчас принесу садовую лестницу.

Старый сад пах буйно цветущими заброшенными цветами. На деревьях давно завязались плоды. По расчётам бывшего инквизитора, он сможет выйти в небольшой переулок. Но и здесь молодой человек не сумел остаться незамеченным — его шаги потревожили старушку, вышедшую из сторожки и вскрикнувшую.

— Сеньора, простите, я не хотел вас пугать, — беглец слегка поклонился.

— Сеньор комендант? — почтенная женщина себя забыла от удивления.

— Мне просто нужно пройти через сад. До свидания.

Старушка разулыбалась:

— Дон Себастьян, кто счастливица? Калитка вон в той стороне!

Выйдя в проулок, дон Себастьян понял — Негрито ведёт его к дому Энрикесов. Пожалуй, так будет верно. Надвинув на глаза шляпу, молодой человек понадеялся — его в мундире лейтенанта никто в Сегилье не видел, может быть, хоть сейчас повезёт, и спустя полчаса смог с облегчением вздохнуть у двери в дом своего друга. На стук ответил привратник:

— Кого ещё принесло? Хозяева сейчас на площади ждут освобождения коменданта, или встречают королевский корабль!

— Добрый день. Здесь ли сеньорита Рамирес?

— Сеньор комендант?! — дверь распахнулась. — Как же так, вас ждут у здания инквизиции! Вас, наконец-то, освободили?

— Так здесь ли сеньорита Рамирес?

— В патио... только что спустилась... — ответил привратник, ещё не оправившись от изумления.

Нежданный гость быстро прошёл мимо слуги и направился в патио, не обращая ни на кого больше внимания. Остановился, лишь увидев свою сеньориту, и наконец-то смог с облегчением вздохнуть. Их разделяли всего несколько шагов, но молодой человек на несколько мгновений остановился полюбоваться. Девушка сидела, не улыбаясь, пыталась

читать молитвенник, потом отложила книгу и взялась за вышивание, но и на нём не могла сосредоточиться. Инес была слишком грустной, чтобы молча смотреть на неё.

— Здравствуйте, сеньорита Инес! — негромко позвал комендант и подошёл на три шага ближе.

Девушка подняла глаза, вскочила, не веря и еле дыша.

— Дон Себастьян? Вы... — у неё перехватило дыхание.

— Да, я здесь, рядом с вами. Освобождён от ареста. Меня можно потрогать, — он улыбнулся.

Инес поверила, глаза её засияли, на губах заиграла улыбка.

— Сеньор, мне вас трогать можно только глазами.

Теперь перехватило дыхание у сеньора. Один взгляд — и сердце освободилось от гнетущих забот, от всей грязи, от суеты, от усталости и печали. Несколько слов — и нет места сомнениям.

— Вы меня тронули вашей улыбкой.

— Вы меня тронули ласковыми словами.

— Я сказал вам так мало ласковых слов...

— Много слов говорить вам не надо...

Патио вдруг наполнилось людьми. Всем опять было что-то нужно от дона Себастьяна, а дон Фернандо его упрекнул:

— Как вы могли не пойти встречать короля!

— Он и без меня не заблудится в нашей Сегилье.

— Вы невозможны!

— Сеньоры, прошу вас ненадолго оставить меня наедине с сеньоритой Рамирес, — он обернулся к Инес, стоявшей чуть поодаль, — Если, конечно, сеньорита не против.

Настала вдруг тишина. Подобная просьба от благородного человека могла означать лишь одно — но именно это казалось всем невозможным. В глазах сеньора де Суэда вспыхнул гнев, и он повторил просьбу тем тоном, каким отдавал приказы во время осады:

— Сеньоры, прошу вас на несколько минут меня оставить наедине с сеньоритой Инес.

Первой опомнилась донья Елена и утянула за собой мужа. Патио опустело, хотя влюблённые и не обманывались насчёт своего уединения.

— Боюсь, — с улыбкой сказал дон Себастьян, — я не успею вам спеть серенаду. Впрочем, я всё равно не умею играть на гитаре.

— Неужели у вас есть недостатки? — засмеялась Инес.

— Великое множество, сеньорита. До венчания не успеете все узнать, а может, это и к лучшему.

Девушка стала серьёзной.

— Сеньор, за вас разве что инфанту не отдадут.

— А я не возьму даже инфанту... С одним недостатком я вас всё-таки познакомлю. Я невозможный наглец.

Он сделал последний их разделяющий шаг и быстро поцеловал девушку. Инес запунцовела.

— Дон Себастьян, нас же видят!

— Действительно... — он обратился к обманчиво пустому патио. — Уважаемые подглядывающие сеньоры! Прошу вас выйти из ваших укрытий и засвидетельствовать мою помолвку с сеньоритой Инес Рамирес.

В патио вновь появились люди — на сейраз с круглыми от удивления глазами. Дон Фернандо за всех принёс поздравления и вспомнил:

— Вы обязаны встретиться с королём!

— Мне назначена аудиенция?

— Конечно! Вы должны были быть на пристани, когда причалил корабль! Лучше не отвечайте! Я сказал Его Величеству, что вы заканчиваете доклад об изменнике.

— А губернатор?

— Потрёпанный, еле стоит на ногах, но короля встретил. С ним был дон Альфонсо — в этот раз он сразу назвал настоящего коменданта и не позволил дяде ни слова. На ваше счастье, дон Себастьян, Его Величество знает, что де Суэда никогда не спешат выразить верноподданнические чувства.

— Когда и где назначена аудиенция? Король, быть может, желает отдохнуть после дороги?

— И не надейтесь! Вы представляете... мовров напасть побуждали ританцы! Собирались взять Эспанию в клещи! Но пиратские корабли застряли возле Сегильи, не явились к решающему сражению, и после нескольких стычек Ритания предложила нам мир!

— Я очень рад.

— Какой тут может быть отдых с дороги?! Немедленно во дворец губернатора! Там вся сегильская знать собралась, пока я вас искал.

— Только знать?

— Я велел седлать вам коня!

— Мяу! — раздался голос Негрито.

— Что за грохот?

Дон Фернандо прислушался.

— В дверь стучат. Бьюсь об заклад, это к вам. Коня сейчас приведут к парадному входу.

— Прошу второго, с дамским седлом — для сеньориты Рамирес. Инес, вы ведь умеете ездить верхом?

Девушка молча кивнула, только сейчас начав верить: её счастье не сон.

46. Аудиенция

Ну наконец-то! Шумные глупые люди всё время мешали лучшему из человеческих котов признаться в любви к лучшей из человеческих кошек! Никаких больше сомнений! Дон Себастьян сумел отодвинуть дела и спокойно сейчас улыбается, а моя дорогая Инес светится ясным солнышком.

Моего друга зовут к королю. К двери дома Энрикесов прискакал гонец, спросил коменданта, а дон Себастьян ответил ему:

— К королю приглашены только знатные люди Сегильи?

— Разумеется, во дворце губернатора только высшая знать!

— Я вижу в толпе отличившихся защитников не из знати. Они пойдут со мной на приём к королю.

— Но... — гонец растерялся.

— Король ценит заслуги своих простых подданных.

— Сеньор... — гонец всё ещё не был уверен, но тут разговор перекрыл властный голос:

— Мой сын знает, что делает!

Все обернулись к всаднику с горделивой осанкой.

— Отец! — глаза моего друга вспыхнули радостью.

Дон Эстебан слегка наклонился вперёд и сказал:

— Себастьян, не заставляй короля ждать слишком долго. Встретимся во дворце губернатора, — и пришпорил коня.

Дон Себастьян назвал нескольких человек, оказавшихся рядом, чьи заслуги хотел отметить. Коня пустил шагом, хотя дон Фернандо пытался поторопить друга, но тот настаивал: защитники-простолюдины, идущие пешком, должны быть представлены Его Величеству. Я без труда успел добежать до дворца. Стражники короля меня испугались, но их успокоили слуги герцога.

— Негрито — кот коменданта. Он приносит удачу!

— Странный город, ваша Сегилья!

— Прекрасный город!

Я добрался до парадного зала и увидел дону Бенито. Где можно собакам, можно и кошкам! Пристроился рядом. Важный пёс мне сказал:

— Хотя ваш хозяин, сеньор Негрито, относится к моему герцогу недостаточно почтительно, я не могу не признать его заслуги.

Я чуть-чуть потянулся и стал разглядывать толпу местной знати. Дон Бенито шепнул: «Здесь и столичная знать, и флотские офицеры». Собрание было важным, конечно, но без моего друга не начиналось. Я спросил:

— Кто здесь король?

— Сеньор Негрито, вы непозволительно невежественны в этикете. Все ждут сеньора де Суэда, но король своего подданного ждать не может. Его Величество войдёт в зал последним. Впрочем, вашему невежеству есть извинение — по слухам, сеньоры де Суэда редко бывают при дворе, а дон Себастьян там не был ни разу, поэтому, где ему понимать тонкости!

— Вы правы, дон Бенито, — я почтительно наклонил голову. — Комендант куда более сведущ в обороне города, чем в этикете.

Наконец, изнывающая в ожидании толпа пришла в движение. Важный слуга, одетый куда наряднее моего друга, стукнул длинным жезлом по полу и объявил:

— Комендант крепости Сегильи, дон Себастьян де Суэда!

Я еле успел удивиться и выслушать от дон Бенито снисходительное объяснение: «Когда вашего хозяина называли комендантом сегильские голодранцы — это не значило ничего, но если на королевской аудиенции — значит, он действительно комендант». Мой друг сделал общий поклон, так же поступил дон Фернандо. Инес хватило присутствия духа присесть не менее изящно, чем донья Елена, сразу после которой моя дорогая хозяйка вошла в зал. Несколько просто одетых человек, вошедших сразу за доном Себастьяном, были смущены и кланялись очень неловко. Знатным дамам и господам пришлось ответить на приветствие всех вошедших, но особенный интерес вызвала, конечно, моя Инес. Я заметил, как застыла сдержанная улыбка на лице графа Теворы, а великий инквизитор на миг нахмурился. Дон Диего, я думал, будет смотреть на донью Эстрелью, но он, не замечая графиню, бросил угрюмый взгляд на коменданта, а дон Себастьян посмотрел на отца.

Обмен взглядами не продолжился долго. Другой слуга, одетый богаче многих знатных сеньоров, стукнул своей длинной палкой и, надувшись от важности, мощным голосом провозгласил:

— Его Величество дон Луис Третий, король Испании!

Все склонились в низком поклоне, мужчины — сняв шляпы. Вошёл господин средних лет и благородного вида, одетый довольно строго. Он приветствовал высокое собрание лёгким кивком. Все распрямились, но только трое сеньоров надели опять свои шляпы — герцог де Медина, граф де Тевора, и — неожиданно — дон Фернандо Энрикес.

На нашего друга капитана обратилось вмиг множество глаз. Даже дон Себастьян с удивлением приподнял брови и улыбнулся, но сразу же вновь стал смотреть на Его Величество. Дон Бенито мне проворчал:

— Кто бы мог подумать, что капитан — сеньор королевской крови! Своей скрытностью он поставил высшее общество Сегильи, прежде всех моего герцога, в неловкое положение. А вашему хозяину нипочём.

— Я уверен, дон Бенито, что комендант и капитан останутся друзьями, как прежде.

После приветствия в зале воцарилась тишина. Король сел в кресло, установленное на небольшом возвышении, и негромко, но в тишине хорошо слышно, сказал:

— Дон Себастьян де Суэда, комендант крепости Сегильи! За ваши заслуги по защите города посвящаю вас в рыцари ордена Золотого Руна!

Дон Бенито почтительно наклонил голову:

— Высший орден Испании! Интересно, синяя или красная лента... Красная! У дон Армандо — только синяя. Его Величество чрезвычайно высоко оценил заслуги вашего хозяина, дон Негрито!

Я опустил голову на лапы, чтобы не фыркнуть слишком заметно. Подумать только, я теперь дон! Моя мама-кошка мной бы гордилась. Правда, в том мире, откуда я родом, о благородных донях кошки понятия не имеют. Интересно, будет ли моё новое звание что-то значить для местных кошек...

Дон Себастьян подошёл к королю ближе, спокойно опустился на одно колено и наклонил голову. У людей посвящение в рыцари довольно забавное, но никто не смеялся. Мужчины смотрели с нешуточным восхищением, а дамы еле дышали, глядя, как король сначала положил на плечо коменданта свою шпагу, потом убрал её в ножны, взял из рук

герцога орден на красной ленте и одел его на шею моего друга. Затем король сделал шаг назад и соблаговолил улыбнуться. Комендант встал, посмотрел королю прямо в лицо и произнёс:

— Ваше Величество, благодарю за высокую оценку моих заслуг. Защитники Сегильи с честью исполнили свой долг. Знатнейшие из защитников в этом зале присутствуют все. Из тех, кто не столь знатен, немногие.

— Вы подадите мне списки всех, кого считаете достойным награды.

Король смотрел на моего друга с приветливым любопытством, а тот отвечал почтительно и серьёзно. Из-за разницы в росте комендант смотрел на Его Величество слегка сверху вниз, но это не беспокоило ни того, ни другого.

— Разумеется, Ваше Величество. В первую очередь — тех, кто сражался, рисковал своей жизнью. Но нельзя забывать инженеров, врачей, тех, кто ухаживал за ранеными. Среди них была и моя невеста, сеньорита Инес Рамирес.

Дон Себастьян на миг обернулся, взял руку Инес и, снова глядя на короля, поднёс её пальцы к губам.

В зале опять стало тихо. Все взоры обратились к моей славной хозяйке, а она снова присела в поклоне. Как бы ни удивился король, он не повёл даже бровью, однако молчал, как и все. Первым опомнился барон де Суэда. Неспешным шагом дон Эстебан подошёл к Инес и спросил:

— Вы дочь служившего в моём полку лейтенанта Алонсо Рамиреса?

— Да, дон Эстебан, — негромко, но ясно ответила девушка, глядя, как всегда, прямо.

— Я очень рад, — дон Эстебан наклонился к невесте сына и поцеловал её в лоб, а затем так же неторопливо вернулся на своё место.

Мы с доном Бенито любовались редкостным зрелищем — как разряженные знатные дамы с завистью смотрели на девушку в скромном платье. Их служанки, наверное, одевались богаче, так что из того? Лучшее украшение женщины — мужчина с ней рядом, а в этом с моей драгоценной Инес не может сравниться никто.

Король, наконец, решил — пора улыбнуться, и завершил приём со словами:

— Комендант, поздравляю с помолвкой и жду доклада, — потом всем: — До свидания, сеньоры.

Я подслушал, как, выходя из парадного зала, Его Величество спросил герцога:

— Кто-нибудь из де Суэда разбирается в этикете?

Дон Армандо развёл руками:

— Никогда не слышал о таком де Суэда!

А дон Фернандо с усмешкой прибавил:

— От де Суэда двух вещей нельзя ожидать — измены и знания этикета.

— Что поделаешь с этими де Суэда, — тоже слегка усмехнулся король.

47. Ради тех, кто мне дорог

Дон Себастьян не хотел долго принимать поздравления и отделался общими словами, сославшись на обязанность закончить доклад для короля. Супруги Энрикес догадались, что он хочет скорее уйти, и откланялись первыми, уводя с собой Инес, провожаемую многочисленными отнюдь не дружелюбными взглядами дам и девиц, а кабальеро косились на женщин, пряча усмешки.

Инес шла из зала по коридору, по лестнице, и заново переживала приём. Она понимала — ни взглядом, ни жестом не должна выдать волнение. С этого дня и всегда она на виду, мишень для зависти и придираков. Никто не посмеет бросить ей злое слово в лицо, но за спиной будут считать каждую неловкость. Во время приёма у короля девушка вспоминала госпиталь, ожоги и ампутации, неужели дворянство Сегильи страшнее? Что такое шепот знатных сеньор, если слышала стоны раненых? Всё же Инес с того мига, как она вошла в роскошный приёмный зал дворца губернатора, чувствовала, как колотится её сердце, но девушка была обязана не позволить кому бы то ни было усомниться в спокойствии и уверенности в себе избранницы коменданта. Стремясь оправдать доверие любимого человека, Инес выдержала бестрепетно даже взгляд наверняка удивлённого короля, но успокоилась, лишь услышав от сеньоры Энрикес тихое: «Поздравляю, вы отлично держитесь».

Деятельная донья Елена позаботилась о карете для обручённых, в углу которой оказалось нечто свёрнутое из ковра и прикрытое видной из окна экипажа мантильей. На недоумённое «Что это?» сеньора невозмутимо ответила коменданту: «Дуэнья. Иначе вам неприлично провожать невесту до нашего дома, где сеньорита будет гостить до свадьбы». Слышавший разговор дон Эстебан рассмеялся, вручил сыну небольшую коробочку и шепнул ему:

— Когда ты написал, что передумал принимать обеты, я догадался — кольцо тебе скоро понадобится, — а Инес сообщил: — Ваш отец окликнул меня на улице, он вас ищет.

— Он же болен!

— Слишком за вас беспокоится. Узнал об осаде и сразу подался ближе к Сегилье. Мы пообедаем вместе и приедем к Энрикесам. Кстати, сеньорита, вы очень похожи на вашу матушку, жаль, что она умерла. Мне пора, передам лейтенанту новости.

В карете влюблённые рассмеялись. Им обоим нужно было опомниться от смятения этого дня. Дон Себастьян, наконец, одел на палец невесты кольцо и стал рассказывать о связанных с ним семейных традициях. Их руки соприкоснулись, обоих бросило в жар, и комендант пожалел, что рядом нет настоящей дуэньи, взгляд которой мог бы его остудить. Ему с трудом удалось выровнять дыхание, чтобы попросить Инес назначить день свадьбы. Смущённая девушка почти прошептала:

— На этой неделе — когда вам угодно.

В головах обручённых желания и мысли безнадёжно перемешались. Невесте казалось, что ей слишком сильно для честной девушки хочется быть к жениху ближе, почувствовать вкус его объятий и поцелуев, не подходящих до венчания, а в теле влюблённого вихрем крутились нежность и бешеное желание. Влечение к Инес не было ни оскорбительным, ни постыдным, но пока дон Себастьян старался взять себя в руки. У него давно не было

женщины, а брачная ночь предстоит с девушкой, никогда не бывшей с мужчиной. Кстати, где они проведут первую брачную ночь? От этой мысли комендант засмеялся:

— Чувствую себя настоящим бродягой. Ещё не подумал, где у нас будет крыша над головой.

Стало смешно и Инес.

— Надеюсь, не в инквизиции? — девушка на миг состроила на лице испуганное выражение и тотчас опять засмеялась.

— Нет. Вы её заколдуете, и Сегилья всегда будет женить своих следователей.

— Мне нравится эта мысль!

— Помилосердствуйте! Такой, как вы, жены больше никому не достанется.

— И таких следователей больше не будет.

— Если серьёзно, то я сегодня закончу доклад для короля, подам прошение о назначении пенсии сеньоре Альмейда и попрошу отпуск на время медового месяца, который мы проведём в замке Суэда. Но торопить вдову дона Бернардо с переездом со служебной квартиры я не хочу.

Покрасневшая, как плод шиповника, Инес сообщила:

— После приёма у короля донья Елена спросила, когда в ближайшее время мне можно венчаться. Кажется, она решила позаботиться даже о моём платье... — невеста, хотя и смущённая, опять засмеялась.

Коменданту было решительно всё равно, какое на девушке будет платье, лишь бы поменьше застёжек. Он с воодушевлением произнёс:

— Быть может, мы уже завтра будем женаты.

— Я тоже надеюсь...

Я не хотел отвлекать на себя внимание моих любимых друзей, поэтому стал невидим, прежде чем прыгнуть в карету. Дон Себастьян и моя дорогая Инес болтали и пересмеивались, а я стал смотреть в окошко, ведь я — деликатнейший кот.

Карету приветствовала толпа. Я, лениво помахивая хвостом, глядел на счастливые лица. Что там странно темнеет? Моё кошачье сердце забилося в тревожном предчувствии. Стал смотреть пристально. Тёмное пятно приближалось, увеличивалось, шевелилось, но никто из стоявших рядом с ним не обращал на него внимание, наверное, не мог заметить. Я поднял глаза чуть выше и вздрогнул. Пятно, точнее сказать, чёрный шар переливался, трепыхался, а за ним мои изумрудные глаза разглядели перекошенное ненавистью лицо дона Диего. Оружие из крови разбойника, дона Стефано! Колдун обезумел! Кто его цель? Дон Себастьян. быть может, заговорённый, или та, кто ему дорога, его невеста Инес? Я успею ещё убежать... Но... точно ли заговорены де Суэда? Моя хозяйка точно не заговорена! Я их спасу, я отдам за них свою восьмую жизнь, у меня есть девятая! Или нет, девятой, последней кошачьей жизнью, живу я сейчас? Мои друзья, моя жизнь... Мой храбрый, добрый, наивный дон Себастьян! Моя Инес... Страшный шар отделился от рук колдуна и поплыл в сторону нашей кареты. Восьмая или девятая жизнь? Уже в прыжке я подумал: мне всё равно. Я их люблю.

Я успел заметить, как злоба на лице дона Диего сменилась ужасом. Всё.

Темнота.

Я очнулся на пристани. Встал на лапы, но они вдруг разъехались. Посмотрел. У меня не лапы, а лапки! Что такое... Где я, почему всё стало больше, чем раньше? Яркое солнце, синее море, корабли с парусами, мощная крепость... Я точно в Сегилье. Маленькими шажками пошёл на разведку. Оглянулся. Увидел большой причаливающий корабль. Услышал стук экипажа и посмотрел на дорогу. Карета. Дверца открылась и... Мой дорогой дон Себастьян! Я узнал его по походке, по взгляду, по улыбке, которой он встретил корабль! Но мой друг всё-таки изменился. Носит усы, как большинство мужчин прекрасной Сегильи. Я как мог быстро побежал к нему, крикнул: «Мяу!» — получился скорее писк, чем мяуканье. Я испугался... но мой славный дон Себастьян услышал, почувствовал, опустил глаза, удивился... Наклонился и взял меня на руки.

— Кроха... весь чёрный. Совсем как Негрито!

— Мяу! — я снова крикнул ему: «Я и есть твой Негрито!»

Мой друг не понял меня, но всё равно обрадовался и погладил. Его приветствовали на пристани: «Здравствуйте, ваше превосходительство!», он им кивнул и посмотрел, как с корабля опустили сходни, и на берег сошёл старый мужчина в сугане. Дон Себастьян передал меня слуге и встретил гостя.

— Рад вас видеть, святой отец! — мой друг поцеловал руку улыбающегося великого инквизитора и пошёл рядом с ним к своей карете, слуга — следом за ними.

— Я тоже так рад!

— Устали в дороге?

— Я полон сил! Король не напрасно отклонил моё прошение об отставке.

Они устроились в карете друг против друга, и дон Себастьян взял меня к себе на колени.

— По-прежнему любите кошек? — улыбнулся мне дон Рикардо.

— Да... Негрито уже полтора года не появлялся, этот малыш так похож на него...

— Как здоровье доньи Инес?

— Благодарю вас, супруга здорова.

Я услышал, как ласково, нежно мой дорогой друг говорит о своей любимой жене и моей драгоценной хозяйке. Зажмурился и заурчал, а дон Себастьян меня снова погладил. Мужчины продолжали беседу.

— Какие новости в прекрасной Сегилье?

— Почти отстроили новую башню. А что в столице?

— Много шуму наделало второе замужество доньи Эстрельи. Срок её траура по покойному мужу как раз истекал, графиню требовали ко двору, а тут пожалуйста!

— Могу представить разочарование тех, кто надеялся составить ей партию, — засмеялся дон Себастьян.

— Графиня сумела после смерти отца протянуть время, заявив, что раз причиной смерти супруга оказался несчастный случай, а не поединок из-за другой женщины, то она обязана выдержать траур, как подобает.

— Разумно.

— Я говорил покойному дону Мигелю: его дочь не так уж глупа. Но вы вот что мне расскажите — почему король, получив известие о венчании, сначала сердился — у него были планы на графство Тевору, а потом рукой лишь махнул и прибавил: «Что поделаешь с

этими де Суэда!»». Вы здесь причём?

— Никакого секрета. Граф де Тевора незадолго до смерти прислал мне бумагу — благословение дочери на брак с... — а для имени пропуск. К документу письмо: если донья Эстрелья найдёт в мужья достойного кабальеро, который едва ли получит одобрение от короны, то граф меня просит вписать в документ имя избранника дочери. В том же письме дон Мигель назвал имя священника, который не побоится королевского гнева и обвенчает наследницу с кем ей будет угодно, а потом не сбежит, поставив брак под сомнение.

— Отец Энрике Мартинес? — быстро произнёс дон Рикардо.

— Вы с ним знакомы?

— Был когда-то... — великий инквизитор на миг опустил глаза.

— Я, право, с большим удовольствием по просьбе доньи Эстрельи внёс в документ имя дона Фелиса де Гарсиа. Королю написал, что выбор дамы благоразумен, дон Фелис кабальеро порядочный и отважный, из почтенной семьи, а графство Тевора будет в надёжных руках.

— Какое разочарование для двора!

Они посмеялись и продолжили разговор.

— Я к дону Армандо заеду совсем ненадолго.

— А потом — к нам обедать?

— Конечно. Донья Мария всё ещё спорит, кто первая дама Сегильи? Герцог писал, что она, герцогиня, была готова уступить это звание скорее жене коменданта — он ведь сеньор королевской крови, чем вашей супруге — жене губернатора.

— К счастью, ни донью Элену, ни мою донью Инес подобные глупости не беспокоят. Герцогиня на том унялась, что осталась хозяйничать в лучшем дворце, и, конечно, с рождением сына.

— Говорят, настоящего богатыря!

— Да, дон Армандо был очень рад разочарованию кого-то из младшей родни, надеявшегося получить его титул.

— Вот как случается... А ведь донья Мария с год назад чуть не погибла! Я не помню детали.

— Лошади понесли. К счастью, экипаж сумел остановить сильный стражник. Герцог его потом взял на службу, у меня спрашивал рекомендации.

— Вы его знаете?

— Санчо Хименес. Был на вылазках, с первой во время осады. Парень надёжный и храбрый. Кстати, на крестинах видел дона Диего. Граф оправился после болезни.

— Да, он долго болел, еле выжил.

— Теперь он почти не бывает в Сегилье. Обосновался в Астрамадуре и сумел устроить отца Николаса в богатый приход.

— Отец Николас, подавая прошение об отставке со службы в святой инквизиции, написал мне — они подружились и часто беседуют о женском нраве.

— Мне отец Николас тоже иногда пишет. На днях, прямо с гордостью: дон Диего в Астрамадуре прослыл весьма обходительным кабальеро и скоро женится на тамошней первой красавице, а она идёт за него без всякого принуждения, вовсе не ради титула, и денег у неё отцовских довольно. Что меня удивило — граф передал мне почтение.

— Зачем старое поминать! Зря вы герцога не простили.

— Мы не в ссоре. Дон Армандо хотел стать крёстным Фелипе, но я попросил дона

Альфонсо, он как раз приезжал в отпуск со службы на севере. Крёстной, конечно, донью Элену. Но сына герцога я крестить согласился.

— Вот и дворец. Вы уверены, что не хотите в него переехать? Ведь особняк предназначен для губернатора.

— Слишком дорого содержать. Денег, выделяемых из казны города, не хватает. Мы сняли дом поскромнее, но нам в нём очень удобно. Хороший сад, ветер с моря. Сеньоре Фелисии хватает места обучать будущих травниц. А с официальными приёмами герцогская чета справится куда лучше, чем мы с доньей Инес.

— Вы, разумеется, всё своё время посвящаете городу и никогда не соберёте коллекцию. После осады отдыхали, наверное, только в медовый месяц.

— Уже собирались в Сегилью из замка Суэда, но на тридцать первый день после нашего с доньей Инес венчания пришёл приказ явиться в столицу и получить из рук короля новое назначение.

— Вы были удивлены?

— Несказанно.

— А те, кто вас знает, ни капли.

— Вскоре надеюсь выбраться на охоту к тестю в Хетафе. Заодно посмотрю на поместье, которое мы купили на имя Инес благодаря наследству от её дяди. Тесть надеется, что позади несчастья его родного селения.

— Дай бог. До скорой встречи, сын мой.

— До скорой встречи!

Оставив дона Рикардо у герцогского дворца, где его с почётом встретили слуги, мой дон Себастьян поехал дальше в карете. Недолгой дорогой мы любовались Сегильей, а вскоре карета остановилась. Я посмотрел на наш новый дом и у порога увидел Чико. Сказал ему: «Мяу!». Он вскочил, с удивлением раскрыл пасть и ответил мне: «Гав!». Позже поговорим.

Здесь же сеньора встретил Менго с пером, заложенным за ухо:

— Дон Себастьян, подрядчики...

— Позже, — и стоявшей чуть дальше Хосефе: — На кухне скажи: у нас сегодня обедает дон Рикардо, он любит сладости с кофе.

— Как прикажете, ваше превосходительство.

Молодой губернатор зашёл в дом и едва успел положить меня на каминную полку, как навстречу ему полетела моя дорогая, чудесная, храбрая, ласковая, самая прекрасная на свете Инес! Муж подхватил её на руки, покружил и подбросил:

— Успела соскучиться, моё ясноглазое счастье?

— Конечно, мы оба соскучились.

— Смотри, я котёнка на пристани подобрал. Чёрный, как наш Негрито.

— И глазки зелёные... — вздохнула Инес.

— Пойдём, познакомим его с Фелипе.

В большой комнате меня поставили на пол. Я огляделся и замер. Прямо ко мне на четвереньках быстро полз человеческий котёнок.

Я сказал ему: «Мяу!», а он мне ответил: «Ниу». Я прижал уши, он ткнул в меня пальцем, но не стал дёргать за хвост, а дон Себастьян и донья Инес сидели рядом на ковре и смеялись. У хороших людей и котята хорошие.

Я больше не кот со свидетельством инквизиции. Я кот губернатора. Горожане любят и уважают меня. Когда я степенным шагом иду по балюстраде вдоль пристани, мне почтительно говорят: «Здравствуйте, дон Негрито!». В Сегилье все знают — чёрный кот приносит удачу. Я свой город люблю, и моими стараниями у нас появилось немало чёрных котят. Кошки, которым я уделяю внимание, пока что обыкновенные, но я не утратил надежду на встречу с волшебной ласковой кошечкой, единственной и несравненной, и с нею мы будем счастливы, как мои друзья Себастьян и Инес.

Конец

Больше книг на сайте - Knigoed.net